

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Солопова Ольга Александровна

**Метафорическое моделирование
образов прошлого, настоящего и будущего
в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год)
и Великобритании (2001 год)**

10.02.20 – «Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор Чудинов А. П.

Екатеринбург

2006

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Лингвистические основы сопоставительного исследования метафорической репрезентации оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ в политическом дискурсе России и Великобритании.....	14
1.1. Когнитивное моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе.....	14
1.1.1. Моделирование образа прошлого в политическом дискурсе.....	17
1.1.2. Моделирование образа настоящего в политическом дискурсе.....	22
1.1.3. Моделирование образа будущего в политическом дискурсе.....	27
1.2. Методика исследования метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе.....	31
1.3. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001).....	43
1.3.1. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной Думы России (2003).....	44
1.3.2. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов в Парламент Великобритании (2001)	53
Выводы по главе 1	61
Глава 2. Метафорическое представление прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании: российско-британские параллели.....	65
2.1. Метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в темпоральном аспекте: российско-британские параллели.....	65
2.1.1. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в российском политическом дискурсе.....	67
2.1.2. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в британском политическом дискурсе.....	76
2.2. Метафорическая модель СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в	

темпоральном аспекте: российско-британские параллели.....	86
2.2.1. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе.....	88
2.2.2. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в британском политическом дискурсе.....	97
Выводы по главе 2.....	10
	7
Глава 3. Метафорическое представление прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов: национальная специфика российского и британского дискурса.....	11
	2
3.1. Метафорическая модель СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в темпоральном аспекте: национальная специфика российского и британского дискурса.....	11
	3
3.1.1. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в российском политическом дискурсе.....	11
	4
3.1.2. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в британском политическом дискурсе.....	12
	5
3.2. Метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в темпоральном аспекте: национальная специфика российского и британского дискурса.....	13
	5
3.2.1. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в британском политическом дискурсе.....	13
	7
3.2.2. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе.....	14
	6
3.3. Национальная специфика создания образов прошлого, настоящего и	

будущего с использованием менее частотных метафорических моделей в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании.....	15
	9
Выводы по главе 3.....	19
	7
Заключение.....	20
	2
Список используемой литературы.....	20
	8
Список словарей и справочников	
Список сокращений и аббревиатур	
Приложения	

Введение

Настоящая диссертация посвящена сопоставительному когнитивному исследованию метафорических моделей, использующихся для моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов в Государственную Думу России (2003) и всеобщих выборов в Парламент Великобритании (2001).

В последнее время наблюдается заметное усиление научного интереса к проблеме закономерности общественно-исторического развития, связи современности с прошлым и будущим страны. Отражение ментальных структурно-логических схем в сознании говорящего сделало закономерным и причинно-обусловленным когнитивный подход в изучении темпоральной парадигмы ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ. Для мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека нет ничего более основополагающего, чем его способность к категоризации, то есть к процессу образования категорий как отражающих самые существенные, самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам и рубрикам [Кубрякова 1999: 7]. В результате когнитивных процессов категоризации и концептуализации происходит создание определенного фрагмента языковой картины мира. Тем-

поральный фрагмент образа мира представляет собой сложно структурированное образование, являющееся результатом взаимодействия ряда факторов рационального и чувственного, индивидуального и социального, языкового и неязыкового характера. Временная парадигма ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ является одним из измерений национального самосознания, важной частью мировоззренческой системы координат, «при помощи которой люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его» [Гуревич 1969: 71].

Национальное языковое сознание ищет для выражения концепта ВРЕМЯ «какой-то конкретизации, подставляя под философское определение более понятные прототипические образы» [Маслова 2004: 71]. Вопросы, связанные с парадигмой ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ, по-новому преломляются в рамках когнитивной лингвистики. Внимание специалистов все чаще привлекают проблемы когнитивной интерпретации носителей разных языков концепта ВРЕМЯ (Л. П. Гашева, Ю. Д. Коваленко, М. В. Пименова, Н. С. Попова, М. Ю. Рябова и Н. В. Корчуганова, Ю. Н. Флегонтова, V. Evans, P. Fitzgerald), темпоральных метафор, где ВРЕМЯ является объектом метафоризации (J. A. Barnden, J. T. Fraser, S. R. Glasbey, M. Johnson, G. Lakoff, M. G. Lee, J. Naimo, A. M. Wallington, G. Radden), моделирования современной действительности (В. Н. Базылев, О. С. Иссерс, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, A. Judge), ее прошлого (В. А. Даулетова, F. J. Antzac, D. Graber, I. Hellsten, R. Kuusisto, R. Paris, R. Slaughter, M. E. Stuckley, P. Wander), возможного будущего (Е. А. Артемова, П. Бурдые, А. Judge, P. Watzlawick, M. Zdenek), взаимосвязи временных горизонтов (В. И. Карасик, Э. Лассан, П. О. Миронова, Н. Б. Руженцева, Е. В. Сухина, Т. В. Шмелева, A. Judge, J. Walker).

В последние десятилетия одним из самых продуктивных направлений стал поиск новых концепций аналитического освоения политической действительности (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, С. И. Виноградов, Р. Водак, О. И. Воробьева, А. Ф. Гуцал, М. Р. Желтухина, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, Е. Г. Казакевич, Е. В. Какорина, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Н. А. Купина, Э. Лассан, С. Л. Недбаевский, П. Б. Паршин, В. В. Петров, Г. Г. Почепцов, А. А. Романов, Н. Б. Руженцева, Ю. А. Сорокин,

А. А. Филинский, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, Е. И. Шейгал, R. G. Almond, D. Anderson, J. Chateris-Black, В. Czarniawska-Joerges, T. A. van Dijk, G. Fauconnier, A. Giddens, D. Graber, D. F. Hahn, В. Jacobsson, G. Lakoff, G. Seidel, S. Verba и др.).

В политическом дискурсе моделирование общественно-политической ситуации часто осуществляется за счет создания метафорических образов определенного пласта реальности (прошлого, настоящего, будущего). Система политических метафор способна отражать способ мышления, характерный для конкретной политической ситуации (В. Н. Базылев, Е. В. Бакумова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, О. П. Ермакова, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, В. Г. Костомаров, Н. А. Красильникова, Н. А. Кузьмина, П. О. Миронова, С. Л. Мишланова, С. Н. Муране, В. В. Петров, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, Т. Б. Соколовская, М. В. Сорокина, И. В. Телешева, Ю. Б. Феденева, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, О. А. Шаова, В. Н. Шапошников, Н. Г. Шехтман, Е. А. Шудегова, T. Adamson, R. D. Anderson, P. A. Chilton, P. Drulak, M. J. Edelman, G. Fauconnier, I. Hellsten, L. B. Hinds, N. Howe, G. Johnson, M. Johnson, G. L. Kelling, V. Kennedy, G. Lakoff, H. Lam, C. Malone, M. Renvall, T. Rohrer, C. Schäffner, M. Turner, J. Vervaeke, T. O. Windt, J. Zinken и др.).

Актуальность когнитивного сопоставительного исследования метафорических моделей в российском и британском политическом дискурсе обусловлена перспективностью дальнейшего развития теории концептуальной метафоры (в том числе в политическом дискурсе). Изучение системы метафорических моделей, актуализированных в текстах предвыборной агитации, связано с целесообразностью комплексного рассмотрения анализируемого материала с учетом влияния политической ситуации на продуктивность и активизацию метафорических моделей. Важность сопоставительного исследования определяется возможностью выявить универсальное и национально специфичное в ментальной картине мира различных народов, что позволяет систематизировать материал и описать темпоральный участок политического мира с учетом общественно-политической ситуации, характеристик политических реалий, политологиче-

ских особенностей рассматриваемого явления и других дискурсивных факторов.

Объектом исследования настоящей диссертации являются метафоры, которые использованы при характеристике прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании.

Предмет нашего исследования – закономерности метафорического моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в российском и британском политическом дискурсе.

В качестве **материала для исследования** использовались политические тексты, имеющие отношение к ситуации парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001). Всего проанализировано 4000 метафорических словоупотреблений, зафиксированных в 848 текстах (примерно одинаковое количество в российских и британских источниках). Для исследуемых политических текстов характерно тематическое единство, связанное с ситуацией парламентских выборов в рассматриваемых странах. Анализируемый материал относится к агитационно-политическому дискурсу и ориентирован на массового читателя. Источниковая база представлена российской прессой за период с 1 сентября по 7 декабря 2003 года включительно, а также британской – за период с 1 января по 7 июня 2001 года включительно. В ходе работы использованы как печатные, так и электронные публикации, среди них предвыборные программы политических партий России и Великобритании, тексты выступлений политических лидеров, периодические издания: «Аргументы и факты», «Версия», «Газета», «Завтра», «Известия», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Собеседник», «Совершенно секретно», «Советская Россия», «Российская газета», «Русское обозрение», «The Daily Mail», «The Daily Telegraph», «The Economist», «The Financial Times», «The Guardian», «The Independent», «The Observer», «The Tribune»; интернет-источники: Грани.ru, BBC World at One, conservatives.com.

Целью настоящей диссертации является сопоставительное лингвокогнитивное исследование ведущих метафорических моделей, которые были использованы при характеристике прошлого, настоящего и будущего в ситуации пар-

ламентских выборов в России и Великобритании. Постановка цели диктует необходимость решения следующих **задач**:

1. Уточнить теоретические основы и методологию сопоставительного исследования концептуальных метафор, задействованных в создании темпоральной картины политического мира; разработать методику исследования метафорических моделей, направленных на презентацию прошлого, настоящего и будущего в российских и британских агитационно-политических текстах.

2. Выделить и сопоставить доминантные метафорические модели, участвующие в создании образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе рассматриваемых стран (с указанием общих элементов и особенностей).

3. Проанализировать особенности использования ведущих метафорических моделей в парламентском дискурсе России и Великобритании как фактора, отражающего способ осмысления общественно-политических реалий различных временных и исторических отрезков и специфику репрезентации национальной политической картины мира.

Методология настоящего исследования сложилась под воздействием теории метафорического моделирования, возникшей в Соединенных Штатах Америки (Р. А. Chilton, G. Fauconnier, V. Kennedy, G. Lakoff, T. Rohrer, M. Turner, J. Vervaeke и др.) и успешно развиваемой отечественными филологами (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, С. Л. Мишланова, В. В. Петров, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.) с учетом лучших достижений отечественной теории регулярной многозначности (Ю. Д. Апресян, Н. В. Багичева, Л. В. Балашова, Э. В. Кузнецова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев и др.), и иных направлений лингвистики, связанных с изучением регулярности семантических преобразований (О. П. Ермакова, Н. А. Илюхина, Н. А. Кузьмина, Г. Н. Скляревская, В. Н. Телля и др.).

В работе применяются следующие **методы**: когнитивно-дискурсивный анализ, описательный метод, моделирование, классификация, контекстуальный анализ, сопоставительный анализ с учетом лингвокультурной парадигмы и на-

циональных особенностей соответствующих языков и культур, приемы статистической обработки.

Теоретическая значимость диссертации заключается в сопоставительном когнитивном исследовании метафорического моделирования в агитационно-политическом дискурсе, в выявлении взаимосвязи между политической ситуацией прошлого, настоящего и будущего и метафорической репрезентацией политической реальности в определенный период времени. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования и метафорического моделирования разновидностей национальных дискурсов. Настоящая работа позволяет глубже понять специфику современной политической речи и одновременно представляет собой очередной этап решения проблемы последовательной инвентаризации фонда метафорических моделей, используемых в современной политической коммуникации. Представленная в диссертации методика обогатит набор приемов исследования метафор, использующихся для моделирования разных пластов реальности в политическом дискурсе.

Научная новизна диссертации заключается в последовательном и целенаправленном исследовании политических метафор, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе для моделирования темпоральной парадигмы: прошлого, настоящего и будущего. В процессе изучения оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ выявлены интернациональные концептуальные метафоры, свидетельствующие об общих тенденциях в развитии политического дискурса двух стран, а также проанализированы метафорические модели, отражающие национальную специфику и воздействие политической ситуации прошлого, настоящего и потенциального будущего на политическую метафору. В работе впервые разработана методика, позволяющая проследить взаимосвязь и корреляцию метафорических представлений прошлого, настоящего и будущего в рамках одной концептуальной модели.

Практическая значимость исследования связана с возможностями использования его материалов в двуязычной лексикографической практике (при подготовке словаря политических метафор), в практике преподавания иностранного языка, политологии, межкультурной коммуникации. Результаты ис-

следования могут быть использованы при разработке курсов стилистики, страноведения, общего языкознания, а также в элективных курсах «Современная политическая лингвистика», «Политическая метафора». Отдельные положения и выводы, содержащиеся в данной работе, могут быть полезны сотрудникам СМИ, авторам политических текстов, а также широкому кругу рядовых избирателей, которые в период выборов подвергаются активному информационному, эмоциональному и идеологическому воздействию.

Апробация материалов исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Материалы диссертации были представлены автором на международной конференции в Екатеринбурге (2003), региональных и общероссийских конференциях в Екатеринбурге (2004, 2005), Челябинске (2005, 2006), Нижнем Тагиле (2005). По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. *Солопова О. А.* Использование прецедентных феноменов в сильной позиции текста в дискурсе федеральных выборов России / О. А. Солопова // Лингвистика XXI века: материалы федерал. науч. конф., Екатеринбург, сентябрь 2004 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 153–155.

2. *Солопова О. А.* Использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной Думы / О. А. Солопова // *Ethnohermeneutik und Antropologie*. – Landau, 2004. – Bd. 10. – С. 70–80.

3. *Солопова О. А.* Метафорическое представление прошлого России в современном политическом дискурсе / А. П. Чудинов, О. А. Солопова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – Тамбов, 2005. – № 3. – С. 33–45.

4. *Solopova Olga A.* Metaphorical Representation of Future in British Political Discourse / *Solopova Olga A.* // *Respectus Philologicus*. – 2005. – № 8 (13). – P. 161–167.

5. *Солопова О. А.* Метафорическое представление прошлого в современной политической коммуникации / О. А. Солопова // *Политический дискурс в России – 8: Святыне без житий: материалы постоянно действующего семинара*. – М., 2005. – С. 34–37.

6. *Солопова О. А.* Метафорические модели в политическом дискурсе будущего (ближайшего и отдаленного) / О. А. Солопова // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы всерос. науч. конф., Нижний Тагил, 4–5 апреля 2005 года. – Нижний Тагил, 2005. – С. 79–81.

7. *Солопова О. А.* Метафорическая модель «СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» в темпоральном аспекте / О. А. Солопова // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы всерос. науч. конф., 14–16 апреля 2005 года, Екатеринбург. – Екатеринбург, 2005. – С. 150–154.

8. *Солопова О. А.* Метафорическое представление настоящего в политической коммуникации / О. А. Солопова // Славяно-русские духовные традиции в культурном сознании народов России: материалы всерос. науч. конф., посвящ. Дню славян. письменности и культуры, 24 мая 2005 года, Тюмень. – Тюмень, 2005. – С. 172–174.

9. *Солопова О. А.* Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом тексте / О. А. Солопова // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2005. – Т. 15. – С. 120–137.

10. *Солопова О. А.* Метафорическое моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе Великобритании / О. А. Солопова // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2005. – Т. 16. – С. 102–115.

11. *Солопова О. А.* Театральная метафора в политическом дискурсе Великобритании / О. А. Солопова // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2006. – Т. 18. – С. 107–114.

12. *Солопова О. А.* Метафора «суда» в политическом дискурсе Великобритании / О. А. Солопова // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2006. – Т. 18. – С. 114–121.

13. *Солопова О. А.* Метафорическая модель «СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ» в британском политическом дискурсе / О. А. Солопова // Язык и культура: материалы междунар. науч.-практ. конф., март 2006 года, Челябинск. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2006. – С. 144–148.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В ситуации парламентских выборов в России и Великобритании превалирует метафорическое моделирование образа настоящего. Особенностью российского политического дискурса является активное обращение к образу прошлого, тогда как британские СМИ больше сосредоточены на образе будущего страны. В периодической печати России и Великобритании полностью совпадают предпочтения в метафорическом представлении периодов прошлого, настоящего и будущего: наиболее частотны обращения к «недавнему прошлому», «ограниченному настоящему» и «ближайшему будущему».

2. В агитационно-политическом дискурсе России и Великобритании активно используются для представления образов прошлого, настоящего и будущего метафорические модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА и СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Состав интернациональных метафорических моделей достаточно однороден. На уровне фреймовой структуры, прагматического потенциала моделей, корреляции фреймов обнаруживаются относительно небольшие различия, обусловленные спецификой национальных языков и некоторыми дискурсивными факторами.

3. К числу метафорических моделей, обладающих значительной лингвокультурной спецификой, относятся СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ, ЖИЗНЬ – это ТЕАТР. Ведущие различия между российским и британским политическим дискурсом обнаруживаются на уровне количественных показателей, наиболее частотных фреймов, специфичных слотов и концептов. Как отличительную черту британской криминальной метафоры следует отметить частотное употребление образа суда. Уникальной чертой российской театральной модели является распространенность метафор с исходной понятийной сферой «цирк». Менее частотны, но достаточно регулярны в политическом дискурсе России и Великобритании метафоры с источниковыми сферами: «путь», «строительство», «физиология», «животный мир», «спорт», «игра», «родство», «неживая природа», «торговля», «механизм».

4. Представления российских и британских СМИ о настоящем оказываются максимально близки: подавляющее большинство метафорических единиц продуцирует образ «мрачного настоящего». В политическом дискурсе России положительно окрашенные метафорические единицы активнее, чем в британ-

ском, употребляются для создания образа «светлого будущего». Особенностью парламентского дискурса Великобритании является более частотное обращение к образу «величественного прошлого».

Композиция диссертации определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения; списков используемой литературы, словарей и справочников, а также сокращений и аббревиатур; четырех приложений.

Во **введении** представлена характеристика основных параметров исследования.

В **главе 1** излагаются теоретические основы сопоставительного исследования концептуальных метафор, через которые реализуется существенная для политического дискурса оппозиция ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ, определяется методика сопоставительного описания метафорических моделей, используемых при концептуализации прошлого, настоящего и будущего, предлагается условная периодизация метафорических образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе двух стран.

В **главе 2** произведен сопоставительный анализ базисных (интернациональных) метафорических моделей, использующихся для моделирования прошлого, настоящего и будущего в политических дискурсах выборов в Государственную Думу России (2003) и Парламент Великобритании (2001).

Глава 3 посвящена описанию метафорических моделей, которые используются при создании образов прошлого, настоящего и будущего и наиболее ярко отражают специфику национального политического дискурса парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001).

В **заключении** подведены итоги исследования, намечены перспективы дальнейшего сопоставительного изучения когнитивной метафоры в агитационно-политическом дискурсе.

В библиографическом разделе представлены списки использованной научной литературы, словарей и справочников. Приведен список аббревиатур и сокращений.

Диссертация содержит приложения 1, 2, 3, 4, где в виде таблиц и диаграмм представлены репрезентации образов прошлого, настоящего и будущего

в предвыборных программных документах политических партий, количественные характеристики исследуемых метафорических моделей, общие и специфические тенденции моделирования прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе двух стран, роль метафорических моделей в формировании поляризованного представления прошлого, настоящего и будущего соответственно.

Глава 1. Лингвистические основы сопоставительного исследования метафорической репрезентации оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ в политическом дискурсе России и Великобритании

Основная задача данной главы – определение исходной теоретической базы, которая будет служить основой для сопоставительного анализа метафорических моделей, используемых для создания образов прошлого, настоящего и будущего в российском и британском политическом дискурсе.

Для решения поставленной задачи необходимо: во-первых, рассмотреть специфику когнитивного подхода к моделированию прошлого, настоящего и будущего; во-вторых, охарактеризовать составляющие метафорической модели и методику ее описания; в-третьих, изучить вопрос об особенностях метафорической репрезентации прошлого, настоящего, будущего и их периодов в политическом дискурсе двух стран.

В данном исследовании основной акцент сделан на темпоральном аспекте когнитивного изучения политической метафоры с целью выявления интернационального и индивидуального в процессах конструирования образов прошлого, настоящего и будущего в агитационно-политических текстах периода парламентских выборов в России и Великобритании. Подобное исследование

видится достаточно значимым в контексте изучения представлений носителей различных культур о социально-политической ситуации внутри страны в разные периоды ее развития.

Прежде чем начать конкретный анализ метафорической реализации оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ, необходимо уточнить сущность этой оппозиции, средства ее выражения и причины активного использования в политической коммуникации.

1.1. Когнитивное моделирование прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе

Восприятие человеком времени ограничено лишь несколькими аспектами: одновременность; длительность; осознание настоящего как времени, проживаемого в данный момент, прошлого – как времени, связанного с воспоминаниями, будущего – как времени предсказуемых событий [Radden 2003: 5]. Развитие любого общества связано с течением времени, а это последнее без качественных различий прошлого, настоящего, будущего превращается в фикцию [Аскин 1966: 84]. Наблюдая и описывая настоящее, следует помнить, что у него всегда есть прошлое, а будущее уже начинается. В контексте взаимодействия с разных точек зрения, в разных смыслах идентичность события конституируется по-разному, и всякий раз, будучи идентифицировано как прошлое, настоящее или будущее, оно открывает себя наблюдателю... как многоаспектное смысловое единство [Филиппов 2004: 10]. Воспоминания о прошлом и прогнозы на ближайшее будущее влияют на восприятие человеком настоящего момента действительности – эти ипостаси времени сосуществуют в неразрывном единстве [Judge 2001a].

В свете работы Дж. Уокера проблема взаимного проникновения прошлого, настоящего и будущего интерпретируется следующим образом: настоящее представляется темпоральным ядром, вокруг которого по орбите движется сознание человека: орбита может уходить глубоко в прошлое (история, воспоминания, ностальгия) или отдаленное будущее (прогнозирование будущего) [Walker 1998]. А. Джадж в исследовании «Presenting the Future (Part 5): Present Moment Research: exploration ofnowness» создает метафорический образ взаи-

мосвязи и взаимопроникновения прошлого – настоящего – будущего, где «настоящее» – это дерево, «прошлое» – годовые кольца ствола, поддерживающего «настоящее», тогда как сок, струящийся под корой, – сила, которая дает новую жизнь, обеспечивает «будущее» развитие. Годовые слои прошлого и жизненные соки будущей жизни являются частью «настоящего» дерева, в действительности это не что иное, как неизменно присутствующие в современности следы прошлого и предвестники будущего [Judge 2001c]. Прошлое удерживается настоящим, которое уже содержит наброски будущего. Каждое осмысление настоящего момента действительности образует отдельный синхронный срез, но хранит при этом память о предшествующих событиях и осознание возможности будущих. Взаимозависимость двух временных горизонтов – будущего и прошлого – можно показать для общественных систем нашего настоящего и его временных перспектив [Лукман 2004: 156].

Прошлое, настоящее и будущее присутствуют в любом потенциальном временном измерении [Fitzgerald 1980: 287], политический дискурс не является исключением. Темпоральная модель [Evans 2004: 25] мира политики, как и любого другого мира, включает в себя: «а) одновременность событий, б) события «прежде», или предшествующие события, в) события «после», или последующие события, г) изменение событий во времени по отношению к другим событиям» [там же]. Любое событие составляет перспективу, где время конституируется как непрерывность и необратимость движения прошлого, настоящего и будущего как единого целого. Оно осмысливается как единство благодаря тому, что временные горизонты любого настоящего, то есть прошлого и будущего, обязательно пересекаются (Аристотель 1981, Аскин 1966, Кузанский 1979, Лосский 1995, Подольный 1989, Рассел 2004, Тихонов 2004, Трубников 1987, Филиппов 2004, Ясперс 1991).

Как показывает Э. Р. Лассан, оппозиция ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ является одним из ведущих ценностных противопоставлений, на которые опирается современный политический дискурс [Лассан 1995: 42]. Изучение временной парадигмы позволяет показать различную «фактуру» времени [Карасик 1997: 158–160], представить модель общественно-политической ситуации в темпоральном аспекте, построить динамический образ социума, дать

ему оценку, помогает адресату создать некую «модель мира» и уяснить взаимосвязь между его элементами» [Чудинов 2003b: 49]. Помимо этого, оппозиция ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ указывает на взаимопроникнутость и соотнесенность друг с другом политических событий разных времен и эпох, акцентируя тот факт, что в настоящем событие возникает не только под влиянием прошлого, но и ради будущего как средство для его осуществления, что настоящее может быть ясным лишь «при полном знании прошлого, которое служит ему основой, и будущего, которое таит его в себе» [Ясперс 1991: 141]. Е. И. Сухина подчеркивает, что ценность изучения временной парадигмы, то есть соотношения трех пластов реальности: прошлого, настоящего и будущего, – заключается в том, что оно позволяет выявить национальные особенности самополагания во времени, и именно это важно при моделировании будущего – в политическом, социальном и собственно культурном плане [Сухина 2005: 141]. Так как «будущее создается настоящим и лежит через прошлое, может возникнуть из того, что, казалось бы, осталось далеко позади» [Judge 2001a], возвращение к истокам мыслится как движение к будущему: памятью своей человек, как челнок, возвращается мыслью в прошлое, во внутренний мир своих воспоминаний, одновременно заглядывая в будущее и планируя события [Тиунова 2000: 49].

1.1.1. Моделирование образа прошлого в политическом дискурсе

В поворотные моменты истории, одним из которых являются выборы, возникает острая необходимость в критическом переосмыслении прошлого. Любая коллизия, взрывающая привычный ход общественно-политической жизни страны, демонстрирует в одинаковой степени и новые навыки, и старые рефлексy, и готовность к будущему, и невозможность уйти от прошлого. Именно поэтому особое место в когнитивном анализе политического дискурса занимают исследования, посвященные изучению лингвистических средств моделирования прошлого.

Ни одно из обществ не в состоянии отрешиться от собственного прошлого, своих традиций и норм политической жизни [Мирзеханов 2003: 195], именно поэтому «...политический дискурс может быть осмыслен только в своих

разнообразных связях... ..с историей страны» [Базылев 2005: 5], иными словами: «политический дискурс требует непосредственного обращения к истории» [Brown; цит. по: Keiger <http>]. Он «...создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого участниками коммуникации, условиями ее осуществления и ее целями [Кубрякова 2004: 525]. Одна из глубинных целей дискурса состоит в том, чтобы «утвердить или разрушить существующие стереотипы, создать или разоблачить социально-политические мифы, критически осмыслить и интерпретировать прошлое с проекцией в настоящее» [Шейгал 2000: 30–31]. Д. Грейбер также отмечает, что для идеологически ориентированного использования языковых средств характерна проекция в прошлое [Graber 1981: 198]. Названная функция подчеркивается в диссертационном исследовании В. А. Даулетовой, указавшей, что жанр политической автобиографии является ретроспективно-рефлексивным, так как представляет собой рефлексирующую ретроспекцию имевших место событий политической и частной жизни автора [Даулетова 2004: 79].

Показательно, что в работе Т. В. Шмелевой в качестве модели описания и систематизации речевых жанров предлагается «анкета речевого жанра», которая включает «фактор коммуникативного прошлого», влияющий как на ситуацию речи, включая образ автора и образ адресата, так и на отбор языковых средств [Шмелева 1997: 91–92]. В ряде исследований коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик политической коммуникации авторы акцентируют обязательное «присутствие прошлого» в политическом тексте, посвященном злободневной ситуации. В частности, в рамках стратегии самопрезентации выделяется тактика «создание образа прошлого», направленная на то, чтобы изменить модель прошлого в сознании адресанта, «переработать», «переопределить» образ прошлого, представив опыт предшественников в выгодном адресату ключе. В рамках той же стратегии используется тактика «усовершенствование опыта прошлого»: цель адресата – преподнести концепцию, существовавшую в прошлом, в новом «обличье», дополнив «старую идею» новым содержанием, вновь вернуть ее к жизни [Judge 2001c]. В рамках стратегии дискредита-

ции используются тактика «создание образа «темного прошлого» и тактика отрицания прежних реалий: их суть заключается в манифестации негативных смыслов путем утвердительных, предельно категоричных высказываний, отражающих абсолютную уверенность автора в том, что существующее положение надо менять [Руженцева 2004: 131, 184]. В рамках стратегии редукционизма используется тактика «создание образа «темного/светлого прошлого» [Миронова 2003: 107–109].

Описание прошлого, связанное с коллективной памятью, дает важные характеристики политического дискурса, поскольку коллективная память воздействует на жизнь по крайней мере двумя путями: 1) дает модель общества как отражение потребностей, проблем, страхов, менталитета и ожиданий и 2) предлагает модель общества как программу, определяет общественный опыт, артикулирует ценности, цели, когнитивные, аффективные и моральные ориентиры для реализации данной программы. В этом отношении прошлое выступает как некоторая превращенная форма настоящего.

Обращение к прошлому как к источнику традиционных ценностей нации является не самоцелью, а средством презентации (положительной или отрицательной) политического лидера, его деятельности и позиции [Миронова 2003: 113–114]. Сводя счеты с политическими противниками и пытаясь оказать определенное влияние на восприятие образа себя и других в общественном мнении, политики часто используют метафору. Формулы концептуальных метафор можно было бы считать «новыми реальностями языка» [Кубрякова 1999: 5], поскольку, являясь средством постижения, рубрикации, представления и оценки определенного фрагмента действительности, метафоры играют важную роль в формировании личностной модели мира, в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека [Петров 1990; Чудинов 2001a, 2001c, 2003a]. По мнению Р. Слотера, плоды прошлого опыта переосмысливаются метафорически, будучи «прочтенными заново» [Slaughter 1990: 803]. В системе языка метафора, обращенная в прошлое, – все равно что прецедентный случай в законодательной системе. Она впитывает в себя опыт прошлого, перенимает его, логически связывая опыт отдельного человека с важными вехами истории страны [Brown; цит. по: Keiger <http>].

Исследователи политического дискурса указывают на следующие функции метафор, обращенных к образу прошлого:

- Описывая самые жгучие проблемы современности, политики обращаются к прошлому, чтобы привнести смысл в настоящее [Kuusisto 1998: 605].

- Историческая метафора – эксплицитное или имплицитное сравнение прошлого и настоящего. Политические деятели часто используют исторические метафоры как средство убеждения в своих выступлениях, проводя параллели между современностью и событиями минувших лет, заставляя слушателей размышлять о настоящем в свете прошлого. Апелляции к историческим фактам пробуждают воспоминания об «уроках прошлого», что позволяет политическим актерам оправдать одни концепции и дискредитировать другие [Paris 2002: 429–430].

- Исторические метафоры вдохновляют сторонников, привлекают единомышленников, которые хотят объединиться, вербуют новых членов из огромного разнородного общества, известного как «массовый зритель» [Wander 1984: 341].

- Метафоры, обращенные к образу прошлого, генерируют богатые образные ассоциации, извлекая из памяти яркие картинки прошлого опыта [Шейгал 2000: 115; Graber 1976: 291–294], которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения [Клушина [http](http://)].

- Исторические метафоры участвуют в создании новых способов постижения мира, связывая события минувших лет с современностью [Hellsten 1997: 124].

Таким образом, прошлое органично вплетается в настоящее время и актуализируется в современном мире политики, «максимально приближаясь к сегодняшнему дню, расплываясь и растворяясь в настоящем. Создается впечатление, что прошлое здесь, рядом, – стоит только протянуть руку» [Сухина 2005: 144].

Прошедшее почти всегда вызывает любопытство. Каждая эпоха старается выработать свою собственную концепцию прошлого [Turner; цит. по: Craven

1939: 291], а смена власти всегда провоцирует сравнение, обращение к прошлому, а то и вовсе сооружение настоящего мифа о предшественниках [Лукман 2004: 153]. Поэтому в агитационно-политических текстах политические деятели и журналисты очень часто мифологизируют прошлое, используя комплекс исторических представлений, который выбирает из прошлого отдельные элементы и создает внутренне однородный, последовательный нарратив, позволяющий интерпретировать реалии минувших лет в зависимости от интенций адресанта – в темных красках либо в светлых тонах. Оценка прошедших событий варьируется в зависимости от наличия в истории «черных дыр», спорных вопросов, которые «пересматриваются» самой историей [Sola Pool; цит. по: Judge 2001a].

Важно подчеркнуть, что «метафоры, обращенные к прошлому, зависят от культурно-исторического, временного и лингвистического контекста, в котором они использованы... Их значение легко изменить на прямо противоположное в зависимости от контекста» [Hellsten 1997: 124], «в свете трансформированного настоящего и прошлое меняет свой облик» [Лотман 1992: 385]. Это становится возможным потому, что образы прошлых режимов обладают определенной спецификой. Прежде всего, эти образы страдают тем, что многие проблемы прошлых лет выступают в них затушеванными, менее значимыми, чем трудности текущего дня, а достоинства могут выступать в приукрашенном виде [Медведева 2003: 187]. Люди могут опираться на положительные воспоминания о власти, сохраняя их в идеале, и, наоборот, пытаться сконструировать идеал как некую альтернативу той власти, с которой они имели опыт взаимодействия. Политические деятели и СМИ не только видят себя теоретиками минувшего, но и ищут точки соприкосновения с настоящим и даже будущим, которое ставится в прямую зависимость от актуальной еще несколько десятилетий назад социальной и идеологической практики. Однако отражение прошлого в сознании человека не следует путать с реальными событиями [Naimo 2002], поскольку, «говоря о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события – они прошли, – а слова, подсказанные их образами» [Августин 1992: 19–20].

Активно используя определенные метафоры при описании события, политики надеются установить «доминантную интерпретацию», то есть широко

распространенное признание одной весьма субъективной характеристики данного события [Stuckley, Antzac 1993: 118]. В политической коммуникации ставки в борьбе за «доминантную интерпретацию» могут быть очень высоки [Paris 2002: 426], поскольку отличные друг от друга репрезентации одного и того же события приводят к появлению абсолютно разных аналогий и, как следствие, абсолютно разных умозаключений относительно сферы-мишени [Peterson; цит. по: Paris 2002: 426]. В борьбе за использование исторических метафор для каждого политика существует вполне определенный стимул. Помимо того что исторические метафоры «придают нужную форму» событию настоящего и прошлого, они также влияют на формирование и формулировку долгосрочных целей общества [Paris, 2002: 426], то есть на будущее страны. «След прошлого навсегда остается в душе», являясь «некой константой духовности, перешедшей в настоящее» [Гашева 2005: 34], поэтому прошлое и сейчас рождает яростные споры, ожесточенную критику и хвалебные высказывания, как если бы события, о которых идет речь, происходили сейчас, на глазах говорящих. Одни политики черпают в «величественном прошлом» неиссякаемое вдохновение, аргументируя свои современные представления и концепции, другие отвергают «страшное прошлое», запугивая им избирателя, как готическими сказками. Кризисная ситуация заставляет искать корни проблем и достижений, ошибок и удач, трудностей и противоречий в истории страны, что необходимо как для понимания прошлого, так и для осмысления современности.

1.1.2. Моделирование образа настоящего в политическом дискурсе

Чаще всего люди воспринимают время как движение прошлого через настоящее в будущее [Radden 2003: 10]. Человек, как правило, имеет некоторое схематическое видение настоящего, которое обычно сопоставляет с прошлым и пролонгирует в будущее. Настоящее выступает границей совмещения прошлого и будущего, являя собой синтез старого и нового.

Политическое «настоящее» наполнено разнообразными событиями, которые могут оказать существенное влияние на осмысление сферы политики и использование языковых ресурсов, привлекаемых участниками коммуникации, для репрезентации политической картины мира. Особенности политической ре-

чи исследуются в работах многих специалистов (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Т. С. Вершинина, О. П. Ермакова, А. А. Каслова, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Н. А. Кузьмина, Н. А. Купина, П. О. Миронова, Л. Пепель, Е. А. Пименов, А. Б. Ряпосова, Т. Г. Скребцова, Т. Б. Соколовская, Ю. Б. Феденева, О. Е. Рожкова, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, Е. А. Шудегова, G. Fauconnier, G. Lakoff, M. Turner и др.). В политической лингвистике образ современной действительности выступает в качестве особой категории политического дискурса, делая возможным осуществление его ключевых функций: манипулятивной, ориентирующей и инструментальной (П. Бурдые, Р. Водак, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, А. А. Филинский, Т. В. Цивьян, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Язык политики, политические дебаты, политическая риторика характеризуют общественно-политическую ситуацию, побуждают людей к действию, задают цель и придают смысл их действиям и в целом творят политическое сознание [Hinds, Windt 1991: 7]. Субъекты политики (политические деятели, политические партии и движения) сознательно используют определенные когнитивные установки для формирования в сознании адресата образа настоящей действительности, который соответствует их целям, создавая у адресатов «виртуальную реальность, где собственная эмпирическая практика элиминируется посредством предлагаемых когнитивных схем» [van Dijk 1999: 57; Graber 1981: 198]. Информирование адресата о реальных и воображаемых событиях настоящего момента действительности [Judge 2001b], формулирование целей и проблем современности прежде всего направлено на формирование картины политической реальности в сознании социума, на активизацию и организацию сторонников, а также на процесс умиротворения и отвлечения внимания избирателей, усыпление их бдительности [Шейгал 2000: 36]. Политики, как правило, стараются привлечь внимание к информации, способной представить их в выгодном свете, и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам [Чудинов 2003а: 57]. Контроль над информацией сочетает в себе эффекты «просеивания информации», дефокусирования «нежелательных мест» посредством эвфемизации исходных данных либо их непосредственного инвертирования [Шейгал 2000, Chilton, Schäffner 1997]. Использование названных

приемов позволяет сторонникам оппозиции акцентировать негативные аспекты информации, находя во властных структурах виновников и предлагая рецепты дальнейшей работы (а также политиков, способных принять нужные решения и организовать эту работу). Соответственно, сторонники «партии власти» при помощи названных приемов стремятся привлечь внимание к позитивной информации и представить события как результат правильной политики руководства [Чудинов 2003а: 57]. Картина современной действительности рисуется усилиями многих лиц, которые спорят, разоблачают и хвалят друг друга, о многом умалчивают и многое искажают. В рамках некоторой официальной ревизии настоящего, а вместе с ним и прошлого происходит переструктурирование политических смыслов – реинтерпретация настоящего. Выработка образа настоящего приобретает черты напряженного диалога, идеологической борьбы, оружием которой часто становится политическая метафора: «новый образ, свежая метафора – первый шаг к постижению настоящего» [Judge 1992a].

Исследование метафорического моделирования важнейших политических событий позволяет систематизировать материал и описать соответствующий участок политической метафорической картины мира с учетом общественно-политической ситуации, характеристик политических реалий, политологических особенностей рассматриваемого явления и других дискурсивных факторов (Е. В. Бакумова, М. Р. Желтухина, А. А. Каслова, И. М. Кобозева, Е. В. Колотнина, С. Н. Муране, Т. Г. Скребцова, А. В. Степаненко, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелева, Е. А. Шудегова, J. Cibulskiene, G. Lakoff и др.). Исследователи отмечают, что метафора благодаря своей гибкости и многоликости оказывается очень продуктивным средством языка политики в постоянно меняющейся действительности. В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики метафорическое моделирование – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Метафора – это мощное средство манипулирования социальным сознанием (Баранов, Казакевич 1991, Баранов, Караулов 1993, Чудинов 2000, 2001с, 2003а, 2003b, Lakoff 1991 и др.).

Соответственно, в текстах агитационно-политической направленности особенно значима когнитивная функция метафоры, то есть функция восприятия и переработки информации (Баранов, Казакевич 1991, Баранов, Караулов 1993, Кубрякова 1999, Чудинов, 2001с, 2003а, 2003б, 2004; Lakoff, Johnson 1980, 1999 и др.) и прагматический потенциал метафоры – ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира. В задачи данного раздела не входит рассмотрение разнообразных классификаций и подходов к изучению функций метафоры в политической коммуникации и их детальный анализ. Мы остановимся только на функциях метафоры, в большей степени задействованных в создании образа настоящего:

- Метафора структурирует познание человеком мира политики и реагирует на любое событие или проблему [Paris 2002: 428].
- Метафора представляет объект сквозь призму образа, вычлняя наиболее важные черты обозначаемых концептов политики [Феденева 1997: 41; Чудинов 2003б: 49].
- Метафора способна задавать тот определенный и несколько упрощенный взгляд на объекты социальной действительности, который ведет к созданию и упрочению духовных стереотипов. Иными словами, «метафора ограничивает то, что мы замечаем, подчеркивая то, что мы видим» [Lakoff [http \(a\)](#)]. Метафоры, «которыми мы живем», являются шорами, ограничивающими наше восприятие внешнего мира концептуальными моделями, навязывающими определенный стиль действий [Баранов, Караулов 1993: 16].
- Метафора социальна, и эта социальность позволяет с ее помощью раскрыть не только способ отражения картины мира в общественном сознании, но и саму картину мира [Вершинина 2002: 45].
- Метафора моделирует окружающий мир человека, оказывая влияние на мотивацию и направленность человеческой деятельности [Сорокина 2004: 120].
- Политическая метафора порождает, подтверждает и разоблачает социально-культурные аномалии [Hellsten, Renvall 1997: 44].

- Постановка общественно-социальной проблемы часто зависит от метафор, использующихся для ее описания, именно они определяют рамки проблемы и пути ее решения [Schon 2000: 257].
- Метафора является основным средством самопрезентации и создания имиджа, особенно в политике [Developing a Metaphorical Language for the Future 1995: 275].
- Метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия [Чудинов 2003а: 48–49], активизируя сильные эмоции, провоцируя желаемую реакцию и тем самым становясь сильным мобилизующим средством [Шейгал 2000: 115; Graber 1976: 291–294].
- Использование метафорического механизма позволяет скрыть неразработанность предмета обсуждения, отвлечь внимание адресата от критического анализа ситуации [Миронова 2003: 71].
- Описание проблем современности и их возможное решение лежат в осознании того, насколько взаимосвязаны их метафорические эквиваленты [Governance through Metaphor Project [http](http://)].

Таким образом, публицист с помощью концептуальных метафор осуществляет «смысловую перепланировку мира» читателя, его рефреймирование [Иссерс 1999: 240]. Проводя многозначное событие через тот или иной метафорический «оценочный фильтр», интерпретируя его в рамках определенной концептуальной модели, политические деятели и СМИ представляют настоящее в светлых или темных красках: одни и те же концепты могут приобретать в зависимости от задач политика как позитивную, так и негативную эмоциональную окраску. При создании образа «светлого настоящего» подчеркиваются размах и всеохватность позитивных преобразований, определяемых профессиональным чутьем пребывающего у власти правительства и пониманием им насущных проблем общества, выдвигается на первый план нужная информация, «способная представить их в выгодном свете и отвлечь внимание общественности от информации, способной нанести ущерб их интересам» [Чудинов 2003а: 57]. Позитиву противопоставляется негативный полюс. Специалисты отмечают, что при моделировании настоящей действительности наибольшее развитие полу-

чают модели (их отдельные фреймы и слоты) с концептуальными векторами жестокости, агрессивности, соперничества, неестественности, отклонения от естественного порядка вещей, возбуждающие агрессивное состояние адресата, которые, негативно представляя предмет речи, создают в предвыборном дискурсе образ враждебной политической реальности (Каслова 2003а, Колотнина 2001, Ряпосова 2002, Феденева 1997, Чудинов 2001а, 2003ab, Lakoff [http](http://), Adamson, Johnson, Rohrer, Lam [http](http://) и др.).

С одной стороны, негативная оценка общественно-политической ситуации часто ассоциативно связывается с традиционно закрепившимися в обществе символами зла прошлого. С другой стороны, высвечивание негативных сторон политических деятелей и партий и, следовательно, дискредитирующее описание современной действительности всегда нацелено на сопоставление настоящего не только с прошлым, но и с условиями жизни ожидаемого будущего: в настоящем прошлое свертывается по будущему. Адресат представляет настоящее изжившим себя, указывая на необходимость заменить его чем-то новым и одновременно стимулируя жажду перемен, готовность к будущему, к решению проблем, имеющих глубокие корни и далеко идущие последствия.

1.1.3. Моделирование образа будущего в политическом дискурсе

Очевидно, что прогнозирование будущего – особенность нашего восприятия времени в целом и политического дискурса в частности, поскольку «будущее» является одной из имплицитных категорий, которые определяют прогрессивную культуру, прогрессивную форму правления, дают начало всем прогрессивным политическим курсам [Lakoff [http](http://) (b)].

В политическом дискурсе восприятие будущего аффективно по преимуществу, потому что вступает в сложную коллизию с целесообразной природой самого политического действия [Иваненко 2002]. Политическая коммуникация призвана эмоционально воздействовать на граждан, формировать в их сознании соответствующую картину мира, мобилизовать избирателей для проведения конкретных акций [Чудинов 2003а: 58]. Одной из функций политической коммуникации является «проекция в будущее» [Graber 1981: 198], «фактор коммуникативного будущего», наличие которого отмечают Т. В. Шмелева, разработа-

тывающая «анкету речевого жанра» [Шмелева 1997: 92], Е. А. Артемова, рассматривающая жанр политической карикатуры [Артемова 2002: 153–155], В. А. Даулетова, исследующая жанр политической автобиографии [Даулетова 2004: 79]. Исследователи коммуникативных стратегий политического дискурса неизменно включают в число тактик тактику «создание образа «светлого/темного будущего» (Миронова 2003, Руженцева 2004, Judge 2001a), смысл которой – предсказать возможное будущее и показать, как в будущем отразится настоящее.

Результат любого политического действия (поскольку оно актуально и не завершено) с неизбежностью отсылает к будущему – к тому, чего еще нет. В этой перспективе видится любое настоящее событие. С одной стороны, политическое предвидение, будучи перформативным высказыванием, есть само по себе действие, направленное на осуществление того, о чем оно сообщает. Оно практически вовлечено в создание реальности того, о чем оно возвещает, тем, что сообщает о нем, предвидит его и позволяет предвидеть, делает его приемлемым, а главное, вероятным, тем самым создавая коллективные представления и волю, способные его произвести [Бурдьё 2003: 34]. С другой стороны, избыточность, нагромождение, всеохватность обещаний, на базе которых практически полностью строятся программные документы и предвыборные листовки, отвлекают внимание адресата от того факта, что политик может преувеличивать, искажать свои возможности, обещая избирателям «всевозможные блага, которые зависят только от прихода этого человека к власти» [Anderson [http](#)]. Перенесение способов решения проблем в будущее позволяет политику избежать фактологической аргументации, поэтому делается расчет в основном на эмоциональную сферу адресата: «будущее – время, о котором мы не знаем ничего, но питаем иллюзию, что можем его изменить» [Коста де Боригар, Рейхенбах; цит. по: Подольный 1989: 56–57].

Политические деятели часто используют метафору, чтобы аргументировать свои представления о будущем, так как яркие, близкие, «цветные» репрезентации последствий вызывают более сильную реакцию и с большей вероятностью мотивируют поведение адресата, убеждая его в реальной возможности преобразований, исправления накопленных ошибок, в том, что «будущее может

быть пересмотрено, переработано и исправлено современностью» [Sola Pool; цит. по: Judge 2001c]. Сополагая определенные реалии окружающего мира, метафора, устремленная в будущее, позволяет заглянуть за кулисы производства образов, которые формируются в сознании народа.

В политической коммуникации дифференцируются следующие функции метафорических наименований, задействованных в создании образа будущего:

- Человек не имеет возможности физически ощутить измерения времени, поэтому он пользуется метафорой, чтобы понять, что ожидает его в будущем [Judge 2001b].
- Метафора позволяет представить что-то, еще не до конца осознанное, создать некоторое предположение о сущности метафорически характеризуемого объекта [Чудинов 2003b: 49].
- Метафора указывает, чего ожидать и как себя вести [Kelling http].
- Метафора дает «возможность изменить социальный мир, меняя представление об этом мире, которое вовлечено в создание его реальности» [Бурдые 2003: 34].
- Метафора «противопоставляет парадоксальное предвидение, утопию, проект, программу обыденному видению» [Бурдые 2003: 34].
- Метафора «запугивает и успокаивает избирателей, заставляет их поддержать политика или замолчать» [Edelman 1988: 103–104].
- Метафора выполняет двойственную функцию: она отстаивает и подвергает сомнению существующий порядок, поддерживает и перестраивает его [Kennedy 2000].
- Метафора «позволяет политику произвольно обращаться с предоставляемой адресату информацией» [Миронова 2003: 58].

Будущее, по сути, не может восприниматься нейтрально, так как в ином случае оно стало бы неразличимым на фоне настоящего [Иваненко 2002]. Экзистенциально человек относится к будущему с надеждой и пониманием. Интеллектуально он строит его, экстраполируя в будущее тенденции настоящего, выявляя «вызовы» будущего и возможные ответы на них. В политическом дискурсе будущее выступает, как правило, в двух ипостасях: ему даются условные метафорические определения «светлое/темное», «ужас-

ное/прекрасное». Стереотипное преподнесение проблемы с полюсами «светлое/темное» предназначено для коррекции представлений адресата, касающихся ситуации в политике и экономике страны [Миронова 2003: 51–52]. Прогнозирование будущего напрямую зависит от метафор, используемых для описания «благополучного» и «неблагополучного» будущего [Judge 1992a], от их способности пробуждать в человеке рациональное и иррациональное, а также эмоциональные ассоциации, связанные с ожиданием будущего. В темпоральных метафорах будущее часто предстает как грядущий золотой век по аналогии с золотым веком прошлого: оптимисты рисуют образ «прекрасного будущего», «сказочники» предсказывают «долгую и счастливую жизнь», создатели политических утопий разных стран и эпох используют атемпоральную, вечную метафору «времени мечты» [Judge 1992a]. Создается картина лучшего мира, контрастирующего с настоящим положением дел, а его потенциальная устроенность определяется заслугами автора. Поэтому атрибуты будущего наиболее ярко обнаруживаются в текстах предвыборных программ [Миронова 2003: 106]. С другой стороны, политическому дискурсу по природе свойственно апокалипсическое настроение. Поэтому будущее неизбежно оценивается не только с позиций ожидаемых благ (атрибуты Небесного Иерусалима), но и с позиций возможного вреда [Иваненко 2002]. Используя метафоры для создания образа «темного будущего», политики часто апеллируют к чувству страха, ориентируют избирателя на будущие беды, что нацелено на дискредитацию политических противников. Будущее представляется в преувеличивающем негативные последствия, предельно заостренном виде, а категорическая форма высказывания не допускает иного варианта развития событий [Руженцева 2004: 137]. В метафорическом представлении будущего могут звучать фаталистические нотки конца света и Страшного суда, лейтмотив которых – «что посеешь, то и пожнешь» [Judge 2001a].

Выбор метафор, посредством которых репрезентируется будущее – театр возможностей, интенций и предпочтений, ключ к установлению закономерностей развития общества, логическое продолжение и развертывание настоящего и прошедшего.

Итак, прошлое, настоящее и будущее – три темпоральные ипостаси бытия – проходят перед внутренним взором избирателя, пронизывая всю сферу политической коммуникации. С целью успешной манипуляции общественным сознанием политические соперники активно используют апелляции к прошлому, чтобы в выгодном для них свете представить настоящее, что неминуемо приводит к прогнозированию будущего.

Представленный обзор свидетельствует, что в современной лингвистической науке накоплен определенный опыт анализа оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ, который найдет применение в ходе нашего дальнейшего когнитивного исследования метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании. Следует отметить, что наиболее разработанным в лингвистических исследованиях является образ настоящей действительности, метафорическому представлению прошлого и будущего уделяется значительно меньше внимания.

1.2. Методика исследования метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе

Основная задача настоящего раздела – сопоставление существующих методик исследования метафорического моделирования в политической коммуникации и определение такой методики, которая в наибольшей степени будет соответствовать исследуемому в настоящей диссертации материалу.

Одна из актуальных проблем теории когнитивной метафоры – сопоставление закономерностей метафорического моделирования политической картины мира в дискурсах различных государств. Национально-культурная специфика метафорической картины мира в том или ином языке особенно ярко проявляется при ее сопоставлении с метафорической картиной мира другого языка. Поэтому для нашего исследования особенно важны публикации, в которых представлено сопоставление метафорических моделей, существующих в различных языках.

Разнообразие научных школ и, соответственно, разнообразие принципов и методов исследования метафорического моделирования закономерно приво-

дит к тому, что метафора рассматривается в различных аспектах с использованием неодинаковых методик и алгоритмов описания. При анализе публикаций можно выделить несколько методик сопоставительного описания моделей:

1. Методика сопоставления оригинальных метафор и их переводов. В этом случае сопоставляются метафоры оригинального текста и его перевода на другой язык (А. Н. Баранов, Н. И. Борковец, В. Г. Гак, Н. Л. Галеева, Е. В. Колотнина, И. А. Стернин и др.). Данная методика позволяет выявить факты аналогичности, параллелизма метафорических образов и показать, что некоторые метафоры не могут быть переведены на другой язык буквально, что свидетельствует о различиях в существующих в данных языках метафорических моделях (преимущественно на уровне отдельных фреймов, слотов и концептов). Например, зооморфные образы характерны для самых различных языков, но конкретные метафоры, соответствующие данной модели, совпадают далеко не всегда [Гак 1977: 115]. При анализе сделанных лучшими отечественными специалистами переводов на русский язык технических (по сферисточнику) метафор из художественной немецкой прозы обнаруживается, что в одних случаях метафора переводится практически дословно, а в других адекватный перевод возможен только при использовании другого образа, причем этот образ может относиться к совсем иной понятийной сфере. Рассмотрение при переводе конкретных соответствий часто позволяет лучше осознать компонент, послуживший основой для метафоризации (иначе говоря, сему, объединяющую первичное и вторичное значение). В других случаях используются однотипные модели, но при этом метафорически употребляются слова с близкой, но не одинаковой семантикой [Чудинов 2003а: 75]. Подобные сопоставления могут стать основой для интересных выводов о том, для каких моделей особенно характерно сохранение при переводе внутренней формы метафоры.

2. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-магнитом метафорического притяжения (Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова, С. Л. Мишланова, Н. А. Санцевич, О. А. Шаова, G. Lakoff и др.). При использовании этого алгоритма сопоставительного исследования закономерностей метафорического моделирования исследователи выделяют ту или иную ситуацию (или понятийную сферу-мишень) и определяют, какие метафориче-

ские модели регулярно употребляются для ее обозначения, учитывая такие свойства метафорических моделей, как иерархичность организации, пересекаемость и полевою организацию модели. С. Л. Мишланова продемонстрировала в монографии (2002), что медицинские метафоры в русском, английском и немецком языках существенно различаются по сферам-источникам. В английском языке наиболее активна сфера-источник «человек как социальный субъект», в немецком – чаще, чем в других, встречаются зооморфные метафоры, а в русском – активнее, чем в немецком и английском, используются фитоморфные метафоры. В исследовании Е. В. Колотниной (2001), посвященном описанию закономерностей реализации концептуальной метафоры в русских и английских экономических текстах, доказано, что при характеристике однотипных экономических ситуаций россияне и британцы отдают предпочтение различным моделям. Работа Н. А. Санцевич (2003) посвящена проблемам моделирования вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов. Исследователь рассмотрела метафоры, объединенные сферой-мишенью «российская политическая действительность» и семантические оппозиции, встречающиеся в дискурсе СМИ России и Германии. Диссертация А. А. Красильниковой (2005) посвящена сопоставительному когнитивному изучению метафорической репрезентации биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений Англии, США и России, автор выделяет общие и специфичные метафорические модели, реализующиеся в дискурсах трех стран для представления СВОИХ и ЧУЖИХ. О. А. Шаова (2005) рассматривает метафорический образ России в языковой картине мира французских СМИ при подаче информации о культурной, экономической и политической жизни нашей страны на основе выявления, анализа и классификации метафорических моделей, активно используемых в современных французских газетах, в сопоставлении с метафорами, характеризующими российскую реальность в отечественной прессе.

3. Методика параллельного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии. Применяя третью методику исследования метафорических моделей, автор выделяет общую для двух языков модель и детально ее описывает, используя для иллюстрации материал каждого из

рассматриваемых языков (Ю. В. Алферова, Э. В. Будаев, А. В. Голованова, С. Н. Муране, И. В. Телешева, М. В. Чернякова, Н. Г. Шехтман, Т. В. Шмелева, Е. А. Шудегова и др.). Так, Т. В. Шмелева (2001) на примере польского и русского языков охарактеризовала политические метафоры из понятийной сферы-источника «медики, болезни и лекарства», И. В. Телешева (2004) рассмотрела морбиальные метафоры на базе русского и английского языков. Аналогичную методику применяют: Э. В. Будаев при анализе криминальных образов, используемых в британской и российской прессе для метафорического представления России, Грузии и стран Балтии; А. В. Голованова (2000) при сопоставлении метафорического описания человека в русском и польском языках; С. Н. Муране (2001, 2002) при описании военных и медицинских метафорических словоупотреблений на материале русского и латышского языков; Е. А. Шудегова (2002) при сопоставлении милитарных метафор в российских и американских текстах; Н. Г. Шехтман (2004а, 2004б, 2004с) при рассмотрении закономерностей использования спортивных, игровых и театральных по сфере-источнику метафор в российском и американском политическом дискурсе; Ю. В. Алферова (2005) при описании метафорической модели КОНКУРЕНЦИЯ – это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ в британо-американском и российском экономическом дискурсе; М. В. Чернякова (2004) при сопоставлении театральных метафор, используемых в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке. Рассматриваемый подход позволяет наиболее полно выделить то общее, что наблюдается в сопоставляемых языках, и на основе этих общих свойств зафиксировать возможные различия.

4. Методика последовательного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии (А. А. Каслова, Е. В. Колотникова, Л. Ю. Рокотянская, Е. И. Шейгал и др.). Этот алгоритм сопоставительного исследования рассматриваемого явления включает описание метафорической модели на одном языке, затем – аналогичной модели на другом, а на заключительном этапе – выводы об их общих и особенных признаках. В монографии Е. И. Шейгал (2000) сначала представлено описание модели в русском языке, затем – аналогичной модели в английском, а на заключительном этапе делаются выводы об общих и особенных признаках. Аналогичным образом представ-

лены зооморфные метафоры английского и индейских языков в работе Л. Ю. Рокотянской (2001), а также ведущие метафорические модели английского и российского экономического дискурса в публикациях Е. В. Колотниной (2001). Подобный способ систематизации метафорического словоупотребления, проанализированного в текстах периодических изданий, посвященных ситуации президентских выборов в Соединенных Штатах Америки и в Российской Федерации, представлен в диссертационном исследовании А. А. Касловой (2003а). Данный подход позволяет полнее охарактеризовать специфику той или иной модели в каждом языке и обычно используется при достаточно серьезных расхождениях между языками или при необходимости с максимальной детальностью описать специфику каждой метафорической модели в рассматриваемых языках.

5. Методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре (А. А. Каслова, А. П. Чудинов). Этот вариант сопоставительного анализа включает детальное описание метафорической модели, по сфере-источнику специфичной для российского политического дискурса, и особенности репрезентации аналогичных ситуаций в агитационно-политических текстах другой страны в рамках совсем иных метафорических моделей, поскольку рассматриваемая модель не активизирована в политическом дискурсе другой страны. Указанная методика позволяет выявить и подтвердить теснейшую взаимосвязь языка и традиций, культуры, национального самосознания, менталитета, истории народа.

Каждый из названных подходов имеет право на существование, и при выборе методики сопоставительного описания моделей многое зависит от специфики материала, избранного автором для анализа. В целом представленный обзор свидетельствует, что при самых различных методиках характеристики метафорических моделей обнаруживаются похожие этапы. Одним из них оказывается определение сферы-источника метафорической экспансии. Не менее важным этапом при описании модели является определение сферы-магнита метафорического притяжения. Третий повторяющийся этап – это анализ фрейм-слотовой структуры рассматриваемой модели. Наконец, четвертый этап – это сопоставление реализации метафорической модели в двух и более языках, вы-

явление общих закономерностей и существующих различий. Несомненно, разделение подходов является в какой-то степени условным, и категоричное установление границ подходов, в рамках которых работают когнитивисты, представляется не вполне реалистичным и рациональным, поскольку одним исследователем может одновременно использоваться несколько методик анализа метафор, что является следствием многомерности рассматриваемого явления. Выделение основных направлений в изучении концептуальной метафоры в политическом дискурсе представляется идеальным способом обзора развития научной мысли в данной сфере исследований. В целом рассмотренный выше материал показывает, что существующие методики изучения метафорических моделей вполне могут быть использованы при сопоставительном исследовании российских и британских концептуальных метафор в современном политическом дискурсе.

Следует отметить, что большинство исследований метафорического моделирования политической действительности посвящено изучению образного представления настоящего, либо конкретного события в настоящем. Однако во время предвыборной кампании в прессе, в программных документах политических партий, в выступлениях политических лидеров дается не только характеристика современного положения страны, но также политическая оценка ее прошлого и перспектив будущего развития. Чтобы проиллюстрировать данное положение, обратимся к политическим программам некоторых российских и британских партий периода парламентских выборов, поскольку именно этот жанр «отражает сущностные характеристики политического дискурса» [Бабаева 2003: 11] в целом.

Прошлое, без сомнения, выражает определенное отношение к настоящему. Весь ментальный опыт прошлого времени [Гак 1976: 82] отражен в языке:

- *«Левые» привели Советский Союз к развалу, после чего Россией занялись «правые» – и это окончилось экономическим крахом. Почему? И те и другие руководствовались радикальными идеологиями, не имеющими отношения к реальности («Единая Россия»).*
- *Российское государство прошло в XX веке через кровавые, разрушительные войны, насильственные революции и губительные реформы, потеряло миллионы людей. Время разрушительных «реформ» и их инициаторов – лжереформаторов и лжедемократов –*

подходит к концу. Но за последние полтора десятилетия XX века они ввергли страну в состояние национальной катастрофы (ЛДПР).

- *I have a confident belief in our country. We are not boastful. But we have real strengths. Great people. Strong values. A proud history. The British people achieved magnificent things in the 20th century. But for too long, our strengths have been undermined by weaknesses of elitism and snobbery, vested interests and social division (The Labour Party).*

- *Under eighteen years of Conservative government, these freedoms steadily diminished. The sick waited longer for operations. Children were taught in larger and larger classes. Rail passengers suffered the consequences of a disastrous privatisation. Crime rose. Pensioners' incomes fell behind (The Liberal Democrats) (см. также: табл. 1 в приложении 1).*

Прошлое часто выступает как аргумент, выполняющий вспомогательную функцию информирования о прошлом опыте и, главное, его последствиях для современного положения дел. Структурирование образа настоящего связано прежде всего с его неудовлетворительным состоянием и недееспособностью власть предержащих:

- *Она (КПРФ) не сидит сложа руки в его ожидании, а жестко выступает против творимого в настоящем беззакония и произвола. Она борется за проведение в настоящем тех перемен, которые лягут в основу справедливого будущего. ГОЛОСУЙТЕ ЗА НАРОДНЫЙ БЛОК КПРФ, ЗА НАСТОЯЩУЮ ПАРТИЮ! (КПРФ)*

- *Изменения в институтах и механизмах власти привели к резкому сокращению ответственности государства за решение социальных проблем. Реализованные на практике методы приватизации, сложившаяся в стране система экономических отношений обусловили концентрацию общественного богатства в руках узкого слоя собственников. Повседневными явлениями стали коррупция, преступность и насилие. Возник раскол между обществом и государством, стали нарастать социальные противоречия и внутри самого общества (ПСС).*

- *Labour does not understand our country and cannot value what it cannot understand (The Conservative Party).*

- *As the problems we face become more complex, our politics are becoming ever more superficial; increasingly, politicians tackle the symptoms of the disease not the cause of it (The Liberal Party (см. также: табл. 2 в приложении 1).*

Несколько иной точки зрения о состоянии общественно-политической ситуации в настоящем, придерживается партия, находящаяся у власти:

- *Последние годы стали для России периодом политической стабильности и уверенного восходящего развития. За эти годы мы многого добились. Фактом стал подъем*

экономики и эмоционального состояния общества. Мы выбрали власть, которой доверяет большинство. Взаимное доверие граждан и власти позволяет сообща решить проблемы, оставшиеся нам от предыдущих десятилетий («Единая Россия»).

- *Since May 1997 we have laid the foundations of a Britain whose economy is stronger, where investment is now pouring into public services, where social division is being slowly healed and where influence abroad is being regained (The Labour Party).*

В период массового разочарования результатами деятельности власти в образе лидера будущего привлекает способность «навести порядок», «восстановить поруганную честь Отечества», готовность к чрезвычайным мерам. Как показывает анализ, предполагаемые мероприятия распределяются в рамках противопоставления «за – против» и адресату навязывается один возможный выбор: он должен согласиться с аргументами «за» «светлое/(реже) прекрасное будущее» («утопия») и «против» «ужасного будущего» («антиутопия»). На полюсах «за» и «против» у разных политиков находятся одни и те же проблемы, затрагиваются сходные аспекты, несмотря на принадлежность к различным партиям, на различную идеологическую основу. Политики в основном выступают за хорошую зарплату, пенсию, профессиональную армию, реформы, против высоких налогов, повышения тарифов на жилищно-коммунальные услуги, коррупции, стремясь объять все предполагаемые преобразования некоторым конечным списком задач, гарантирующим «светлое будущее» в случае прихода к власти их партии:

- *Сегодняшний выбор гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны... Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! Сделаем 7 декабря шаг к этому («Единая Россия»).*

- *Теперь нам предстоит победить в 2003 году. Потому что Россия опять оказалась перед исторической развилкой. Один путь ведет в сторону развития демократии и рынка, формирования открытой политической системы и инновационной экономики, экономики знаний, то есть к демократическому рынку. Другой – к полицейско-бюрократическому капитализму, где основной и монопольный игрок на рынке – государство, институты демократии декоративны, демократические процедуры не работают, а лишь имитируются. Нам снова предстоит сделать исторический выбор. И «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» готов исполнить свою историческую миссию – удержат Россию на столбовой*

дороге цивилизации. Мы должны защитить демократические завоевания прошлого. И тем самым защитить будущее России (СПС).

- *A Conservative Government will be optimistic about Britain's future because we are comfortable with Britain's past (The Conservative Party).*

- *The Green Party is reaching for the future. We are working to create a secure society in Britain, a multicultural society, in harmony with nature, where justice underpins every aspect of national life. We are reaching for a future that is sustainable and just. Join us. Vote Green (The Green Party)* (см. также: табл. 3 в приложении 1).

Осмысление своего положения в потоке времени сопровождается невероятно сильными эмоциями – вся парадигма окрашивается в черно-белые тона [Сухина 2005: 142]. Оценки на временной шкале расставляются по принципу: отдаленное прошлое – «плюс», недавнее прошлое – преимущественно «минус», настоящее – «плюс-минус», будущее – в идеале «плюс».

При выработке методики описания метафорических моделей, использующихся для представления образов прошлого, настоящего и будущего, при характеристике метафорической модели и ее составляющих, можно воспользоваться предложенным в монографии А. П. Чудинова (2001d) определением метафорической модели и ее составляющих, а также используемой в работе методики описания конкретных метафорических моделей.

Метафорическая модель – это существующее в сознании носителей языка типовое соотношение семантики находящихся в отношениях непосредственной мотивации первичных и вторичных значений, являющееся образцом для возникновения новых вторичных значений [Баранов, Караулов 1994: 15]. Как отмечается в подготовленном А. Н. Барановым и Ю. Н. Карауловым «Словаре русских политических метафор», элементы модели «связаны различными семантическими отношениями, причем каждый элемент модели соединен с другими элементами существенно более сильными связями, чем с элементами других понятийных областей» [там же]. Между соответствующими модели метафорами устанавливаются отношения на сигнификативном (уровень понятий), денотативном (область объектов метафорического осмысления) и экспрессивном уровнях. Как подчеркивает А. П. Чудинов, при когнитивном анализе метафорических моделей «элиминируются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требование

о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка: в рамках единой системы рассматриваются собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (пословицы, поговорки, афоризмы и т. п.)» [Чудинов 2001с: 41].

Понятие и структура метафорической модели включает целый комплекс компонентов, без которого невозможен ее полноценный анализ. Вслед за А. П. Чудиновым [Чудинов 2001с: 44–46] мы считаем необходимым при описании метафорической модели охарактеризовать следующие параметры:

- исходную понятийную область (первичную семантическую сферу, ментальную сферу-источник, сферу-донор), к которой относятся охватываемые моделью слова в первичном значении;
- новую понятийную область (вторичную семантическую сферу, ментальную сферу-мишень, реципиентную зону), к которой относятся охватываемые моделью слова во вторичном значении;
- семантический компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью слов, то есть выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;
- относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют соответствующую понятийную область (семантическую сферу);
- составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации; а также типовые концепты, образующие слот.

Необходимо также оценить:

- продуктивность модели (то есть способность к развертыванию) и ее частотность, а также ее «тяготение» к определенным функциональным стилям и подстилям, речевым жанрам, дискурсам и т. п.;
- прагматический потенциал модели, то есть типовое воздействие соответствующих метафор на адресата.

Учитывая вышесказанное, методика исследования метафорических моделей, используемых в политическом тексте для моделирования прошлого, настоящего и будущего может быть представлена как следующий ряд этапов:

Первый этап – отбор политических текстов разных жанров (статья, интервью, публичное выступление, партийная программа и др.).

Второй этап исследования заключается в обнаружении в текстах агитационно-политической направленности метафорических словоупотреблений со сферой-магнитом метафорического притяжения «прошлое», «настоящее», «будущее» или же констатация их отсутствия.

Третий этап включает в себя темпоральную периодизацию метафор. Это становится возможным, поскольку образы прошлого, настоящего и будущего часто воспринимаются участниками коммуникации дискретно (Сухина 2005, Judge 1992b, Radden 2003 и др.). Анализируя метафорическую модель «ВРЕМЯ – это ПРОСТРАНСТВО», Г. Радден выделяет «отдаленное прошлое», «недавнее прошлое», «настоящее», «непосредственное будущее», «отдаленное будущее» [Radden 2003]. Б. Рассел подразделяет прошлое на непосредственное и отдаленное [Рассел 2004: 38]. Е. И. Сухина в работе «Три ипостаси времени: прошлое, настоящее и будущее – в современном русском самосознании» (2005) подчеркивает, что «прошлое возникает перед читателем как призрачный расплывчатый образ: оно постоянно двойится, то приближаясь, то удаляясь, словно мираж... при этом происходит смещение и перестраивание временных пластов, которое выводит на первый план либо далекое, либо недавнее прошлое» [Сухина 2005: 153]. В статье А. А. Ворожбитовой на материале анализа публицистики периода Великой Отечественной войны рассматриваются характерные черты советской языковой личности, представлена соответствующая лингвориторическая картина мира и условная периодизация советского дискурса, включающая истоки, «нелегальный период», функционирование, эпоху Великой Отечественной войны, «оттепель», «застой», перестройку, постперестройку [Ворожбитова 2000: 21]. Э. Джадж в исследовании «Metaphor and the Language of Futures» подразделяет будущее на близкое и отдаленное [Judge 1992b].

Четвертый этап – систематизация метафорических моделей, основанная на учете сферы-источника метафорического представления прошлого, настоящего, будущего и их периодов.

На *пятом этапе* проводится статистическая обработка материалов, зафиксированных в дискурсе парламентских выборов в двух странах, и выделение метафорических моделей, активно используемых при моделировании периодов прошлого, настоящего и будущего. Для нашего исследования принципиально важно, чтобы метафорические номинации, принадлежащие к одной источниковой сфере, активно употреблялись как при создании образа настоящего, так и при обращении к образам прошлого и будущего, являясь частотными при концептуализации наибольшего количества периодов прошлого, настоящего и будущего.

Шестой этап заключается в сопоставлении метафорических моделей, реализующихся в российских и британских текстах агитационно-политического характера, выявлении схожих черт в политической метафорической картине мира. Это позволяет выделить общее в образе мышления представителей двух лингвокультурных сообществ и констатировать наличие базовых метафорических моделей в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании. С другой стороны, подобная процедура позволяет обнаружить различия, обусловленные спецификой национальных языков и некоторыми дискурсивными факторами, способствующими активизации и широкому распространению той или иной концептуальной метафоры в политическом контексте электорального процесса двух стран. Опыт показывает, что при сопоставительном анализе русских и британских политических метафор целесообразно сначала рассматривать метафорическую модель в одном языке, затем – в другом, а на заключительном этапе исследования – сопоставлять полученный материал. Сопоставительное описание метафорической модели должно включать следующие аспекты:

– оценка продуктивности модели при моделировании образов прошлого, настоящего, будущего и их периодов;

– описание фреймовой структуры модели при концептуализации прошлого, настоящего и будущего (выделение наиболее частотных фреймов, их харак-

теристика с указанием компонента, связывающего первичные и метафорические смыслы охватываемых данной моделью единиц, определение признаков, которые позволяют метафорически сближать указанные сферы);

– дискурсивная характеристика модели, то есть выявление типичных для соответствующих метафор концептуальных векторов, ведущих эмотивных характеристик, их взаимосвязи с существующей политической ситуацией, конкретными политическими событиями, политическими взглядами, интенциями субъектов коммуникации и др.;

– характеристика прагматического потенциала модели, то есть способности метафор моделировать образы «страшного/величественного прошлого», «мрачного/светлого настоящего», «ужасного/прекрасного будущего»;

– корреляция метафорических представлений прошлого, настоящего и будущего на материале одного языка (с указанием общих элементов и особенностей);

– описание метафорической модели на материале другого языка по указанным выше параметрам;

– сопоставительное описание темпоральных характеристик модели с учетом ее фреймовой структуры, дискурсивных характеристик, прагматического потенциала, соотношения метафорических образов (с указанием общих и особенностей).

Реальность существования модели и ее составляющих в каждом из языков должна быть подтверждена фактами соответствующего словоупотребления в текстах агитационно-политического характера; анализ подобных словоупотреблений даст необходимый материал для выводов об однотипных и специфических свойствах российской и британской концептуальной политической метафоры в дискурсе парламентских выборов в двух странах.

В результате такого анализа возникает возможность для комплексной многоаспектной характеристики закономерностей метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании. Целенаправленный анализ функционирующих в политической коммуникации метафорических моделей, участвующих в создании образов прошлого, настоящего и будущего, способствует выявлению тенденций

развития общественно-политического дискурса, помогает определить степень влияния изменений в общественно-политической жизни страны на представление и восприятие образов прошлого, настоящего и будущего, а также позволяет обнаружить актуализацию отдельных концептов и сфер-источников метафорической экспансии, востребованность тех или иных моделей применительно к отдельному образу (прошлого, настоящего или будущего) и периоду, выявить в политическом дискурсе разных стран интернациональные и национально специфичные метафорические модели, наличие которых обусловлено своеобразием культуры, историческими традициями, лингвокультурными характеристиками, национальным менталитетом, а также особенностями политической культуры, политического поведения носителей языка.

1.3. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001)

Задача настоящего раздела заключается в определении рамок исследования метафорического моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов в Государственную Думу России (2003) и Парламент Великобритании (2001).

1.3.1. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов депутатов Государственной Думы России (2003)

Специфика российских метафор в значительной степени определяется историческими условиями формирования традиций политической коммуникации и самосознания нации. Анализ российской политической культуры демонстрирует, прежде всего, прерывистость истории государства, ее драматизм, отсутствие последовательности в политическом процессе, синдром «трудного отечества» и гетерогенность национальной политической культуры России [Россия и Британия в поисках достойного правления 2000]. Все эти явления находят отражение в современной политической коммуникации, в «метафорах, которыми мы живем».

Периодизация прошлого в политическом дискурсе парламентских выборов в России (2003). Бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак

однажды язвительно заметил, что Россия – это страна с непредсказуемым прошлым. Точнее, у каждой из современных политических партий есть свои представления об истории родной страны, но и коммунисты, и либералы, и национал-патриоты при описании прошлого России умудряются обходиться лишь двумя красками – черной и белой. Одни политики говорят об ужасах тоталитаризма и идиллической жизни страны при царе-батюшке, другие обличают Николая Кровавого и всю его династию, воспевая Ленина и его идейных наследников. Но в любом случае обращение политических лидеров к национальной истории диктуется насущными потребностями современности. Одни политики ищут в истории аргументы против идеологии прошлых лет, решительно критикуют старые концепции, чтобы сформулировать новые взгляды. Другие пытаются найти в советской эпохе аргументы для своих современных представлений и зовут народ из «ужасного настоящего» в «прекрасное прошлое». Показательно, что обращение к прошлому особенно типично для периодов обострения политической борьбы, в том числе во время парламентских выборов.

При конкретном анализе отечественного политического дискурса мы будем разграничивать «отдаленное прошлое», к которому относятся досоветский (до 1917 года) и советский (1917–1985) периоды, и «недавнее прошлое», которое включает в себя горбачевскую перестройку (1985–1991) и ельцинскую демократизацию (1991–2000).

Анализ политического дискурса периода парламентских выборов позволил выделить метафорические модели (ММ), которые наиболее часто используются при моделировании образа «досоветского прошлого». Несомненным лидером здесь оказались метафорические номинации со сферой-источником «театр» (37,5% от общего числа метафорических словоупотреблений):

В истории России неоднократно возникала ситуация, когда вслед за периодом реформ следовало резкое, экстремальное ужесточение политического режима. Достаточно вспомнить «Избранную Раду» Ивана Грозного и последовавшую за ней опричнину. Были подобные примеры и позже, в том числе в XX веке. Сейчас в России также не исключен подобный сценарий (И. Игошин // Завтра, 15 окт. 2003).

Среди наиболее распространенных оказались также фитоморфные, монархические (приблизительно по 25%) и милитарные образы (12,5%).

При моделировании «советского прошлого» в политической ситуации «Парламентские выборы – 2003» наиболее активными оказались милитарные метафоры (29,6%):

*В определенном смысле убийство Советского Союза было очень похоже на недавнее «чисто английское» убийство Дэвида Келли. И то и другое обставили как самоубийство. Кто бы сегодня и чем ни оправдывал уничтожение СССР, понимает, что главное — вовсе не в самом уничтожении даже, а в том, что случилось после. Нашу страну, обрезанную и уродливо деформированную, отлучили от ее сверхбытия, попытались окончательно сбросить в иное пространство — туда, где пребывает вся современная «западная цивилизация» (Г. Судоцев // *Завтра*, 3 сент. 2003).*

Значительно реже встречаются морбиальные и механистические образы (соответственно 18,5% и 14,8%). Помимо этого, «советское прошлое» метафорически представлено в образах пути (7,5%), криминала (3,7%), строительства (3,7%), животного (3,7%) и растительного мира (3,7%), других образах (14,8%).

При моделировании «перестройки» наиболее частотной оказалась группа метафор с исходной понятийной сферой «война» (25,5%):

*Это был «либерализм меньшинства», угнетавшего и сводившего в могилы миллионы людей, кого либералы наградили расстрельной кличкой «красно-коричневого народа». Плодами экономического либерализма воспользовались олигархи, отбросив в нищету и разруху могучую экономику Советов (А. Проханов // *Завтра*, 11 нояб. 2003).*

Менее активны метафоры «криминала» (21,3%), «болезни» (17%), «животного мира» (12,8%), «пути» (10,6%), «религии» (6,4%) и «растительного мира» (6,4%).

При моделировании «ельцинской демократизации» наиболее частотной моделью оказалась опять же милитарная метафора (33,1%):

*Образно говоря, после своего антиконституционного переворота в августе 1991 года (таким его признал Конституционный суд) Ельцин сделал контрольный выстрел в голову России. Не из пистолета, а из танковых орудий. Ельцин понимал, что без ликвидации избранного народом парламента он не сможет отдать Россию на растерзание жуликоватым «новым русским», зарубежным своим корешам. (О. Кульдяев // *СР*, 27 сент. 2003).*

На втором по частотности месте оказалась криминальная метафора (29,7%), далее следуют в порядке убывающей частотности: религиозная (11,9%), театральная (5,5%), морбиальная (5,1%), физиологическая ММ (3,4%), метафора торговли (2,9%), монархическая ММ (2,5%) и другие (5,9%).

Соотношение между историческими периодами, к которым обращены метафоры, и типами используемых метафорических моделей представлено в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение периодов прошлого (Россия)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)
досоветский период	9	2,5	4	Театральная (37,5) Фитоморфная (25) Феодальная (25)
советский период	30	9,3	12	Милитарная (29,6) Морбиальная (18,5) Механистическая (14,8)
перестройка	47	14,7	7	Милитарная (25,5) Криминальная (21,3) Морбиальная (17)
демократизация	236	73,5	16	Милитарная (33,1) Криминальная (29,7) Религиозная (11,9)

Как видно из таблицы, в политическом дискурсе «Выборы в Государственную Думу России – 2003» чаще всего использовались апелляции к «недавнему прошлому» государства (88,2%), особенно к периоду правления Б. Н. Ельцина (73,5%). Значительно реже встречалось метафорическое представление «отдаленного прошлого» (11,8%), причем наименьшее внимание уделялось периоду «досоветское прошлое» (2,5%). Показательно, что период президентства Б. Н. Ельцина представлен яркими разнообразными метафорами (16 ММ), меньше моделей используется при создании образа «советского прошлого» (12 ММ). При моделировании «перестройки» и «досоветского прошлого» использовано соответственно 7 и 4 ММ. Показательно, что самой частотной ММ для трех периодов (начиная с октября 1917 года) является милитарная ММ. Это можно объяснить тем, что милитарная и криминальная (вторая по частотности модель при моделировании образа «недавнего прошлого») метафоры особенно типичны для периодов обострения социальных отношений.

Таким образом, чтобы привлечь внимание к прошлому государства, политики часто используют метафору, которая способствует переконцептуализации картины мира адресата, служит средством эмоционального воздействия на читателя и аргументации тезисов. Для каждого политика закономерен интерес к

исторической динамике политического процесса, проблеме закономерности общественного и исторического развития, связи современности с прошлым страны. Опыт учит, что метафорическое представление темных и светлых сторон прошлого может оказать значительное воздействие на определение избирателями будущего своей страны в процессе выборов депутатов Государственной Думы.

Периодизация настоящего в политическом дискурсе парламентских выборов России (2003). Во время предвыборной кампании политические деятели используют метафору, чтобы сделать сообщение образным и ярким, сформировать у адресата необходимое говорящему эмоциональное состояние, представления о состоянии общества в настоящий момент в необходимом адресанту ключе.

При анализе политического дискурса периода выборов депутатов в Государственную Думу России мы будем различать «ограниченное настоящее», то есть время проведения предвыборной кампании (сентябрь – 7 декабря 2003 года) и «продолженное настоящее» – правление президента В. В. Путина (май 2000-го – декабрь 2003 года включительно).

При моделировании настоящего момента действительности, а именно избирательной кампании, самой частотной является милитарная ММ (26,6%):

Все СМИ разом заговорили о случившемся. Все партийные лидеры со своими приближенными, с активом, тотчас почували открывшуюся широту маневра и бросились в мозговые штурмы на предмет того, какую комбинацию предпринять, с кем задружиться, с кем разойтись, чтобы удобнее и выгоднее встроиться в новый порядок. По сути, только теперь, после всего случившегося вокруг имени Ходорковского и Волошина, и началась настоящая предвыборная кампания. Инициатива первого удара принадлежит партии президента. Блиц-криг развивается согласно планам генштаба «Единой России». В стане врагов идет срочная мобилизация и перегруппировка сил (В. Синцов // Завтра, 5 нояб. 2003).

Менее активны театральная (13,7%), зооморфная (7,7%), физиологическая (7,4%), спортивная (6,4%), криминальная (5,8%), фитоморфная (4,7%) ММ, образы торговли (4,6%), болезни (4,3%), игры (3,7%), религии (3,2%) и другие (11,9%).

При создании образа «продолженного настоящего» наиболее частотными опять же оказались военные образы (20,7%):

Сама в себе российская (да и любая) исполнительная власть есть арена зверской лоббистской войны интересов, группировок и ведомств. И чем слабее парламент и механизмы публичной политики (те же СМИ), тем брутальнее и безнадежней эта подковерная борьба. Тем жестче ее клановые и аппаратные правила. Тем скорее она оказывается войной на истребление или бегом белки внутри колеса (К. Рогов // Газета, 6 дек. 2003).

Далее следуют в порядке убывающей частотности: криминальная (11,8%), морбиальная (11,4%), зооморфная (7,8%) ММ, сексуальная метафора и метафора «пути» (приблизительно по 7,2%), физиологическая ММ (5,6%), метафоры «родства» (5,3%), «религии» (4,9%), «растительного мира» (3,2%) и другие ММ (14,9%).

Соотношение между периодами настоящего, к которым обращены метафоры, и типами используемых метафорических моделей представлено в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение периодов настоящего (Россия)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)
ограниченное настоящее	866	59,6	19	Милитарная (26,6) Театральная (13,7) Зооморфная (7,7)
продолженное настоящее	587	40,4	18	Милитарная (20,7) Криминальная (11,8) Морбиальная (11,4)

Как свидетельствуют данные таблицы, в политическом дискурсе «Парламентские выборы России – 2003» наиболее частотны обращения к периоду «ограниченное настоящее» (59,6%). Реже встречалось метафорическое моделирование «продолженного настоящего» (40,4%). Оба периода представлены яркими, разнообразными ММ: при моделировании избирательной кампании использовано 19 ММ, на одну меньше – при создании образа «продолженного настоящего» (18 ММ).

Показательно, что ММ НАСТОЯЩЕЕ – это ВОЙНА является самой частотной моделью при концептуализации современной действительности. Это объясняется тем, что в ходе предвыборной кампании происходит активизация

вербальной агрессии, так как идеи состязательности и соперничества приобретают первостепенную значимость. Военная метафорика репрезентирует эти принципы, как бы «вскрывая» внутреннее восприятие предвыборной кампании ее участниками и наблюдателями.

Метафорическое представление настоящего позволяет сформировать у избирателя необходимое политикам и СМИ мировосприятие. Оппозиционный политик рисует образ «мрачного настоящего» и «лучшего будущего», уготованного народу в случае смены власти. Правящая партия, акцентируя свои достижения и сравнивая их со «страшным прошлым», говорит о «светлом настоящем» и обещает еще более «прекрасное будущее».

Периодизация будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России (2003). Во время предвыборной агитации любая политическая партия дает оценку перспектив развития страны, создает своего рода модель мира. Будущее предстает перед избирателями то «прекрасным», то «ужасным», в зависимости от интенций адресанта. Он сам расставляет акценты: либо убеждает адресата в реальной возможности исправления накопленных ошибок, предлагает готовые рецепты улучшения жизни, обещает позитивные преобразования, гарантированные при условии прихода к власти нужных людей, либо «сгущает краски», запугивая избирателя преувеличенными негативными последствиями, грядущими в случае победы оппонентов.

При анализе отечественного политического дискурса мы будем разграничивать «ближайшее будущее», то есть то, что произойдет непосредственно после выборов, и «отдаленное будущее» – прогнозы политиков относительно будущего страны на несколько лет вперед.

Анализ политического дискурса периода парламентских выборов позволил выделить ММ, которые наиболее часто используются в процессе политической оценки «ближайшего будущего». Несомненным лидером оказалась группа метафор с исходной понятийной сферой «игра» (27,6%):

Ближе к эндшпилю будет интересно наблюдать, какую комбинацию разыграет А. Чубайс, рискнувший встать на фланге СПС. На позолоченные доспехи денег у него, конечно, хватит. Но не рухнет ли под его тяжелой фигурой СПС-овская кобылка? Ведь это все равно что на коня посадить слона (В. Костиков // АиФ, 10 сент. 2003).

Менее активны ММ: зооморфная (18,9%), милитарная (15,1%), монархическая (6,3%), метафора «путешествия» (5,5%), физиологическая, театральная, спортивная (приблизительно по 3,9%), другие (10,2%).

При моделировании «отдаленного будущего» наиболее частотными оказались метафоры «болезни» (29,4%):

Такому государству вернуть остатки советской экономики, сохраненной и преумноженной крупными компаниями? Эта собственность, разделенная на куски и кусочки, будет истреблена. От нее останутся объедки в виде обглоданных рыбьих скелетов. Страна навсегда, бесповоротно лишится всякой надежды на развитие. Превратится в труп, кишущий клубками ненасытных червей (А. Проханов / Завтра, 10 сент. 2003).

Далее следуют в порядке убывающей частотности ММ: милитарная (17,9%), физиологическая (13,9%), метафора путешествия (11,8%), метафоры торговли, строительства, механистическая, криминальная, монархическая (приблизительно по 3,9%), другие (7,8%).

Соотношение между периодами будущего и типами используемых метафорических моделей представлено в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение периодов будущего (Россия)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)
ближайшее будущее	127	73,3	16	Игровая (27,6) Зооморфная (18,9) Милитарная (15,1)
отдаленное будущее	51	28,7	13	Морбиальная (29,4) Милитарная (17,9) Физиологическая (13,9)

Как видно из таблицы, в политическом дискурсе «Парламентские выборы России – 2003» политики и журналисты чаще всего апеллируют к образу «ближайшего будущего» (73,3%), значительно реже встречается метафорическое представление «отдаленного будущего» (28,7%). При моделировании образа «ближайшего будущего» используются различные метафорические номинации (16 ММ), чуть меньше метафорических моделей употребляется при концептуализации «отдаленного будущего» (13 ММ).

Представленные в таблице данные позволяют утверждать, что при моделировании образа «ближайшего будущего» наиболее активно используется метафорическое поле игры. Политический и игровой дискурсы объединяет элемент состязательности, соперничества и конкуренции, а также представлений о том, что в «ближайшем будущем» станет известен итог игры под названием «Выборы».

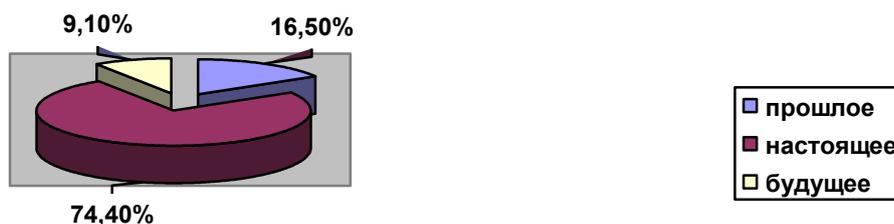
Для моделирования образа «отдаленного будущего» характерно вариативное использование метафоры «болезни». В зависимости от целей говорящего, часто диаметрально противоположных, морбиальная метафора участвует в создании как образа «ужасного будущего», так и «прекрасного будущего». Показательно, что «военные» образы являются частотными для всех периодов будущего. Избрание военной сферы в качестве источника для концептуализации мира политики становится традиционным, что в первую очередь связано с богатой военными событиями историей России, которая во многом способствовала формированию милитаризованного сознания у наших соотечественников.

Таким образом, предвыборные материалы являются репрезентативной базой для формирования модели будущего. Действенность апелляций к образу будущего страны обусловлена одним из основных мотивов человеческих поступков – надеждой на лучшее будущее.

Показательно, что в политическом дискурсе «Парламентские выборы России – 2003» концептуальные метафоры чаще всего используются для представления настоящего (74,4%), значительно реже политики и СМИ обращают свой взгляд в прошлое (16,5%), наименьшее внимание уделяется будущему России (9,1%) (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

Соотношение метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в дискурсе России

Рассмотренные материалы свидетельствуют о несомненной корреляции между метафорическими представлениями прошлого, настоящего и будущего в дискурсе российских парламентских выборов (2003), что позволяет выделить наиболее частотные метафорические модели, которые активно используются для образного представления различных периодов развития нашего государства:

1. ЖИЗНЬ – это ВОЙНА (7 периодов). Милитарная метафора является частотной моделью при моделировании «советского прошлого», «перестройки», «демократизации», «ограниченного настоящего», «продолженного настоящего», «ближайшего будущего», «отдаленного будущего».

2. СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ (4 периода). Метафоры «болезни» являются особенно востребованными при создании образов «советского прошлого», «перестройки», «продолженного настоящего», «отдаленного будущего».

3. СТРАНА – это ПРЕСТУПНЫЙ МИР (3 периода). Криминальная метафора активно используется при концептуализации «перестройки», «демократизации», «продолженного настоящего».

1.3.2. Периодизация прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе выборов в Парламент Великобритании (2001)

Основополагающими историческими факторами формирования политической культуры Великобритании традиционно считают политическую стабильность, постепенность развития, возможность выбирать особый, «британский», путь, органичность включения новых элементов в старые политические структуры и принцип легитимности [Россия и Британия в поисках достойного правления 2000], что, несомненно, влияет на метафорическое отображение прошлого, настоящего и будущего в сознании граждан страны.

Периодизация прошлого в политическом дискурсе парламентских выборов Великобритании (2001). На протяжении многих столетий Великобритания являла собой классический пример успешной адаптации к изменяющимся условиям жизни. Подлинным стержнем государственной жизни, средоточием реальной власти в Великобритании является двухпалатный парламент,

длительный эволюционный путь которого обусловил характерную для высшего представительного органа страны преемственность. Британский парламент – удивительный пример сочетания старых и новых форм, их напластований, их сосуществования. Сложившаяся в Великобритании на базе общности стратегических целей система двухпартийного управления не только не исключала, но напротив, подразумевала преемственность политики либеральных и консервативных кабинетов. Само пребывание в оппозиции являлось своего рода сотрудничеством. Стабильность политической системы гарантировала поступательное развитие общества в направлении все более ясно выраженного учета интересов всех социальных слоев.

Анализируя политический дискурс Великобритании «Выборы в Парламент – 2001», мы будем разграничивать «отдаленное прошлое» (до 1979 года) и «недавнее прошлое», которое включает в себя «тэтчеристское десятилетие» (1979–1990) и правление Дж. Мэйджера (1990–1997).

При моделировании образа «отдаленного прошлого» наиболее активны метафоры «войны» (44,4%):

Indeed, big Government defeats in the past have tended to come at times of relative economic prosperity. This seems at least plausible in December 1923, May 1929 and 1906 – a Liberal landslide that bears comparison to Labour's 1997 victory (The Daily Telegraph, February 23d 2001).

Менее частотны ММ: неживой природы (14,8%), морбиальная (11,1%), родства (7,5%), строительства (3,7%), пути (3,7%), другие (14,8%).

«Тэтчеристское десятилетие» предстает перед избирателями опять же в образах войны (38,1%):

For the angry oldies and the Tory young jerks who grew up under her skirts she is the One. But, psychological shallows apart, it is the message that matters. For this is the woman who killed the Tories. And in sprinkling holy oil on her anointed successor, grinning haplessly by her side, she makes his situation even worse. Thatcher, like Thatcherism, is uncontrollable (H. Williams / The Guardian, May 24th 2001).

На втором и третьем по частотности местах оказались метафоры «строительства» (15,9%) и «спорта» (14,3%). Менее распространены при описании «эпохи Тэтчер» ММ: морбиальная (9,5%), пути (6,2%), педагогическая ММ (4,8%), театральная ММ (3,2%), другие (8%).

В британском политическом дискурсе «Выборы в Парламент – 2001» большое количество метафор ориентировано на создание образа войны (37,6%) также при характеристике правления Джона Мэйджера:

If four years is one myth, another is that late elections necessarily result in defeat. Holding a poll at the last possible moment is fraught with risk, as John Major found to his cost in 1997 (The Daily Telegraph, April 2d 2001).

Менее широко распространены образы театра (12,1%), торговли (12,1%), строительства (7,9%), болезни (5,9%), криминала (5,9%), животного мира (3,9%), родства (3,9%), другие метафорические образы (10,5%).

Соотношение между историческими периодами Великобритании, к которым обращены метафоры, и типами используемых метафорических моделей представлено в табл. 4.

Таблица 4

Соотношение периодов прошлого (Великобритания)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)
отдаленное прошлое	27	10,6	10	Милитарная (44,4) Неживой природы (14,8) Морбиальная (11,1)
тэтчеристское десятилетие	126	49,6	11	Милитарная (38,1) Строительства (15,9) Спортивная (14,3)
правление Дж. Мэйджера	101	39,8	13	Милитарная (37,6) Театральная (12,1) Торговли (12,1)

Как видно из таблицы, в политическом дискурсе «Выборы в Парламент Великобритании – 2001» преобладает метафорическое представление образа «недавнего прошлого» (89,4%). Показательно, что чаще всего встречаются апелляции к правлению М. Тэтчер (49,6%). Это объяснимо тем, что леди Тэтчер оставила неизгладимый след в истории своей страны и повлияла на образ мышления всего британского общества. Эпоха Тэтчер ознаменовалась столь серьезными изменениями в экономической и общественно-политической жизни страны, в самом образе жизни британцев, что стала восприниматься широким общественным мнением как один из рубежных периодов эволюционного развития

британского общества. Менее частотны обращения ко времени правления Джона Мэйджера (39,8%). Метафорическое моделирование образа «отдаленного прошлого» составляет лишь 10,6%. Наибольшее количество ММ использовано для моделирования периода «правление Дж. Мэйджера» (13). Чуть меньшим количеством представлены «тэтчеристское десятилетие» и «отдаленное прошлое» (11 и 10 ММ соответственно).

Показательно, что метафора «войны» является самой частотной для всех периодов без исключения. Продуктивность данной модели в рамках политического дискурса обусловлена тем, что ее использование заставляет читателя представить политические ситуации прошлого в конфронтационных терминах, и тем самым дает возможность политику смоделировать агрессивное взаимодействие политических сил, мешавших мирному урегулированию описываемого кризиса.

Таким образом, в поворотные моменты истории, одним из которых являются выборы, возникает острая необходимость в критическом переосмыслении прошлого: кризисная ситуация заставляет искать корни многих проблем, ошибок, трудностей и противоречий, что необходимо как для понимания прошлого, так и для осмысления современности, а также прогнозирования будущего страны.

Периодизация настоящего в политическом дискурсе парламентских выборов Великобритании (2001). Анализ текстов агитационно-политического характера свидетельствует о том, что концептуальная метафора занимает важное место в образном представлении современной действительности Великобритании.

Рассматривая британский политический дискурс «Выборы в Парламент – 2001», мы различаем «ограниченное настоящее», то есть время проведения избирательной кампании (январь – 7 июня 2001 года), и «продолженное настоящее» – период правления партии лейбористов во главе с Т. Блэром (май 1997-го – июнь 2001 года включительно).

Обращаясь к избирателям, провозглашая принципы, которыми будет руководствоваться новое правительство, описывая события, происходящие во время предвыборной гонки, политические деятели и СМИ осознанно или не-

осознанно обращаются к такому языковому средству, как метафора «войны». Данная модель является самой частотной при создании образа «ограниченного настоящего» (36,6%):

W. Hague: It's thanks to you that under Michael Ancram's Chairmanship we are ready to fight the most disciplined, professional and effective campaign we have ever fought. Because it doesn't matter when it comes. The Conservative Party can win the General Election, and believe us the Conservative Party is fighting tooth and nail to win the General Election... Well I've got news for Tony Blair. We are not going to sit back and let him inflict four more years of damage on the country we love. We are going to fight him every inch of the way and with every ounce of energy we've got. We all know what four more years of Labour would mean for Britain. And we are not afraid to spell it out (consevatives. com // March 24th 2001).

Менее активными при моделировании избирательной гонки оказались метафорические номинации с исходными понятийными сферами-источниками «театр» (12,6%), «болезнь» (10,4%), «физиология» (4,9%), «религия» (4,7%), «криминал» (4,6%), «спорт» (4,6%), «игра» (3,4%), «родство» (3,2%), «неживая природа» (2,9%). К другим сферам-источникам относится 12,1% метафор.

При создании образа «продолженного настоящего» самой востребованной является ММ СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ (14,1%):

The squalid condition of Britain's public services has emerged as one of the defining issues of this year's election – and about time... I only wish that I felt more confidence in the proposed reforms. There seems to be a peculiarly English disease of «public sector masochism» that is as arresting, in its way, as the public schoolboy's well-known penchant for regular beatings (M. Prowse // FT, 26.05.01).

Далее следуют в порядке убывающей частотности ММ: пути (11,3%), театральная (10,6%), строительства (8,5%), зооморфная (8,5%), криминальная (7,7%), спортивная (7,7%), физиологическая (6,8%), торговли (6,3%), родства (5,6%), другие (12,9%).

Данные, представленные в табл. 5, иллюстрируют соотношение метафорического представления различных периодов настоящего и типов используемых моделей.

Таблица 5

Соотношение периодов настоящего (Великобритания)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)

		шение		
ограниченное настоящее	943	68,9	21	Милитарная (36,6) Театральная (12,6) Морбиальная (10,4)
продолженное настоящее	426	31,1	15	Морбиальная (14,1) Путешествия (11,3) Театральная (10,6)

Данные приведенной таблицы позволяют утверждать, что в политическом дискурсе всеобщих выборов в Великобритании 2001 года доминирующим является метафорическое представление избирательной кампании – «ограниченное настоящее» (68,9%). Моделирование образа «продолженного настоящего» составляет 31,1% от общего числа метафорических номинаций. Образ «ограниченного настоящего» представлен 21 ММ; 15 ММ используется при создании образа «продолженного настоящего».

Самым частотным способом метафорического осмысления предвыборной гонки является метафора «войны». Ее широкое распространение в политическом дискурсе связано с тем, что противостояние политических фигур во время выборов моделируется как ситуация агрессивного взаимодействия, в которой участвуют две враждующие стороны (лейбористы и консерваторы) или более, а предмет конфликта – какая-то одна узловая позиция (власть в стране, перевес голосов в Парламенте и т. д.). Важно подчеркнуть, что сфера «болезнь» также занимает важное место среди источников метафорической экспансии при моделировании образа настоящего: морбиальная ММ является наиболее частотной в представлении «продолженного настоящего» и входит в тройку самых частотных моделей при апелляции к образу «ограниченного настоящего». Активизация метафор болезни связана, на наш взгляд, с эпидемией коровьего бешенства, выпавшей на долю Великобритании и повлекшей за собой отсрочку всеобщих выборов. Эта модель дает возможность политику еще раз подчеркнуть аномальное состояние общественно-политической ситуации в стране.

Таким образом, настоящее Великобритании пронизано векторами тревожности, опасности и агрессивности, истоки которых следует искать в прошлом, а последствия – в будущем страны.

Периодизация будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в Великобритании (2001). Проекция в будущее является одной из важных составляющих британского политического дискурса. Претендуя на роль главы будущего правительства, каждый партийный лидер пытается склонить потенциального избирателя на свою сторону, выдвигая новые принципы, которыми будет руководствоваться его партия, очерчивая перспективы развития британского общества, предлагая «прекрасное будущее» в обмен на голоса на избирательных участках.

При конкретном анализе метафорического представления будущего Великобритании мы будем различать «ближайшее будущее», то есть то, что ожидает Великобританию непосредственно после выборов в Парламент, и «отдаленное будущее» – судьба страны через несколько лет после завершения избирательной кампании.

В британском политическом дискурсе «Выборы в Парламент – 2001» при создании образа «ближайшего будущего» активно используются образы, связанные с военной метафорикой (45,8%):

I think there is a public revolt going on out there amongst our electors. What I can't yet tell is whether it is going to be a quiet or a noisy one. But I suspect we are going to find out soon enough (P. Ashdown // FT, May 17th 2001).

Среди метафорических моделей, используемых для концептуализации «ближайшего будущего» второе и третье места по частотности занимают морбиальная ММ (16,8%) и метафора «родства» (10,3%). Менее востребованы метафорические номинации с исходными понятийными смыслами «театр» (4,6%), «криминал» (4,6%), «путь» (3,8%), «животный мир» (3,1%), «человеческий организм» (2,3%), «механизм» (1,9%), другие метафорические номинации (8,3%).

При создании образа «отдаленного будущего» безусловным лидером является метафора пути (42,7%):

Britain has come to a fork in the road, and sooner or later she'll have to choose which way to go. Once she's chosen there is no turning back. You must burn one bridge in order to travel the other. It's going to be interesting to see which way you go. Very interesting indeed (B. Alpy // BBC World at One, June 4th 2001).

Помимо этого, в британских политических текстах, посвященных ситуации всеобщих выборов 2001 года, зафиксированы метафорические образы

строительства (11,5%), болезни (8,3%), человеческого организма (6,3%), родства (6,2%), игры (6,2%), криминала (4,2%), торговли (3,1%), другие (11,5%).

В табл. 6 показано соотношение между различными периодами будущего и метафорическими моделями, использующимися для их концептуализации.

Таблица 6

Соотношение периодов будущего (Великобритания)

Период	Количество метафор	Процентное соотношение	Количество ММ	Наиболее частотные ММ (%)
ближайшее будущее	262	57,7	16	Милитарная (45,8) Морбиальная (16,8) Родства (10,3)
отдаленное будущее	192	42,3	14	Путешествия (42,7) Строительства (11,5) Морбиальная (8,3)

Представленные в таблице данные свидетельствуют о том, что в политическом дискурсе Великобритании «Выборы в Парламент – 2001» на долю метафорического представления «ближайшего будущего» приходится 57,7%, на долю образа «отдаленного будущего» – 42,3%. Оба периода представлены разнообразными метафорическими моделями: 16 ММ используется для концептуализации «ближайшего будущего», чуть меньше моделей (14) – при обращении к образу «отдаленного будущего».

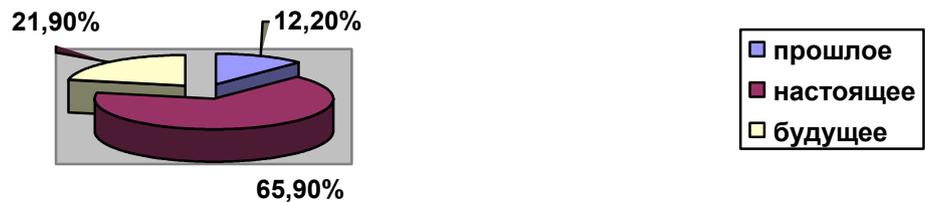
Самой частотной моделью для «ближайшего будущего» является милитарная ММ (45,8%): выборы – это схватка не на жизнь, а на смерть, в которой побеждает сильнейший, слабый уходит в оппозицию. Прогнозы на «отдаленное будущее» преимущественно связаны с метафорическим образом пути (42,7%). Каждый политический деятель видит себя проводником, способным выбрать единственно верный путь-маршрут и, несмотря на различные препятствия и других проводников, привести страну к тому пункту назначения, который потомки обязательно назовут поворотным в истории.

Таким образом, многочисленные апелляции и многообразие метафорических моделей, используемых для концептуализации образа будущего, говорят о том, что во время избирательной кампании каждая партия, каждый политический деятель склонны делать прогнозы относительно будущего страны, строя

планы, пытаюсь проследить динамику развития общества, стремясь по крайней мере на словах, сделать жизнь лучше.

Диаграмма 2

Соотношение метафорического моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе Великобритании

Показательно, что в британском политическом дискурсе всеобщих выборов в Парламент чаще всего метафорически моделируется образ настоящего (65,9%), намного реже политические лидеры и СМИ пытаются донести до избирателя свое видение будущего (21,9%), реже всего обращаются к прошлому (12,2%) (см. диаграмму 2).

Рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль о безусловном соотношении типов моделей, которые используются для образного представления различных периодов развития Великобритании, что позволяет выделить три наиболее частотные модели, использующиеся в британском политическом дискурсе всеобщих выборов в Парламент при создании образов прошлого, настоящего и будущего:

1. **ЖИЗНЬ – это ВОЙНА** (5 периодов). Метафора войны входит в тройку самых частотных моделей при создании образов «отдаленного прошлого», «тэтчеристского десятилетия», «правления Дж. Мэйджера», «ограниченного настоящего», «ближайшего будущего».

2. **СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ** (5 периодов). Использование метафор «болезни» характерно для концептуализации «отдаленного прошлого», «ограниченного настоящего», «продолженного настоящего», «ближайшего будущего», «отдаленного будущего».

3. ЖИЗНЬ – это ТЕАТР (3 периода). Театральная метафора особенно активна при моделировании «правления Дж. Мэйджера», «ограниченного настоящего», «продолженного настоящего».

Выводы по главе 1

Проведенное исследование теоретических основ лингвистического моделирования оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ в политических текстах, с одной стороны, позволило выделить ряд положений, которые должны быть учтены в процессе конкретного анализа метафорического представления пошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании, а с другой – помогло выявить наименее изученные аспекты, которые требуют повышенного внимания специалистов.

Категория времени является «системой координат» политического мира, в котором моделирование общественно-политической ситуации часто осуществляется за счет создания образов прошлого, настоящего и будущего. Отражение ментальных структурно-логических схем в сознании говорящего сделало закономерным и причинно обусловленным когнитивный подход в изучении существенной для политического дискурса оппозиции ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ. В современной политической лингвистике указанная оппозиция считается весьма значимой, поскольку выступает в качестве особой категории политического дискурса, делая возможным осуществление его ключевых функций. Временные горизонты «прошлое», «настоящее», «будущее» существуют в неразрывном единстве, дополняя и уточняя друг друга; настоящее выступает границей совмещения двух других временных пластов: прошлого и будущего.

Когнитивный процесс создания модели общественно-политической ситуации в прошлом, настоящем и будущем часто становится возможным благодаря использованию в политической коммуникации разнообразных метафорических моделей. Лингвистические исследования последних десятилетий за рубежом и в нашей стране показали, что метафора является не столько риторическим приемом, сколько особой познавательной (когнитивной) моделью, с по-

мощью которой мир и описывается, и прогнозируется, и сотворяется. Метафорические образы являются активной силой, способной разбудить воображение и вызвать эмоциональный взрыв. Метафоры не только рефлектируют окружающую действительность, но и воздействуют на наше видение реальности, структурируют наш взгляд на мир. Оппозиция ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ универсальна. В границах противопоставлений «страшного/величественного прошлого», «мрачного/светлого настоящего», «ужасного/прекрасного будущего» в зависимости от экстралингвистических факторов возможна актуализация или нейтрализация разнообразных вариантов данной оппозиции, сформированных на базе различных признаков.

Обзор публикаций по теории и практике исследования концептуальной метафоры показывает, что уже сформировались определенные традиции в изучении метафорических моделей и можно выделить типовые методики сопоставительных исследований. Специалисты чаще всего обращаются к сопоставительному анализу оригинальных метафор и их переводов, к параллельному сопоставлению метафор, объединяемых сферой-магнитом метафорического притяжения. К числу широко используемых относятся также методики параллельного и последовательного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, а также методика контрастивного описания отечественной метафорической модели и ее эквивалентов в другой культуре. Следует отметить, что большинство существующих исследований посвящено изучению метафорического представления современной политической действительности. К числу менее типичных аспектов изучения концептуальной метафоры в политическом тексте следует отнести исследования, посвященные анализу метафорических номинаций, участвующих в создании образов прошлого и будущего, а также закономерностей моделирования темпоральной картины мира в политическом дискурсе различных государств. Поэтому необходимо специальное рассмотрение особенностей функционирования метафорических моделей при концептуализации прошлого, настоящего и будущего с учетом определенной корреляции образов в рамках одной концептуальной метафоры.

При анализе метафорических моделей в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании обращает на себя внимание тот факт, что на страницах российской и британской прессы доминирует образ настоящего: злободневные проблемы текущего момента действительности, отражение событий избирательной кампании представляют первостепенный интерес для политиков и СМИ. Образы прошлого и будущего выполняют функцию вспомогательного аргумента, в зависимости от прагматических задач адресата подчеркивая и затушевывая положительные или отрицательные стороны настоящего положения дел. В большинстве случаев образы прошлого и будущего, как показывает внимательное изучение, – это лишь проекция мысли при рассмотрении современности.

Как показывает проведенный анализ, отечественные СМИ пишут о прошлом значительно чаще, чем британские: ретроспективный взгляд на ошибки и достижения предшественников помогает российским политикам обосновать нынешние концепции, оправдать или дискредитировать современные политические процессы.

Будущее, напротив, притягивает к себе гораздо больше душевных и интеллектуальных сил политиков Британии и меньше волнует российскую политическую элиту. Британские политические деятели постоянно зовут избирателя в будущее, предлагая ему самые разнообразные проекты.

Интересно, что предпочтения в метафорическом представлении периодов прошлого, настоящего и будущего полностью совпадают: в периодической печати обеих стран наиболее частотны обращения к «недавнему прошлому» (апелляции к нему более действенны: события, прожитые самим избирателем, максимально приближаются и расплываются в настоящем, становясь практически неотличимым от него), «ограниченному настоящему» (перипетии избирательной гонки важнее, интереснее и ярче для политиков и СМИ, чем нерешенные проблемы настоящего в целом) и «ближайшему будущему» (радикальные изменения, которые произойдут в стране сразу после выборов, мотивируют действия избирателя сильнее, чем обещания перемен, растянутых на неопределенный срок).

В агитационно-политическом дискурсе периода парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001) можно выделить две общие метафорические модели, активно функционирующие при создании наибольшего количества периодов прошлого, настоящего и будущего: ЖИЗНЬ – это ВОЙНА, СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Третье место по частотности в политических текстах России занимает концептуальная метафора СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ, тогда как в британских текстах – метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ТЕАТР.

Глава 2. Метафорическое представление прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании: российско-британские параллели

Основной задачей настоящей главы является сопоставительный анализ продуктивных метафорических моделей агитационно-политического характера, используемых при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в российских и британских текстах, посвященных ситуации парламентских выборов. Нами было рассмотрено две метафорические модели, представляющие собой детально структурированные образования с актуализированными на современном этапе источниками сферами.

2.1. Метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в темпоральном аспекте: российско-британские параллели

Концептуальная метафора ЖИЗНЬ – это ВОЙНА является одной из доминантных моделей в дискурсе парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001). Избрание военной сферы в качестве источника для концептуализации как мира политики, так и других сфер человеческой деятельности становится традиционным, что в первую очередь связано с богатой

военными событиями историей человечества, во многом способствовавшей формированию милитаризованного сознания.

Метафоры войны в современной политической речи были предметом исследования как в публикациях отечественных ученых (Баранов, Казакевич 1991, Баранов, Караулов 1993, Ермакова 2000а, Каслова 2003а, Колотнина 2001, Красильникова 2005, Миронова 2003, Муране 2001, Ряпосова 2002, Феденева 1997, Чудинов 2001а, 2003а, 2003б, Шейгал 2000 и др.), так и в работах зарубежных лингвистов (Adamson, Johnson, Rohrer, Lam [http](http://), Lakoff 1991, 2004, Lakoff, Johnson 1980, 1999, Ritchie 2003, Vervaeke, Kennedy 1996 и др.).

Сформировавшиеся в массовом сознании концепты данной сферы легко ложатся в основу политической метафорики для структурирования и концептуализации понятийной области политики и экономики, для выделения в ней самого важного и необходимого, для эмотивной оценки ее элементов [Ряпосова 2002: 63]. Систематизируя структуру основных моделей русской политической метафоры последнего десятилетия XX века, А. П. Чудинов выделяет следующие фреймы военной метафоры: «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги», «Воинские символы и атрибуты», «Ранение, выздоровление или смерть» [Чудинов 2003б: 103–113].

Метафоры одних и тех же фреймов и слотов могут приобретать в зависимости от задач политика как негативную эмоциональную окраску, участвуя в создании образов «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего», так и позитивную, работая на создание образов «величественного прошлого», «светлого настоящего» и «прекрасного будущего». С одной стороны, военная метафора, оживляя негативные ассоциативные признаки, связанные с концептом «война» [Каслова 2003а: 69], навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных задач [Чудинов 2001а], моделирует агрессивное взаимодействие политических сил, мешающее мирному урегулированию описываемого кризиса [Миронова 2003: 71], подчеркивает антагонистический характер политических отношений, создает образ угрожающей действительности и, как правило, характеризует предмет речи с негативных

сторон [Ряпосова 2002: 88]. С другой стороны, рассматриваемые метафоры имеют и совсем иную эмоциональную окраску: они нередко акцентируют героический потенциал страны и наполнены суровой романтикой. Это становится возможным благодаря обращению к фреймам, слотам и концептам с различной смысловой наполненностью. Самый простой способ оправдать любую войну, в том числе политическую, – «рассказать о ней как о волшебной сказке, ответив на вопросы: кто в данной ситуации жертва, герой, злодей, в чем заключается его преступление, и что считать победой» [Lakoff 1991]. Автор агитационно-политического текста сам переставляет акценты: либо его цель – «сгущение красок», либо он все-таки ориентирует адресата и своих оппонентов на мирное сосуществование, на преодоление политической конфронтации [Миронова 2003: 98].

Склонность к экспансии военной метафоры весьма опасна. Ее лидерство среди многих других вариантов реализации метафорических единиц может оказаться сигналом, свидетельствующим о сложности периода развития страны и о критической ситуации в обществе [Красильникова 2005: 120]. Помимо этого, давление развернутого метафорического поля войны на общественное сознание приводит к его милитаризации, подготавливая социум к действиям, ведущим к материализации метафоры [Баранов, Караулов 1993: 4].

Рассмотрим основные фреймы и наполняющие их метафорические словоупотребления, представляющие метафорическую модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в темпоральном аспекте в политическом дискурсе России (2003) и Великобритании (2001).

2.1.1. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в российском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это ВОЙНА в российском политическом дискурсе. Метафоры «войны» активно используются при представлении образа прошлого России – 33,9% (см. табл. 1 в приложении 2). При моделировании «советского периода» (29,6%), «горбачевской перестройки» (25,5%) и «ельцинской демократизации» (33,1%) милитарная метафора являет-

ся самой частотной моделью (см. табл. 1 в пункте 1.3.1). Всего зафиксировано 109 метафорических единиц указанной источниковой сферы.

В рассмотренных материалах при концептуализации образа прошлого представлены все фреймы модели, за исключением фрейма «Воинские символы и атрибуты». Однако наиболее широкое распространение в современной политической речи получили метафорические номинации, представляющие следующие фреймы:

- «Война и ее разновидности» (33,9%): *жесточайшие сражения, клановые информационные войны, подавление народного недовольства, силовой сценарий злодеяния, кровопролитие, геноцид против собственного населения, гражданская война, борьба за передел собственности, государственный переворот, стратегия национально-освободительной борьбы, подковерная война, бойня, кровавая баня, хладнокровное, садистское убийство, «танковая демократия», буржуазная революция, контрреволюция* и др. Образы рассматриваемого фрейма акцентируют мысль о том, что единственно возможное разрешение разногласий в прошлом – военные действия, то есть основной путь для устранения конфронтации – военный разгром противника.

- «Военные действия и вооружение» (23,8%): *артподготовка, расстреливать Советскую власть, целиться, парализовать, развязывать войну, под пыткой навязанная обществу «конституция», «рокировка», расстреливать снаряды, «особо тяжёлые условия боя», огневые позиции, выкатывать крупнокалиберных антикоммунистов, войско, брать заложников, сжигать в крематориях, зашить железной дратвой рты патриотов, надеть намордник на окровавленные рты оппозиции, мясо под пули, бить наотмашь дубиной, травить газами, истреблять народ, стрельба, огонь по штабам, утопить страну в крови, бросить на растерзание* и др. Этот фрейм позволяет выявить типичные метафорические представления о политических действиях прошлого, их многообразие говорит о невозможности и нежелании политической элиты мирно урегулировать назревающий конфликт, найти иные способы для разрешения кризиса в стране.

- «Ранение, выздоровление, смерть» (17,4%): *страна смертельно ранена навывлет, выжить после контрольного выстрела в голову, убитая советская*

цивилизация, стоны вымирающего народа, убийство Советского Союза, самоубийство, уничтожение СССР, коллапс, обрезанная и уродливо деформированная страна, территория обескровленной России, горы трупов, уничтожение, многочисленные жертвы, убитые, политические полутрупы, смерть и др. Типовые для рассматриваемого фрейма концепты в метафорическом значении характеризуют состояние страны после завершения военных действий.

В анализируемом корпусе абсолютное большинство контекстов ориентировано на создание образа «страшного прошлого»:

Палачи подавили восстание. Сожгли в ночных крематориях тысячи безвестных героев. Зашили железной драпвой рты патриотов. Разогнали Советы. Ввели Конституцию, написанную кровью и костной известью. Они думали, что одержали победу. Но победу одержали герои, как одерживают ее во все времена святые и мученики, своими смертными подвигами искупая тьму истории, одолевая мировое зло, не давая людям погрузиться в животную дрему (А. Проханов // Завтра, 1 окт. 2003).

Рассматриваемая метафорическая модель позволяет ярко представить преимущественно негативные аспекты прошлого и, соответственно, сделать менее заметными возможные положительные моменты. Милитарная метафора навязывает негативное представление о прошлом страны, акцентирует конфликтные пути решения политических проблем и способствует созданию образа агрессивного и опасного прошлого, тем самым обедняя полную картину политической жизни страны минувших лет.

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это ВОЙНА в российском политическом дискурсе. Милитарные образы являются самыми частотными при концептуализации настоящего (24,2%) (см. табл. 2 в приложении 2), на долю осмысления «ограниченного настоящего» в терминах войны приходится 26,6%, на долю образа «продолженного настоящего» – 20,7% (см. табл. 2 в пункте 1.3.1). Всего зафиксирована 351 метафора рассматриваемой источниковой сферы.

Чаще всего в метафорическом переосмыслении настоящего используются следующие концепты, выступающие в функции источниковых фреймов:

- «Война и ее разновидности» (28,8%): *брутальная и безнадежная подковерная борьба, война на истребление или бег белки внутри колеса, зверская лоббистская войны интересов, кровопролитие, рейтинговые войны, дуэль,*

безжалостная внутривидовая схватка, грязная война, несправедливая война, национально-освободительная борьба, борьба с главным врагом, позиционное противоборство, открытый конфликт, карающая справедливость, непривлекательную голую мстительность одевают в красивый костюм «борьбы за демократию», политика кнута без пряника, «борьба политических видов», легальное завоевание парламентского большинства, «ползучий заговор силовиков», внутренние склоки, война на два фронта, технотронная революция, открытый информационный террор, явная информационно-психологическая война и др. Прагматический смысл данного фрейма можно сформулировать следующим образом: российская действительность – это хорошо организованная, подготовленная и спланированная война, которая ведется на всех уровнях и где выживает только сильнейший.

- «Военные действия и вооружение» (23,9%): *секиры, маневр, наносить удары по ключевым общественным институтам, вербовка, вывести на боевые позиции чужую артиллерию, перейти в глухую оборону, разведки боем, подавить ответным огнем, прорыв, беспощадная атака, отправить на abordаж, штурм парламентских высот, захват избиркомов, приковывать цепями к стене, защищать свободу, быть на одной стороне баррикады, ринутся в бой за голосами избирателей, разбросать мины по информационному полю, блокада, взять в качестве заложников, рыть глубокий окопчик, совершать стремительные контрудары по противнику, убить одним выстрелом, бить на опережение, блицкриг, громить открытых и потенциальных противников поодиночке, наносить мощный рекламный залп, пропагандистская артподготовка, секиры, острый наконечник, тратить порох зря, минное поле, застенок, телевизионные пушки, хлыст, меткие удары, штыки и др.* Денотативная сфера применения метафор, относящихся к данному фрейму, целиком охватывает деятельность политической элиты современности. Активизация представленных метафорических наименований происходит в конфликтных ситуациях, которыми насыщена современная российская действительность.

- «Организация военной службы» (19,9%): *блестящие захватчики, телекиллеры, телепушкарки, палачи, главные участники «битвы», кремлевские гвардейцы, бунтари, бойцы «невидимого фронта», партизаны, радикальные пов-*

станции, рядовые «Родины», два противоборствующих лагеря, орды нахлынувших на Русь захватчиков, смотр сил перед основным парадом, старая кремлевская гвардия, генштаб «Единой России», тактический союз, стратегический союз, штаб, шпионские организации, у правых главный в ставке, армия освободительных сил, взвод, полки и др. Метафоры данного фрейма характеризуют участников «военных баталий» современности: лидеров партий, их сторонников, противников, иных субъектов политической деятельности, а также прессу и население страны, подводя адресата к мысли о том, что жизнь в стране идет по законам военного времени.

Наиболее частотное использование военной метафоры при создании образа «мрачного настоящего»:

Количество антиКПРФовской лжи переходит все разумные границы... Идет пропагандистская артподготовка сродни той, что устроил Ельцин в 1993 году перед расстрелом Верховного Совета. Снарядов не жалеют... Телепушкарки энергично... «осваивают средства». Минута политрекламы в вечернее время стоит порядка 40 тысяч долларов. Чем больше снарядов расстреляют, тем больше можно будет списать на «особо тяжелые условия боя»... И беда для правящей верхушки не только в том, что бойцы разбегаются. Беда еще и в том, что их войско деморализовано. У «демократов-единороссов» полная идейная пустота (А. Сафарин // СР, 20 нояб. 2003).

Каждое из представленных наименований содержит отрицательные смысловые компоненты, эксплицирующие пейоративные ассоциации, которые являются доминантными при оценке образа «ограниченного настоящего». Причем военные метафоры активно используются не только для представления избирательной кампании, но и для характеристики состояния современного общества в целом:

Начиная с октября 93-го и даже раньше народ России, словно пасынок, брошен и ненавидим властью. Потеряв свой строй, своих законных избранников, свое право выбора, народ превратился в помеху для власти, в досадное препятствие для претворения в жизнь ее дьявольских планов. Народ беззащитен перед властью, которая, измываясь и глумясь, все десять лет делает с ним все, что пожелает. Теряя, словно на мировой войне, по миллиону в год одними убитыми, народ истребляется властью — его то бьют наотмашь дубиной на улице, то изводят хитроумным ядом с телеэкранов, то губят в Чечне, то топят в наводнениях, то травят газами, то морят холодом и голодом (Д. Тукманов // Завтра, 1 окт. 2003).

Метафора войны дает возможность смоделировать ситуацию агрессивного взаимодействия политиков, что приводит к негативным последствиям для страны. Однако милитарную метафору можно рассматривать как на полюсе «темное», так и на противоположном – «светлое» [Миронова 2003: 98]. Это становится возможным благодаря обращению к слотам с различной смысловой наполненностью, в частности к слотам «Начало и завершение военных действий» и «Лечение и выздоровление», представленным немногочисленными положительно окрашенными метафорами:

*Поваленный наземь народ, оглушенный ломом, сквозь боль и хлюпанье крови прислушивается, как начинают звучать древним знакомым гулом оживающие пространства, как многоязыко начинает выть ветер в церквях, минаретах и пагодах. Словно поверженный витязь в расплющенных доспехах, начинающий медленно подыматься при гуде боевого горна, — так подымается русский народ, вслушиваясь в едва различимые гулы родной империи (А. Проханов // *Завтра*, 8 окт. 2003).*

Показательно, что образ настоящего, создаваемый метафорами войны, можно назвать «светлым» лишь условно, поскольку автор не ориентирует адресата на мирное сосуществование, на преодоление политической конфронтации. Наоборот, в его обращении к избирателю содержится завуалированный призыв – залечив раны, вновь выйти на поле брани.

Таким образом, в контексте моделирования «темного настоящего» преобладают концепты безысходности, враждебности, войны. Использование перечисленных концептов в рамках метафорической модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в отечественном политическом дискурсе направлено на сгущение красок при оценке современной действительности.

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это ВОЙНА в российском политическом дискурсе. При моделировании вероятного будущего России милитарная метафора занимает второе по частотности место – 15,7% (см. табл. 3 в приложении 2), оказываясь востребованной как при создании образа «ближайшего будущего» (15,1%), так и «отдаленного будущего» (17,9%) (см. табл. 3 в пункте 1.3.1).

Частотными случаями реализации милитарной метафоры являются группы коннотативно нагруженных словоупотреблений со следующими сферами-источниками метафорической экспансии:

- «Начало войны и ее итоги» (35,7%): *страшное поражение, объявить о «сокрушительной победе», пиррова победа, удастся усидеть на штыках, грядущий день гнева, взрыв, который сметет с лица земли, начнется чудовищная война, закончиться кровопролитием, шансы на победу, испытания предапокалипсического характера.* Как правило, при моделировании образа будущего наиболее характерны метафоры слота «Завершение военных действий». Политики и журналисты пытаются донести мысль, что то, каким будет исход этой непрекращающейся войны, зависит только от выбора электората, перекладывая на него ответственность за будущее страны. Возможны лишь два варианта: приход к власти «правильных» кандидатов (победа) или их оппонентов (пиррова победа, катастрофа, чудовищная война).

- «Война и ее разновидности» (28,6%): *заговоры всех мастей, тугой узел непримиримой схватки, общественно-политическая борьба, мелкие распри, стратегия национально-освободительной борьбы, внутренние склоки, бархатный переворот, схватка капитализма с феодализмом.* Метафорика, репрезентирующая будущее как различные виды войн, ведущихся на разных уровнях общественно-политической жизни, манифестирует враждебность, противоестественность положения дел в будущем.

- «Ранение, выздоровление, смерть» (21,4%): *спасти Россию от окончательной гибели, прекратить хоронить никому не сдававшийся народ, выживание народа, превратиться в кровавое месиво, попадет в голову самый крупный осколок взорвавшегося котла, исполосованный народ.* В метафорах, составляющих представленный фрейм, ярко проявляются, с одной стороны, негативные смыслы, связанные с кровопролитием, болью, страданием, которые ожидают страну в будущем, с другой стороны, слот «Лечение и выздоровление» оставляет избирателю надежду, что будущее может быть иным.

Метафоры рассмотренных фреймов выявляют контрарные смыслы в агитационно-политическом дискурсе, участвуя в создании образов «ужасного будущего» и «светлого будущего». В образах «ужасного будущего» часто реализуется такая интенция, как запугивание негативными последствиями [Руженцева 2004: 133]:

*Нас ждет другое восстание. Другая революция. Другой бунт, «бессмысленный и беспощадный». Восстание разорванных канализационных труб. Революция сгнивших теплосетей. Бунт рухнувших мостов и строений. Власть превратила Россию в безгласный невольничий рынок, обокрала учителей и врачей, выпаривает до дна бюджет. Не имеет средств поддерживать гигантскую, созданную коммунистами инфраструктуру, где сегодня рассыпаются дотла дороги, электропередачи, морские и воздушные пути, антенны и релейные станции. И если забитые люди смиренно молчат, то машины готовят восстание (А. Проханов // *Завтра*, 25 нояб. 2003).*

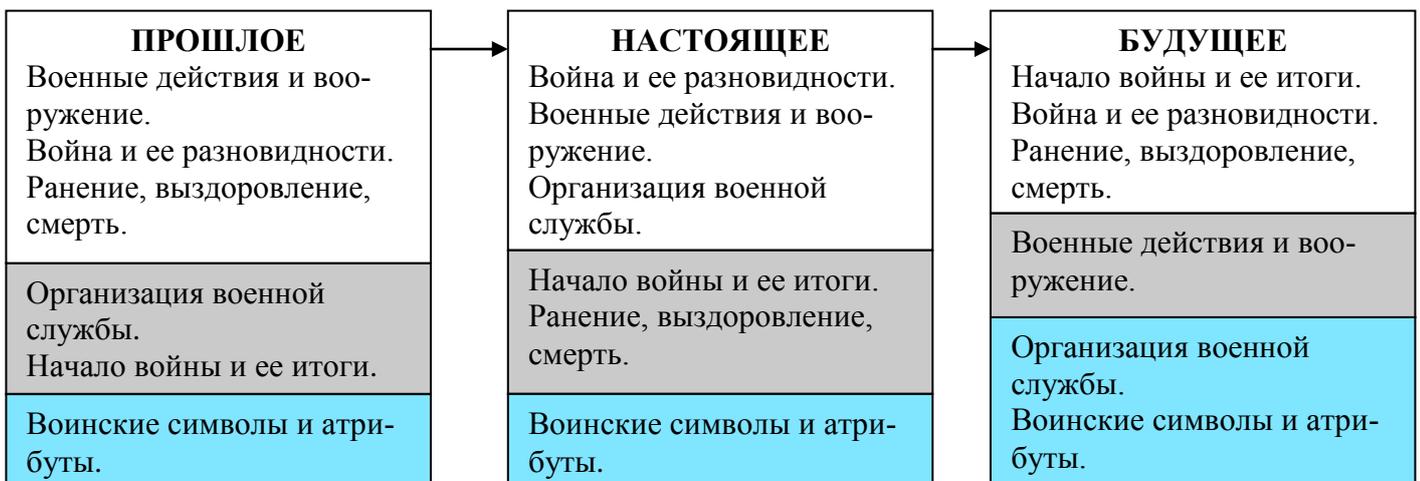
Закономерно, что особое значение для создания образа «светлого будущего» приобретают не сами военные действия, а их благополучное разрешение, победа, выздоровление страны после участия в военных баталиях:

*Только одно еще может спасти Россию от окончательной гибели — приход к власти патриотических сил, возглавляемых Коммунистической партией Российской Федерации (КПРФ). Предстоящие думские и президентские выборы дают российскому народу исторический (и последний!) шанс (С. Лыков // *СР*, 20 нояб. 2003).* Политики пытаются убедить адресата в скором благополучном финале военных действий, но только в том случае, если у власти окажутся именно они.

Соотношение представленности фреймов модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА при создании образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе выборов депутатов Государственной Думы (2003) иллюстрирует схема 1.

Схема 1

Милитарная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов в России (2003)

- – наиболее частотные фреймы
- – фреймы, находящиеся на периферии
- – фреймы не представленные / представленные единичными метафорами

В целом, метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА является самой продуктивной и наиболее распространенной при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе «Выборы в Государственную Думу – 2003». Модель представляет собой детально структурированное образование, включая все фреймы при концептуализации прошлого, настоящего и будущего.

Наиболее актуальным является фрейм «Война и ее разновидности». Это говорит о том, что политики не ставят своей целью совместное решение проблем прошлого, настоящего и будущего «мирными» методами, а ориентированы на участие в политической войне, нацеленной на «уничтожение» себе подобных, что наносит непоправимый ущерб стране в целом.

Метафоры фрейма «Военные действия и вооружение» активно используются при моделировании ситуаций прошлого и настоящего и уходят на второй план при прогнозировании будущего. Репрезентация деятельности правительства при помощи метафор данного фрейма позволяет выявить следующие прагматические смыслы: разногласия, столкновения, конфликты в прошлом и настоящем превалируют над конструктивными формами взаимодействия.

Метафорические номинации, представляющие фрейм «Организация военной службы», оказались особенно востребованными при описании настоящей действительности. Детальная структурированность воинской иерархии, названия специализации воинов и воинских подразделений наиболее типичны для «ограниченного настоящего» – представления избирательной гонки.

Фрейм «Начало войны и ее итоги» выдвигается на первый план при создании образа будущего. Это объяснимо тем, что каждый политик, стремясь склонить избирателя на свою сторону, предлагает ему, как правило, два варианта развития событий в будущем. Первый из них (вариант «утопия») предполагает прекращение «военных действий» при условии прихода к власти той партии, которую представляет именно данный политик. Вторым вариантом («антиутопия») обосновывает продолжение «войны» в том случае, если у руля ока-

жуются оппоненты. При моделировании прошлого и настоящего метафоры данного фрейма находятся на периферии. Показательно, что слот «Начало военных действий» при концептуализации прошлого не представлен ни единой метафорой: когда началась война, длящаяся до сих пор, и кто ее развязал – не имеет первостепенной важности, политики и СМИ современности больше заинтересованы в ее итогах и последствиях.

Метафорические словоупотребления фрейма «Ранение, выздоровление, смерть» являются распространенными при моделировании образов прошлого и будущего России. Следует отметить активизацию метафор слота «Ранение и смерть» при метафорическом представлении прошлого, тогда как будущее чаще ассоциируется с «Лечением и выздоровлением». При моделировании настоящего метафоры данного фрейма находятся на периферии.

Номинации со сферой-источником «Воинские символы и атрибуты» не характерны для создания образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003).

Таким образом, в российском политическом дискурсе милитарная метафорика оживляет негативные ассоциативные признаки, связанные с концептом «война»: прошлое, настоящее и будущее страны предстают в глазах избирателя в темном свете. Однако модель включает в себя ряд позитивно окрашенных наименований, работающих на создание образов «светлого настоящего» и «светлого будущего».

Представленные материалы свидетельствуют о том, что «война» как источник политических метафор занимает огромное место в языке российских политиков и СМИ, что актуализирует метафорическую модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА. Частотность использования метафор данной модели во многом зависит от тех событий и явлений, которые определяют социальную реальность страны в тот или иной исторический промежуток времени.

2.1.2. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в британском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это ВОЙНА в британском политическом дискурсе. Концептуальная метафора ЖИЗНЬ – это ВОЙНА

входит в число самых продуктивных моделей британского политического курса «Выборы в Парламент – 2001», занимая первое место в числе моделей, использующихся для метафорического переосмысления образа прошлого Великобритании – 38,6% (см. табл. 4 в приложении 2). Милитарная метафора является самой частотной моделью при моделировании всех периодов прошлого: «отдаленного прошлого» – 44,4%, и «недавнего прошлого», которое включает в себя «тэтчеристское десятилетие» – 38,1% и «правление Дж. Мэйджера» – 37,6% (см. табл. 4 в пункте 1.3.2). При концептуализации прошлого зафиксировано 98 метафорических словоупотреблений, принадлежащих данной модели.

Метафорический контекст, репрезентирующий прошлое, включает все составляющие фрейма-источника «война», наиболее частотными и структурированными фреймами рассматриваемой модели являются следующие:

- «The Beginning of War and its Outcome» – «Начало войны и ее итоги» (31,6%): *major government victories, to win, ultimate victory, resounding victory, till final victory, to win the day, to score a victory, big government defeats, to lose, defeatism, to sustain a defeat, to lay down weapons, to pick up weapons, all-conquering triumvirate, wailing and cursing, economic woes, great misery, second successive election defeat, to emerge triumphant, to lead the party to victory, to result in defeat* и др. Апеллируя к образу прошлого, политики и журналисты Британии, в первую очередь, заинтересованы в результатах и последствиях общественно-политических баталий минувших лет. Прошлое Великобритании предстает перед избирателем как череда побед и поражений, взлетов и падений партий, их лидеров и самой страны.

- «Military Actions and Armaments» – «Военные действия и вооружение» (24,5%): *to parachute, with a mission to destroy all traces of the previous regime, never to surrender, to attack, to make a surprise attack on the enemy, to repulse an attack, defensive action, to defend, to scurry to his or her defence, to overwhelm defences, to fire a shot, to spill blood, to kill the Tories, to be fraught with risk, to be at war, demolition work* и др. В метафорических словоупотреблениях, представляющих данный фрейм, развивается негативная оценочность, связанная с коннотацией силового воздействия, что вызывает в адресате недовольство положением дел в прошлом.

• «Military Service and Hierarchy» (17,3%) – «Организация военной службы»: *to give a command, to place under the command, wrecker, strategist, permanent revolutionists, higher commander, commanding officer, vanguard of supporters, demolition squad, batallion, corps, regiment* и др. Использование метафор данного фрейма в качестве ключа к пониманию общественно-политической жизни прошлого свидетельствует о том, что политические деятели представляли собой организованных, хорошо подготовленных, дисциплинированных воинов, которые умели отдавать и выполнять приказы и которым по силам находится в авангарде решения глобальных проблем своего времени.

Большая часть метафорических высказываний, используемых в предвыборном дискурсе Великобритании для характеристики прошлого формирует прагматические смыслы, внедряющие в сознание негативное представление о государственных лицах и политической ситуации минувших лет:

Cast your mind back to the days when Charlie Chaplin was knighted and when Margaret Thatcher became the first woman to lead a British political party. It is 1975. Britain voted to stay in the Common Market and unemployment at the end of the year was still below 1m. But there was much wailing and cursing at Britain's economic woes the year after when, amid great misery, the 1m level was breached (The Daily Telegraph, March 11th 2001).

Показательно, что в британском дискурсе образ «величественного прошлого» неизменно связан с реалиями истории нации, в данном случае активно используются рыцарские метафоры:

On that morning of May 4 1979, he [Bob McKenzie] turned to David Dimbleby. Something special had happened, he suggested; special, no matter who you voted for. Because of the wishes of the people, the government was about to change. One regime was laying down its weapons for another to pick up – all without a shot being fired or a drop of blood being spilled. This is democracy, he said, and there is beauty in it (J. Freedland // The Guardian, June 7th 2001).

Идеалы рыцарства повлияли на представления британцев о порядочности: долг прийти на помощь слабому, великодушие к побежденному, борьба одинаковым оружием [Красильникова 2005: 66] – то, что отличало истинного правителя во все времена.

Таким образом, в процессе метафоризации прошлого Великобритании актуализируются концепты, в которых содержатся в зависимости от интенций ад-

ресанта отрицательные и положительные коннотации, продуцируя образы как «страшного прошлого», так и «величественного прошлого».

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это ВОЙНА в британском политическом дискурсе. Анализ метафорического моделирования настоящего в ходе избирательной кампании в Великобритании (2001) подтверждает актуальность военной источниковой сферы. Осмысление политических реалий посредством коннотативно нагруженной военной метафоры составляет 26,6% (см. табл. 5 в приложении 2). Особенно частотны военные образы при концептуализации «ограниченного настоящего» – 36,6% (см. табл. 5 в пункте 1.3.2). Всего зафиксировано 364 единицы рассматриваемой источниковой сферы.

Настоящее репрезентировано метафорами, представляющими все фреймы модели, наиболее распространены метафорические словоупотребления следующих фреймов:

- «Military Actions and Armaments» – «Военные действия и вооружение» (34,3%): *pre-election skirmishing, an unprecedented assault, to deliver another blow, to fight off Labour fire, a political bombshell, put one's troops on alert, to neutralise Labour's main line of attack, to throw one's haymaker, to tiptoe into the minefield, to return to the battlefield, to shatter a truce, to protect national independence, in the line of fire, to maul, on the march, to fight the next war with the weapons of the last one, to unsheathe one's ultimate deterrent, to smash, the Tory's heavy weapon, a formidable armoury, to take up arms, subversive activities, to set off an explosion* и др. Широкий метафорический контекст позволяет говорить об эффективности использования всех видов вооружения, направленных на уничтожение политических оппонентов и достижение основной цели – завоевание власти. Подобные метафорические выражения формируют образ опасной, угрожающей политической действительности, навязывают негативные прагматические смыслы о невозможности плодотворного и мирного сотрудничества в области политики.

- «Military Service and Hierarchy» – «Организация военной службы» (23,9%): *commander-in-chief, general, Brown's round table generals, Labour «council of war», flag-officer, retired colonel, Labour tacticians, Tory rebel backbenchers, troops, the third force in British politics, a warrior, battalions of town criers, soldier,*

simple soldier, private soldier, Blair bunker, to be marching with the big battalions, team, front и др. Метафорические номинации, представляющие данный фрейм, вызывают отношение к действительности как к противостоянию не отдельных политиков, а хорошо организованных армий с определенной иерархией, различными военными структурами и четкой субординацией. Восприятие настоящего в терминах боя, войны, битвы сужает горизонт при взгляде на мир и не способствует улучшению отношений и углублению взаимопонимания.

- «War and Kinds of War» – «Война и ее разновидности» (20,3%): *pre-election star wars, contest, the Conservative anti-euro onslaught, the verbal war, the so-called ground war, constituency battles, air war, battle for one's «political skin», bloody infighting, next war, phoney war, forthcoming contest, Mr Hague's week-long euro war, a hard-fought Election campaign, a fray, crusade for one's liberty* и др. Метафорическое представление политической ситуации в стране как объявление и ведение различного вида войн моделирует образ опасной действительности, что свидетельствует о дальнейшем развитии тенденции к негативной метафоризации настоящего в британском политическом дискурсе.

Политическая элита и журналисты Великобритании пытаются навязать избирателю видение мира через призму метафоры войны (современность определяется метафорой войны и жестокой драки):

Tony Blair's announcement on Tuesday that the election will take place on June 7 was the signal for the armies of party footsoldiers to march forth and campaign. That means no more pretending to be out when the local organiser calls, no more avoiding eye contact or making up fictitious arrangements to meet long-lost friends... The footslogging is about to begin (FT, May 12th 2001).

Таким образом, осмысление реальности с помощью милитарных метафор и представление результатов этого осмысления в политическом предвыборном дискурсе постепенно, метафора к метафоре, создает негативный образ британской действительности в целом.

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это ВОЙНА в британском политическом дискурсе. Образы войны являются самыми частотными при концептуализации будущего Великобритании – 27,3% (см. табл. 6 в приложении 2), наиболее ярко модель представлена при моделировании «ближайшего

будущего» – 45,8% (см. табл. 6 в пункте 1.3.2). Всего зафиксировано 124 метафоры «войны» при обращении к образу будущего.

Театр военных действий будущего представлен разнообразной военной метафорикой, однако наиболее частотными являются наименования, анализируемые в рамках следующих фреймов:

- «Wounds, Recovery and Death» – «Ранение, выздоровление, смерть» (37,9%): *wounded ideas, injured, Tory revival, to be convalescent, to raise the Conservatives from the dead, to survive, survival, safe and sound, to bring the party back from the dead, to get survival ultimatum, to dig smb. out of the grave, not to survive, to die a hero's death, to bury, to stamp down the burial mound* и др. Из приведенных примеров следует, что, не забывая о ключевом мотивационном факторе в процессе манипуляции мышлением адресата, а именно о фиксации метафорических образов на идее спасения, политики не лишают читателя возможности посмотреть на удручающую ситуацию в мире будущего.

- «War and Kinds of War» – «Война и ее разновидности» (24,2%): *conflict, armed conflict, contest, parallel series of contests, war, civil war, leadership tussle, Conservative bloodshed, public revolt, quiet revolt, noisy revolt, internal Labour rebellion, fightback of heroic proportions, a leadership challenge, puerile fisticuffs, humane slaughter of the present leader, ferocious battle, an uphill struggle* и др. Противостояние политических сил будущего, отображенное посредством коннотативно нагруженной военной метафорикой, формирует в сознании избирателя ощущение неправомерности и агрессии, от которых будет страдать население Великобритании.

- «Military Actions and Armaments» – «Военные действия и вооружение» (18,5%): *to plot, to sharpen knives, to tie one's potential rivals, to nuke, political risk, to kill, to resist, to fight the most severe attacks, to struggle, to stab, to smother, to return to the offensive, election warpath, fire, stick with which to beat the Government, political camouflage* и др. Основная масса метафорических наименований этого фрейма, имея высокий потенциал воздействия, связана с идеей противоборства, конфликта. Частотность подобных метафор формирует неприглядные образы «ближайшего будущего» и «отдаленного будущего». Данные

метафорические номинации подчеркивают существование и развитие общества в отношениях соперничества.

Метафорическое переосмысление будущего в терминах войны ведет к порождению богатых ассоциативных смыслов, создавая довольно убедительную в эмоциональном отношении картину «ужасного будущего»:

William Hague is meanwhile struggling to excise May 3rd from the political calendar. He has a powerful incentive. On present polls, the Tories are at about 30%. and Labour at about 50.%. Though this would not produce another mass cull of Tory MPs, it would produce another big defeat, and another big defeat could well tempt those Tories who survived it to propose the humane slaughter of their present leader (The Economist, March 24th 2001).

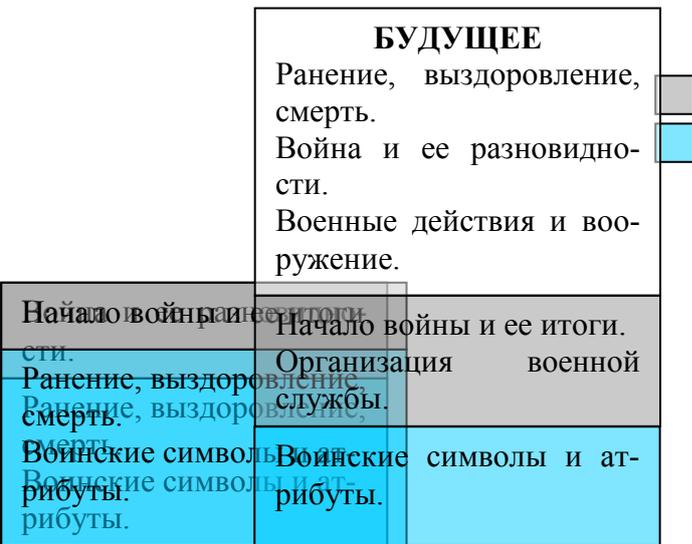
Таким образом, политический дискурс периода выборов, используя образы войны, метафорически представляет будущее страны как очень напряженное и агрессивное.

Как показывает анализ военных метафор в политическом дискурсе Великобритании, в процессе метафоризации происходит взаимодействие источниковых фреймов при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего. Представленность фреймов модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА в политическом дискурсе Великобритании «Всеобщие выборы в Парламент – 2001» иллюстрирует схема 2.

Схема 2

Милитарная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов Великобритании (2001)

– наиболее частотные фреймы

– фреймы, находящиеся на периферии

– фреймы не представленные / представленные единичными метафорами

ничными метафорами

Когнитивный анализ милитарных метафор, функционирующих в агитационно-политическом дискурсе Великобритании, показывает, что метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА является актуализированной сферой для осмысления прошлого, настоящего и будущего. В британских публицистических текстах описанная модель представляет собой целостное, детально структурированное образование.

Как показывает материал, наиболее распространенный способ концептуализации прошлого, настоящего и будущего – системный характер метафорических переносов, охватывающих в первичных значениях наименования всевозможных военных действий и вооружения на сферу-мишень «общественно-политическая жизнь». Использование метафор данного фрейма подчеркивает конфронтационные, антагонистические смыслы, которыми пронизаны прошлое, настоящее и будущее страны.

Для представления и оценки настоящего и будущего широко используется метафорика фрейма «Война и ее разновидности», наименования которого содержат отрицательные смысловые компоненты, эксплицирующие пейоративные ассоциации, доминантные при оценке данных образов: настоящее и будущее осмысливаются как непрекращающиеся войны, которые затрагивают все сферы жизни и каждого гражданина Великобритании в отдельности. При описании прошлого представляющие данный фрейм наименования находятся на периферии.

Следует отметить, что для метафорической характеристики прошлого и настоящего широко употребляются номинативные сочетания из сферы-источника «Организация военной службы». Это говорит о том, что каждый из политических «воинов» Великобритании, являясь узким специалистом в своей области, занимает в «армии» определенную нишу, четко и дисциплинированно выполняя свои обязанности. Какие специализации воинов и воинских подразделений окажутся востребованы в будущем, представляет меньший интерес для политиков современности.

Метафоры фрейма «Начало войны и ее итоги» особенно распространены при описании событий прошлого: наиболее частотны наименования слота «Завершение военных действий» – политические деятели и СМИ настоящего с легкостью оценивают деятельность своих предшественников, слот «Начало военных действий» представлен единичными метафорами. При концептуализации настоящего и будущего метафоры данного фрейма менее востребованы: «война» в самом разгаре, еще рано подводить итоги, и только «отдаленное будущее» покажет, каким будет ее финал.

Особую активность проявляют метафорические сочетания фрейма «Ранение, выздоровление, смерть» при создании образа будущего. В подобных метафорах наиболее ярко проявляются негативные смыслы, связанные с кровопролитием, болью, страданием. При метафоризации прошлого и настоящего фрейм представлен единичными наименованиями, политики и журналисты не уделяют должного внимания состоянию своих соперников, населения, страны во время ведения «военных действий».

Наименее востребованы метафорические словоупотребления фрейма «Воинские символы и атрибуты» при представлении образов прошлого, настоящего и будущего.

Таким образом, в политическом дискурсе Великобритании милитарные словоупотребления носят эмоционально-оценочный характер. Большинство концептов, эксплицируя смыслы «враждебности», «безжалостности», «жестокости», создают яркие негативные образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего». Немногочисленные рыцарские метафоры,

подчеркивающие идею благородства и порядочности, создают образ «величественного прошлого».

Корреляцию фреймов модели и образов прошлого, настоящего и будущего, создаваемых «военными» метафорами в политическом дискурсе парламентских выборов России и Великобритании, иллюстрирует табл. 7.

Таблица 7

Соотношение наиболее частотных фреймов военной метафорической модели и образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе России и Великобритании

	Россия		Великобритания	
Прошлое	Военные действия и вооружение. Война и ее разновидности. Ранение, выздоровление, смерть.	«страшное»	Начало войны и ее итоги. Военные действия и вооружение. Организация военной службы.	«страшное» «величественное»
Настоящее	Война и ее разновидности. Военные действия и вооружение. Организация военной службы.	«мрачное» «светлое»	Военные действия и вооружение. Организация военной службы. Война и ее разновидности.	«мрачное»
Будущее	Начало войны и ее итоги. Война и ее разновидности. Ранение, выздоровление, смерть.	«ужасное» «светлое»	Ранение, выздоровление, смерть. Война и ее разновидности. Военные действия и вооружение.	«ужасное»

При сопоставительном анализе представленной метафорической модели в русском и английском языках следует обратить внимание на сходство фреймово-слотовой структуры, ее частотность и продуктивность в обоих языках. Все это позволяет сделать вывод о том, что военная источниковая сфера характерна для концептуализации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в двух странах.

Российский и британский политический дискурс объединяет активное использование метафорических номинаций со сферой-источником «Военные действия и вооружение» при концептуализации прошлого. Отличия в репрезентации общественно-политических реалий прошлого прослеживаются на уровне двух других наиболее частотных фреймов. Так, для представителей российской лингвокультуры более характерно представление прошлого посредством мета-

фор со сферами-источниками «Война и ее разновидности», «Ранение, выздоровление, смерть». В британских текстах предвыборной агитации активны наименования фреймов «Начало войны и ее итоги», «Организация военной службы». Таким образом, в «страшном прошлом» России шли войны, затрагивающие все сферы общественно-политической жизни страны, велись военные действия с использованием различного вооружения, в результате которых страна была «смертельно ранена навывлет». «Страшное прошлое» Великобритании выглядит несколько иначе: четко структурированные, дисциплинированные армии подготавливают военные операции, ведут бои, то одерживая победу, то проигрывая в неравной схватке. Помимо этого, рыцарские метафоры в политическом дискурсе Великобритании обладают значительным позитивным прагматическим потенциалом, моделируя образ «величественного прошлого» страны.

Показательно, что для осмысления и оценки общественно-политических реалий настоящего в дискурсе России и Великобритании наиболее частотными являются номинации, представляющие одни и те же фреймы: «Война и ее разновидности», «Военные действия и вооружение», «Организация военной службы». Метафоры рассматриваемых фреймов ассоциативно связаны с борьбой в политических кругах, враждебным отношением кандидатов друг к другу в «ограниченном настоящем», нежеланием находить компромиссы при решении накопившихся проблем «продолженного настоящего». Большая часть метафорических выражений, представляющих данные фреймы, способна оказывать негативное эмотивное воздействие на адресата за счет эмоционально-экспрессивных коннотаций, характерных для военных образов, продуцируя образы «мрачного настоящего» России и Великобритании: в стране бушуют разного рода войны, в которых принимают участие не отдельные граждане, а хорошо организованные армии, обеспеченные необходимым оружием, чтобы наступать и обороняться. В российском политическом дискурсе немногочисленные метафоры с положительной коннотацией участвуют в создании образа «светлого настоящего», что не характерно для британского дискурса.

Российский и британский дискурс периода парламентских выборов сближает частотное обращение к понятийным сферам «Война и ее разновидности» и «Ранение, выздоровление, смерть» при концептуализации будущего.

Однако для российских текстов характерна повышенная насыщенность метафорическими номинациями фрейма «Начало войны и ее итоги», тогда как в предвыборной кампании Великобритании одним из самых употребительных и многочисленных является фрейм «Военные действия и вооружение». Российские политики пытаются предугадать возможный финал бесконечных войн, а политическая элита Великобритании заранее планирует и продумывает будущие «боевые» действия, выбирая наиболее эффективный вид оружия. Российское будущее предстает то «светлым», то «ужасным», в зависимости от того, на что ориентируют политики и СМИ потенциального избирателя: либо на победу и выздоровление страны после тяжелых боев, либо на проигрыш и смерть. Большинство метафор, используемых при моделировании будущего Великобритании, наполнено негативным прагматическим потенциалом, представляя будущее лишь в темных тонах.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на ряд расхождений, в дискурсе парламентских выборов военные метафоры являются конвенциональным средством осмысления реалий прошлого, настоящего и будущего России и Великобритании.

2.2. Метафорическая модель СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в темпоральном аспекте: российско-британские параллели

Концептуальная метафора СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ является одной из самых продуктивных в дискурсе парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001).

Специфика функционирования метафор болезни в политическом тексте уже являлась объектом внимания исследователей политической коммуникации (Вершинина 2002, Ермакова 2000b, Колотнина 2001, Миронова 2003, Муране 2002, Телешева 2004, Филиппович 2000, Феденева 1997, Чудинов 2001a, 2001b, 2003b, Goatly 1997, Nealy 2001 и др.). Большинство исследований морбиальной метафоры зарубежных авторов затрагивают ее функционирование в области медицины (Nicholls 2004, Sontag 1978).

В политическом дискурсе фреймы концептуальной метафоры «болезни» достаточно разработаны и структурированы. В монографии А. П. Чудинова

[Чудинов 2003b: 67–77] дана когнитивная характеристика ведущих источников метафорического представления современной политической реальности в терминах болезни, исследователь выделяет следующие фреймы: «Пациенты и медицинский персонал», «Диагноз», «Причины и возбудители болезней», «Симптомы болезни», «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», «Состояние больного».

При детальном рассмотрении фреймовой структуры метафор «болезни» становится очевидным, что прошлое, настоящее и будущее страны, репрезентированные посредством морбиальных метафорических словоупотреблений, способны активизировать эмоциональное восприятие той или иной политической ситуации: негативное – моделируя образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего», и позитивное – представляя прошлое, настоящее и будущее в светлых тонах.

Концепт «болезни», выступающий в качестве источникового фрейма, присутствует в модели мира адресата, а активизация данного концепта способна скорректировать мнения и поступки адресата в требуемом направлении [Миронова 2003: 67]. С одной стороны, нагруженные ярко выраженным отрицательным эмотивным настроением [Вершинина 2002: 175], образы, соответствующие метафоре «больного организма», объединены концептуальными векторами агрессивности, тревожности, отклонения от естественного порядка вещей, что отражает безысходность, дурные предчувствия, представления о неправомерности и недопустимости существующего положения [Чудинов 2001b: 67], представленные метафоры эксплицируют негативные ассоциативные признаки, связанные с нездоровьем, неестественным и ненормальным функционированием социально-политических систем [Каслова 2003а: 166], несут концептуальный вектор принципиальной непримиримости с правительственной политикой в стране и навязывают адресату мысль о ее неполноценности и асоциальности [Красильникова 2005: 98]. Однако следует отметить, что часть составляющих данную модель метафорических номинаций нагружена позитивным прагматическим потенциалом. В случае, если адресант одобряет деятельность правительства в определенный исторический промежуток времени, при введении в метафорический контекст позитивно окрашенных сочетаний достигаются по-

ложительные коннотации, связанные с дееспособностью, нужностью, эффективностью [Каслова 2003а: 169].

Частотность использования метафор с исходной понятийной сферой «болезнь» акцентирует внимание на «лицемерии, порочности, вырождении современной политической системы» [Healy 2001], предрекая неизбежную гибель отдельной личности и общества в целом [Sontag 1978: 29].

Рассмотрим состав фреймов метафорической модели СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в темпоральном аспекте в политическом дискурсе России (2003) и Великобритании (2001).

2.2.1. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель СТРАНА В ПРОШЛОМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе. Метафорическая модель, актуализирующая смыслы, связанные со сферой-источником «болезнь», является достаточно продуктивной в политической ситуации «Парламентские выборы – 2003» при создании образа прошлого – 9,3% (см. табл. 1 в приложении 2). Количество метафорических словоупотреблений с источниковой сферой «болезнь», зафиксированных при концептуализации прошлого России – 30. Метафоры «болезни» используются при моделировании всех периодов прошлого, за исключением «досоветского периода», будучи особенно активными при метафорическом представлении «советского периода» – 18,5% и «горбачевской перестройки» – 17% (см. табл. 1 в пункте 1.3.1).

При концептуализации прошлого и его эмоциональной оценке оказываются востребованы метафоры, принадлежащие шести фреймам модели, однако наиболее частотными являются следующие:

- «Диагноз» (30%): *страшные болезни эпохи, туберкулез, сифилис, серьезный порок, кадровый тромб, эпидемия, безумие саморазрушения, параноидальное государство, политическая близорукость, мор.* Метафорика данного фрейма имеет широкий потенциал воздействия, так как репрезентирует про-

шлое, как череду тяжелых, опасных для жизни, подчас неизлечимых болезней, настраивая адресата на негативное восприятие прошлого своей страны.

- «Симптомы болезни» (26,7%): *кровоточащие шрамы, кровоточащая рана, костлявые ноги, седая, с провалившимися глазами голова, страна чихала и кашляла либерализмом, головная боль, болезненные ощущения.* Метафорические словоупотребления данного фрейма актуализируют прагматические смыслы опасности для жизни страны, непредсказуемости течения «болезни», указывая на то, что многие негативные явления прошлого имеют свои истоки – причины, которые необходимо выяснить, чтобы предотвратить распространение «болезни» в настоящем, превращения ее в эпидемию.

- «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (23,3%): *шоковая терапия, болезненные перемены, грипп лечат воспалением легких, скарлатину – менингитом, оспу – чумой, вакцина, пользоваться иммунитетом.* Метафоры, представляющие фрейм, содержат исключительно отрицательную эмотивную окраску. Образы врачей прошлого, применяющих методы и лекарства, эффективность которых равняется нулю, призваны усилить негативное отношение к описываемому явлению.

Выбор метафор, принадлежащих данным фреймам, работает на создание пессимистической картины «страшного прошлого» страны. Примечательно, что «советское прошлое» чаще всего метафорически моделируется как латентный период заболевания, тогда как обострение болезни, как правило, приходится на время «горбачевской перестройки» и «ельцинской демократизации»:

*Советская идеология напоминала глыбу прозрачного голубоватого льда, в которую были вморожены вирусы либерализма. Сонно прозябали в глубине голубого кристалла, озаряемые полярным сиянием партийных съездов. Когда начались оттепель и слякоть «перестройки», лед растаял. В теплой луже вирусы проснулись и моментально размножились, переросли в эпидемию, и целый десяток лет страна чихала и кашляла либерализмом... Вирус либерализма сожрал страну. Превратил ее в почернелого дистрофика (А. Проханов // *Завтра*, 28 окт. 2003).*

Использование метафор данной модели направлено на сгущение красок при оценке прошлого, что наталкивает на понимание описываемой общественно-политической ситуации как однозначно отрицательной, создает необходимый контекст для того, чтобы у адресата сформировалось представление о не-

правильности, недопустимости положения вещей в прошлом страны, что, безусловно, влияет на нынешнее положение дел.

Метафорическая субмодель СТРАНА В НАСТОЯЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе. При моделировании настоящего количество метафор болезни составляет 7,6% от общего числа (см. табл. 2 в приложении 2). Количество метафорических словоупотреблений, относящихся к рассматриваемой модели – 110. Наиболее частотны данные метафорические номинации при описании «продолженного настоящего» – 11,4% (см. табл. 2 в пункте 1.3.1).

При представлении настоящей действительности регулярно выделяются шесть фреймов модели, самыми востребованными являются следующие:

- «Диагноз» (34,5%): *предвыборная эпилепсия, сплошная головная боль, импотентная власть, «медвежья» болезнь, красно-коричневая чума, мор в законе, истерия, шизофреническая политика, истерика, параноидальное, антинациональное государство, безумие саморазрушения, психически нездоровые политики, душевные недуги, сумасшедшая страна, ненормальность, нездоровье политической системы, невроз, находиться в наркотическом состоянии, депрессия, апатия* и др. Метафорические словоупотребления указывают на существенные нарушения, отклонения от нормальной деятельности в рамках системы: политические, экономические, социальные отношения внутри общества заражены и поражены различными болезнями, оздоровление и возвращение к нормальному, естественному ходу вещей требует немедленного принятия эффективных мер.

- «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (22,7%): *патологоанатомическая операция, «отсечение отморожков», скальпель, отравленные таблетки, прикладывать примочки к обрубкам империи, прописывать лекарства, рецепт, не привести к улучшению, дать наркоз* и др. Данный фрейм представляют метафоры с явным негативно-оценочным потенциалом, наталкивающие на мысль о том, что предлагаемые лекарства и пути излечения не эффективны, и скорее приведут к ухудшению положения дел в стране, чем к облегчению страданий «больного».

- «Состояние пациента» (14,5%): *зомбируемая, смертельно больная нация, находится в стабильно тяжелом состоянии, находится в предынфарктном состоянии, патологически больной государственный организм, смердящий труп, разложение страны* и др. Политики, стараясь убедить аудиторию, что создавшаяся ситуация будет необратима без их вмешательства, осмысливают состояние общества как аномальное: страна, страдающая от несовершенства экономической и социальной политики, где большая часть политических сил нацелена на достижение выгодного более для себя, чем для граждан России, ассоциируется с больным, нуждающимся в помощи.

Метафоры с исходной понятийной сферой «болезнь» носят оценочный характер, эксплицируя негативное отношение к субъектам политики или явлениям из политической сферы, они характеризуют ситуацию выборов и политическую ситуацию «продолженного настоящего» в основном как неблагоприятную. Авторы политических текстов навязывают адресату единственно возможную – негативную – трактовку обсуждаемой проблемы, рисуя образ «мрачного настоящего»:

*К моменту, когда от России должны были остаться лишь «права человека», а самих человек нужно было разыскивать либо в могилах, либо в тюрьмах, либо в наркологических центрах, произошел редкий казус, тем не менее известный в медицинской практике. На всепообеждающий «вирус либерализма» напал другой вирус, которому эпидемиологи присвоили имя «Путин». Так грипп лечат воспалением легких. Скарлатину – менингитом. Оспу – чумой. Чума и менингит сильнее, и они победили. И хотя пациенту не стало лучше, но вакцина против «либерального вируса» была найдена, и Россия не скоро вновь заболеет «либеральным сифилисом» (А. Проханов // *Завтра*, 28 окт. 2003).*

В целом в политическом дискурсе парламентских выборов морбиальные метафоры приобретают ярко выраженную направленность – сформировать у адресата негативное отношение к описываемым явлениям современной политической действительности, подчеркнуть неумение и/или нежелание политической элиты справиться с создавшейся ситуацией.

Метафорическая субмодель СТРАНА В БУДУЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в российском политическом дискурсе. В российском политическом дискурсе, посвященном ситуации выборов депутатов Государственной Думы, образы с исходной понятийной сферой «болезнь» составляют 11,8% (см.

табл. 3 в приложении 2). Субмодель СТРАНА В БУДУЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ включает 21 метафорическое наименование. При обращении к образу «отдаленного будущего» число морбиальных метафорических словоупотреблений достигает 29,4% (см. табл. 3 в пункте 1.3.1).

Наиболее устойчиво и продуктивно в дискурсе СМИ при прогнозировании будущего функционируют метафорические словоупотребления со следующими сферами-источниками метафорической экспансии:

- «Состояние пациента» (42,9%): *превратиться в труп, кишащий клубками ненасытных червей, окончательная гибель народа, превратиться в безумного истеричного гиганта, которого вооружат и бросят в пекло войн, смерть страны, эпидемиолога сменит патологоанатом, страна начнет выздоравливать, спасти от окончательной гибели, выздоровление после длительного отравления, не скоро заболеть вновь.* Оценка, заложенная в образах фрейма, неоднозначна. Использование метафор, принадлежащих слотам «Больной находится в тяжелом состоянии» / «Смерть пациента» и «Выздоровление больного», работает на создание образов «ужасного будущего» и «светлого будущего» соответственно. Политические деятели используют данные языковые средства, чтобы убедить адресата в реальной возможности преобразований, исправления накопленных ошибок. Однако приближение благополучной жизни зависит только от прихода этих людей к власти.

- «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (33,3%): *лекарство от всех болезней, лечить, вылечить, вакцина, выписать рецепт, предотвратить распад, вовремя поставить диагноз и обнаружить опухоль.* Замеченные в социуме недостатки приводят к появлению в дискурсе единиц, позволяющих говорящему предстать в образе лекаря, способного вылечить страну, исправить социально-политическую ситуацию. «Находящаяся в запущенном состоянии» политическая система требует принятия не просто действенных, эффективных мер, а радикальных методов лечения, оздоровления, способных вывести пациента из тяжелого состояния.

Концепты исходной сферы позволяют продуцировать различные образы, как позитивные, так и негативные. Осмысляя ситуацию в стране как неприятную и даже опасную, СМИ предупреждают о возможности еще более серьезно-

го развития событий, настраивая потенциального избирателя на «ужасное будущее»:

*Что же дальше? Неужели вирус-победитель будет истреблен новым, еще более едким и активным? Вирус «Путин» — вирусом «Патрушев»? Или все-таки полуоглохшие, с помутненным сознанием люди услышат от власти простые, внятные слова: «Так жить нельзя. Главная ценность России — ее народ... У нас есть «Великий проект» воссоздания Родины, и мы обращаемся с этим проектом к народу». Тогда, быть может, в последний раз, тысячекратно обманутый народ станет вслушиваться в голос власти. Иначе эпидемиолога сменит патологоанатом (А. Проханов // *Завтра*, 11 нояб. 2003).*

У журналиста нет никаких сомнений относительно судьбы России. Рисуя образ «ужасного будущего», автор апеллирует к чувству страха, инстинкту самосохранения и здравомыслию читателя, одновременно внушая мысль о том, что, несмотря на неизлечимую болезнь современного государства, существует выход из создавшегося положения, одно сильнодействующее лекарство — КПРФ и ее «Великий проект».

«Светлое будущее» оказывается связанным с более позитивным, оптимистическим восприятием политической ситуации даже в рамках концептуальной метафоры «болезни»:

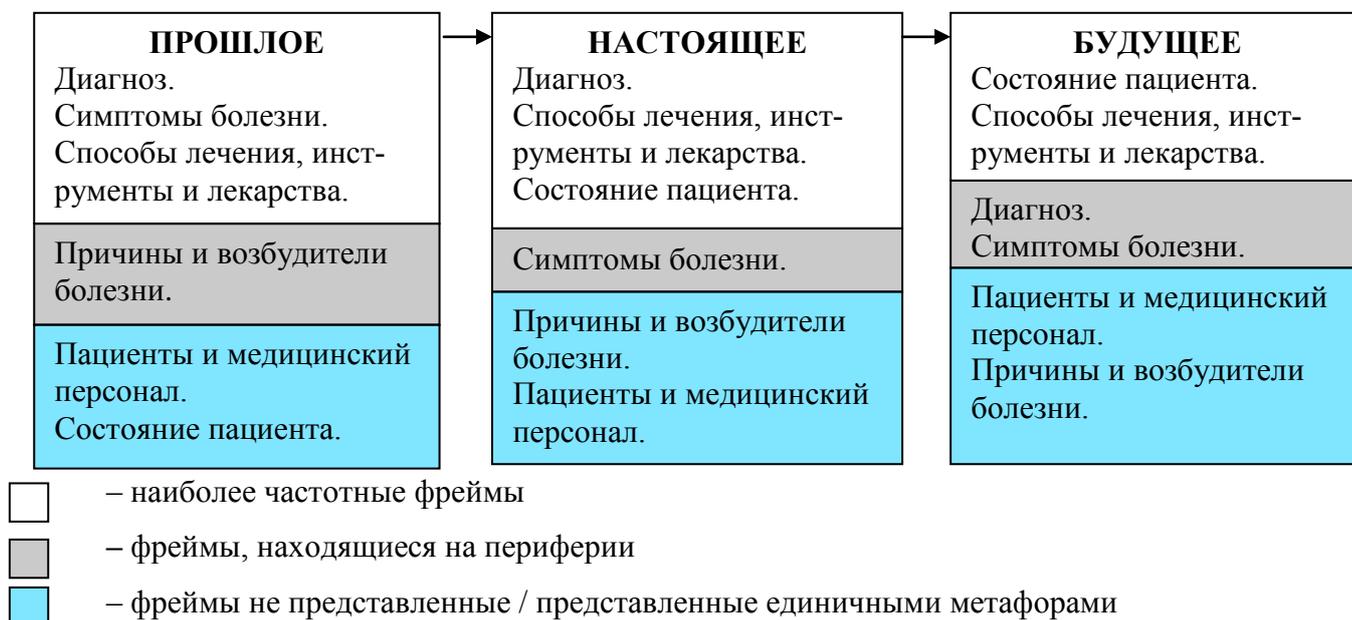
Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета — такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России (предвыборная программа ЛДПР).

*И следует ли изумляться, что к урнам в декабре придет главный российский избиратель Иван Иванович Против Всех, страстно, с гражданской ненавистью вымарывая названия партий? Его приход знаменует выздоровление народа после длительного отравления (А. Проханов // *Завтра*, 28 окт. 2003).*

Таким образом, содержательные аспекты концепта болезни используются в зависимости от идеологической позиции автора текста и от того, ставит ли он перед собой цель подчеркнуть в образе будущего положительные моменты или, наоборот, отрицательные.

Соотношение фреймов метафорической модели СТРАНА — это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ, используемых при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе российских парламентских выборов отражает схема 3.

Морбиальная метафора в темпоральном аспекте в политическом дискурсе России (2003)

Анализируя в работе конкретный языковой материал (агитационно-политические тексты за сентябрь – декабрь 2003), мы убедились в том, что метафора болезни является одной из наиболее активных моделей концептуализации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России. Модель представляет собой детально структурированное образование, включая все фреймы при создании образов прошлого, настоящего и будущего.

Метафорические номинации фрейма «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» активно употребляются для представления прошлого, настоящего и будущего. Дискурс СМИ использует позитивный потенциал данных метафор при моделировании образа будущего, тогда как резерв отрицательной экспрессивности проявляется в сочетаниях, описывающих положение дел прошлого и настоящего (реализация светло-темной гаммы в оценке ситуации): предлагаются новые кардинальные «методы лечения» вместо старых, изживших себя, не принесших должного результата.

Самым востребованным при воссоздании картины прошлого и описании современной действительности является фрейм «Диагноз». Показательно, что при моделировании образа прошлого фрейм большей частью представляют метафоры слота «Физические болезни», тогда как для настоящего более частотен

слот «Психические болезни»: если в прошлом России приписывались разнообразные физические недуги, то в настоящем она больна духовно. В процессе моделирования прошлого и настоящего культивируется отношение к стране и ее народу как к жертве губительной политики государства. Какие болезни поразят организм страны в будущем, не представляет первостепенного интереса для политиков и СМИ.

Довольно частотны обозначения состояния организма при моделировании образа настоящего России, причем на первый план выдвигаются слоты «Тяжелое состояние больного» и «Смерть пациента». В составе данного фрейма выделяется ряд метафорических словоупотреблений, несущих смысловую оппозицию метафорике описываемой модели, а именно слот «Выздоровление больного». При создании образов прошлого и настоящего указанные метафорические выражения либо находятся на периферии фрейма, либо вообще отсутствуют, что можно объяснить стремлением политика к сгущению красок при описании ситуации в стране, где «страшное прошлое» сменяется «мрачным настоящим» и потенциальным «ужасным будущим». «Болезненному состоянию» общества противопоставляется «возможное выздоровление», моделируется образ избавителя от страданий, который акцентирует внимание адресата на позитивных преобразованиях в стране, создавая модель другого – лучшего мира, «светлого будущего», по своим качественным характеристикам резко противопоставляемого реальному.

Обращает на себя внимание частотность использования метафор фрейма «Симптомы болезни» при моделировании образа прошлого. Будучи хорошо известными читателю, соответствующие реалии вызывают эмоциональное отторжение, делая образ «больной страны» в прошлом особенно действенным. При моделировании настоящего и будущего указанные номинации находятся на периферии.

Наименования фрейма «Причины и возбудители болезней» носят ситуативный характер при концептуализации прошлого и практически не употребляются при описании настоящей действительности и прогнозировании будущего: политикам современности гораздо проще диагностировать «болезнь», описать состояние «больного» и попытаться найти новые решительные методы

борьбы с ней (особенно актуальные в предвыборный период), чем установить и устранить причину заболевания.

Неактуальными при моделировании прошлого, настоящего и будущего становятся метафоры с источниковой сферой «Пациенты и медицинский персонал». Думается, это связано с тем, что пациентом в каждом конкретно взятом случае является сама страна, ее народ, а правительство состоит из разного рода лекарей, безрезультатно пытающихся вдохнуть в нее жизнь.

Представленный материал свидетельствует об актуализации и детальной структурированности сферы болезни в сознании российских граждан. Описанные метафорические словоупотребления являются эмотивно нагруженными, активизирующими негативные смыслы неестественного, ненормального хода вещей, нарушения деятельности и функционирования политической системы в «страшном прошлом», «мрачном настоящем» и «ужасном будущем». Положительная нагруженность метафорических словоупотреблений, образованных на базе сферы-источника «Выздоровление больного», работает на создание образа «светлого будущего» страны.

Рассматриваемая концептуальная метафора служит для усиления смысловой и экспрессивно-оценочной нагрузки в политическом дискурсе парламентских выборов России, являясь сигналом неблагополучия, необходимости кардинальных социальных, политических и экономических изменений в обществе.

2.2.2. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в британском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель СТРАНА В ПРОШЛОМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в британском политическом дискурсе. Сформировавшиеся в массовом сознании концепты сферы «болезни» легко ложатся в основу политической метафорики для концептуализации и эмотивной оценки прошлого Великобритании. При обращении к образу прошлого представленная модель насчитывает 21 метафорическое словоупотребление в британских текстах предвыборной агитации. Процентное содержание морбиальных метафорических

словоупотреблений составляет 8,3% (см. табл. 4 в приложении 2,) от общего числа проанализированных метафорических единиц. Наиболее частотны метафоры «болезни» при моделировании «отдаленного прошлого» – 11,1% (см. табл. 4 в пункте 1.3.2).

В целях создания образа прошлого отрабатывается несколько основных источниковых фреймов:

- «Diagnosis» – «Диагноз» (38,1%): *electoral doldrums, suicidal instinct of the Tories, paranoids, old crackpots, cranky people, crazy politics, «public sector masochism», whiff of masochism*. Прагматические смыслы, формируемые метафорическими номинациями данного фрейма, можно сформулировать следующим образом: в прошлом страной управляли физически и душевно больные люди, от которых нельзя ожидать разумных решений и действий. Именно на них возлагается ответственность и вина за «страшное прошлое» Великобритании.

- «Patient's Condition» – «Состояние пациента» (28,6%): *to be in worse condition than before, to bleed, Tory wounds were healed, to be badly bruised, to be ailing, to be in a hopeless condition*. Сферы жизни общества, которые переосмысливаются в терминах болезни, воспринимаются более «запущенными», находящимися в критическом состоянии. Введение в дискурс подобных эмотивно окрашенных единиц позволяет говорящему подчеркнуть состояние политической ситуации в стране, формируя в основном негативное восприятие образа прошлого.

- «Symptoms of the Disease» – «Симптомы болезни» (23,8%): *hiccup, flabbiness of the voters, listlessness, apathy, drowse*. Употребление таких метафор говорит о наличии аномалии в политической ситуации прошлого и свидетельствует о нежелании и/или неумении политической элиты минувших лет устранить первые признаки «болезни», вылечить страну при явно выраженных симптомах заболевания.

Большинство метафорических словоупотреблений модели, характеризующая общественно-политическую ситуацию прошлого, несут негативные прагматические смыслы, активизируя векторы тревожности, недовольства, противоестественности существовавшего положения дел:

Only after mature reflection can the party decide whether it accepts the Left's analysis of why the party has been in the electoral doldrums for nearly a decade. It might conclude, as I believe, that this is merely the second and last instalment of the settled intention of the British people back in 1997 to punish the Tories. Whatever the party eventually decides, just for once it must renounce its suicidal instinct to get its recriminations in early (The Daily Telegraph, June 3rd 2001).

Появляющийся образ «страшного прошлого» очень часто актуален лишь как аргумент, выполняющий вспомогательную функцию информирования о прошлом негативном опыте, об истоках болезни современного общества.

Таким образом, при концептуализации прошлого морбиальные метафорические наименования характеризуют предмет речи однопланово, акцентируя лишь негативную сторону фиксируемого явления. Авторы агитационно-политических текстов, пытаясь вскрыть невидимую для глаз стороннего наблюдателя подоплеку событий «страшного прошлого», пронизанного яркими концептуальными векторами нездоровья, тревожности и нестабильности, подводят адресата к мысли о его возможных последствиях для настоящего и будущего страны.

Метафорическая субмодель СТРАНА В НАСТОЯЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в британском политическом дискурсе. При обращении к образу настоящего морбиальная метафора является одной из доминирующих метафорических моделей в политическом дискурсе парламентских выборов в Великобритании – 11,6% (см. табл. 5 в приложении 2). В рассмотренных текстах предвыборной агитации морбиальная метафорика насчитывает 159 словоупотреблений. В печатных средствах массовой информации метафоры «болезни» широко распространены как при моделировании «ограниченного настоящего» – 10,4%, так и «продолженного настоящего» – 14,1% (см. табл. 5 в пункте 1.3.2).

Метафорический образ СТРАНА В НАСТОЯЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ включает образования, принадлежащие всем фреймам модели, однако наиболее частотными являются следующие:

- «Diagnosis» – «Диагноз» (33,3%): *disease, generational disease, epidemic, outbreak, to suffer from, to feel unwell, myopia of Michael Portillo, civic muscles atrophy, trauma of defeat, traumatic election defeat, precise moment of trauma, bad*

tooth, pre-election fever, neuroticism, apathy, paralysis, occasional paranoia и др. Поскольку «болезнь» традиционно понимается как нарушение жизнедеятельности всего организма, а не как болезненные ощущения, локализованные в отдельных органах [Кондратьева 2004: 58], то несмотря на тот факт, что большинство метафорических единиц фрейма «Диагноз» востребованы для представления избирательной гонки, то есть «ограниченного настоящего», они характеризуют состояние современного общества в целом, акцентируя идеи неуправляемости действий, безрассудства политиков, резкой, неоправданной смены мнений, что вызывает в адресате состояние тревожности, недовольства «мрачным настоящим».

- «Methods of Treatment, Drugs» – «Способы лечения, инструменты и лекарства» (22%): *to heal, to cure, to seek a cure for unemployment, to see a dentist, remedial action, recipe, remedy, all part of the therapy, soporific, medicine, the medicine has not worked, useless cure* и др. Концептуальный вектор морбиальной метафоры навязывает чувство страха, желание помочь больному излечиться и восстановить силы. Однако представленные метафорические наименования относятся к «методам лечения», которые не принесли положительного результата, а только усугубили и без того «тяжелое состояние» страны.

- «Patient's Condition» – «Состояние пациента» (20,1%): *to recover, revived NHS, absence of suffering, only hangover from that painful time, to bear sufferings, a crippled NHS, unhealthy NHS, unhealthy condition, not to be good for the health of democracy, the current system is dying, to be debilitating* и др. В политическом дискурсе парламентских выборов в Великобритании в терминах болезни переосмысливается состояние и общества, и экономики, и внешней и внутренней политики, причем внимание читателя концентрируется на вымирании населения, на всеобщей безысходности, необратимых изменениях в организме страны, которые могут стать причиной летального исхода в будущем.

Концепт болезни, метафорически переосмысленный, применяется как средство, эффективно работающее в рамках создания образа «мрачного настоящего»:

However thrilling it is when your dentist cancels an appointment, the high seldom lasts. At some point, a bad tooth needs attention. By the same token, Tony Blair's decision to seek re-election

on June 7th instead of May 3rd brought the briefest of reprieves to William Hague. A week is a long time in politics, but not even an extra four of them will give the Conservative leader long enough to climb the Himalaya of adverse opinion polls and topple Labour in a general election. Having faced certain defeat in May, Mr Hague now faces certain defeat in June... No matter how you look at it, Britain is set for a election whose outcome is already certain, in which the size of the majority scarcely matters. See you at the dentist (The Economist, April 4th 2001).

В данном контексте метафоры болезни усугубляют оценочный характер высказывания, подчеркивают принудительность и неизбежность процесса, указывая на негативность сложившейся ситуации.

Таким образом, коннотативно нагруженная морбиальная метафорика проявляет высокую продуктивность в публицистических текстах, освещающих парламентские выборы Великобритании, представляя настоящее в основном с негативной точки зрения. Участники электорального процесса обязательно акцентируют внимание на неправильности и недопустимости существующего «мрачного» положения дел.

Метафорическая субмодель СТРАНА В БУДУЩЕМ – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в британском политическом дискурсе. В политическом дискурсе «Всеобщие выборы в Парламент – 2001» метафора болезни получила широкое распространение при создании образа будущего – 13,2% (см. табл. 6 в приложении 2), занимая второе по частотности место при обращении к образу «ближайшего будущего» – 16,8%, и третье место при моделировании «отдаленного будущего» – 8,3% (см. табл. 6 в пункте 1.3.2). Описываемая субмодель насчитывает 60 метафорических словоупотребления.

Мы можем отметить, что наиболее активно используются образы со следующими сферами-источниками метафорической экспансии:

- «Methods of treatment, instruments used, drugs» – «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства» (38,3%): *to fight disease, to do a tremendous amount of work and to save as many Tories as possible, to limit the epidemic, to operate, to control the outbreak, acid test, remedy, poison, bitter pill to swallow* и др. Метафорическими конструкциями указанного фрейма подчеркиваются идеи необходимости вывести страну из кризисной ситуации, поиска кардинальных мер, отличных от прежних, не возымевших должного действия. Прагматические смыслы, формируемые метафорами фрейма, сводятся к следующему:

щим: правящая элита не в состоянии разрешить ситуацию, и каждый «идуший во власть» считает себя опытным медиком, который сможет излечить страну от заболеваний прошлого, настоящего и будущего.

- «Patient's condition» – «Состояние пациента» (31,6%): *Tory revival, to recover, recovery, painful road to recovery, the virus is spreading, not to improve, future bleeding of the current system, to suffer from nervous disorder, death of the campaign, death of so-called «Lib-Labbery»* и др. При использовании данных метафорических образов в сознании адресата формируются типовые прагматические смыслы: путь к выздоровлению (если оно вообще возможно) будет долгим и болезненным, и даже в «отдаленном будущем» политические деятели и СМИ не видят Британию здоровой, цветущей и окрепшей.

При создании образа будущего политики отталкиваются от сегодняшней политической ситуации, ориентируются на самые актуальные социальные и экономические нужды. Эпидемия коровьего бешенства, разразившаяся в Великобритании в период избирательной кампании, оказала несомненное влияние на активизацию морбиальных метафорических словоупотреблений с негативным прагматическим потенциалом. Именно поэтому в политическом дискурсе Великобритании «Всеобщие выборы в Парламент – 2001» морбиальные образы достаточно часто пересекаются с зооморфными:

Which of us, who witnessed it, can ever forget the heartbreaking 1997 cull of Tories? A similar epidemic is expected at this general election. The Tory herd could be extinguished. Central Office officials say that the outbreak is «under control». Those officials have acted promptly, and are doing a tremendous amount of work to save as many Tories as possible. But almost every day there are reports of new opinion polls indicating that the virus is spreading to more marginal seats. Vets say that some of them may recover, but Mr. Nicholls was right to express his concern... What might limit the threatened epidemic? (F. Johnson // The Daily Telegraph, March 14th 2001).

Посредством развернутой метафоры приближающейся болезни общества нагнетается опасность чего-то неизвестного. Включение метафорических единиц, имеющих семантически положительный настрой, в основном нацелено на углубление общего отрицательного значения контекста.

Таким образом, при апеллировании к будущему, политики стремятся убедить избирателей в том, что ничего хорошего страну не ждет без их участия. Исходя из своей личной заинтересованности, они создают образ опасного, не-

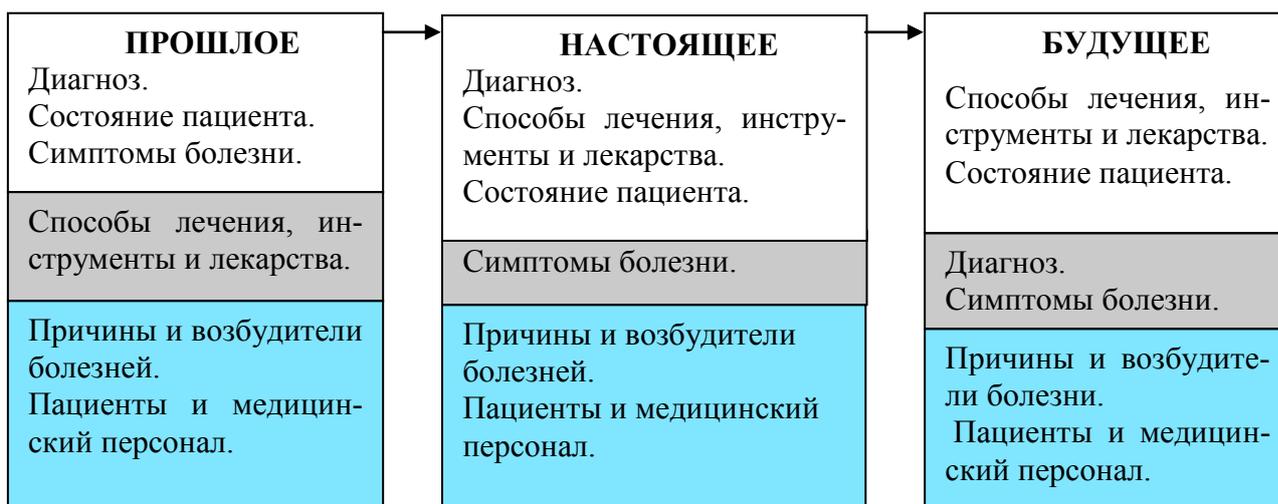
предсказуемого «ужасного будущего», описывая его атрибуты практически в ультимативной форме: в такой стране будет трудно выжить и противостоять происходящим процессам практически невозможно.

Итак, мы рассмотрели метафорическую модель СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ в политическом дискурсе Великобритании, посвященном ситуации парламентских выборов. Как показал анализ морбиальных метафор, для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуальные векторы тревожности, опасности, противоестественности существующего положения дел пронизывают рассмотренные примеры метафорических выражений, формируя в сознании избирателя образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего».

Соотношение фреймов морбиальной метафорической модели, используемых при концептуализации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе «Выборы в Парламент Великобритании – 2001» отражено в схеме 4.

Схема 4

Морбиальная метафора в темпоральном аспекте в политическом дискурсе Великобритании (2001)

- наиболее частотные фреймы
- фреймы, находящиеся на периферии
- фреймы не представленные / представленные единичными метафорами

Анализ британских агитационно-политических текстов показывает, что метафорическое поле «болезни», перенесенное в поле политики, актуализировано в сознании носителей британской культуры. Модель представляет собой целостное, детально структурированное образование, включая все шесть фреймов при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего страны.

Проведенный нами анализ показал, что в современных британских средствах массовой информации за январь – июнь 2001 года при обращении к образам прошлого, настоящего и будущего активно используются метафоры с исходными смыслами «Состояние пациента». Наименования данной группы создают негативный образ политической реальности разных исторических промежутков времени, возбуждая в адресате резко критическое отношение к предмету речи, поскольку описывают состояние страны как «тяжелое», «близкое к смерти». Концепты созидания, восстановления разрушенного, заботы о слабых, стабильности, ассоциативно связанные с выздоровлением общества, не актуальны при метафоризации прошлого, настоящего, будущего и их периодов.

Не меньшей эмотивной нагруженностью обладает метафорика, представляющая политические реалии прошлого, настоящего и будущего посредством метафорических словоупотреблений с исходной понятийной сферой «Диагноз». Особенно востребованы данные метафорические номинации при концептуализации прошлого и настоящего. Примечательно, что в обоих случаях наиболее частотны метафоры, принадлежащие слоту «Психические болезни». Поскольку «болезнь», как правило, конвенционально оценивается плохо, тем более если она душевная [Бутакова, Демина 2005: 87], метафоры указанного фрейма продуцируют негативные эмоциональные образы «страшного прошлого» и «мрачного настоящего». При моделировании будущего фрейм «Диагноз» находится на периферии модели.

Логическим продолжением концептов фрейма «Диагноз» являются метафоры со сферой-источником «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства». Прагматический потенциал наименований описываемого фрейма можно представить следующим образом: так как политические, экономические, социальные отношения внутри общества поражены различными болезнями, возвращение к нормальному, естественному ходу вещей требует немедленного

принятия эффективных мер. Именно поэтому метафоры данного фрейма особенно типичны для представления настоящего и будущего страны. Показательно, что большинство проанализированных метафорических образований активизирует негативное восприятие политической ситуации, акцентируя профессиональные недостатки политиков, их неспособность принять требуемые меры.

При моделировании прошлого исходные концепты фрейма «Симптомы болезни», развернутые в метафоры и сопровождающиеся в контексте резкой критичностью оценки, способны вызывать у адресата негативные ассоциации и отрицательную оценочность, формируя образ «страшного прошлого» страны. Менее активны указанные метафорические номинации при концептуализации настоящего: для политиков современности «болезни» общества настолько очевидны, что им не составляет труда поставить «диагноз», не уточняя симптомы «заболевания». При моделировании будущего метафоры фрейма находятся на периферии.

По нашим наблюдениям, для представления общественно-политической ситуации прошлого, настоящего и будущего в дискурсе британских средств массовой информации периода парламентских выборов практически не встречаются метафоры фреймов «Причины и возбудители болезней» и «Пациенты и медицинский персонал». Подобная лакунарность свидетельствует о том, что политики не уделяют внимания тому, в чем причина заболевания страны, которая и является единственным пациентом многочисленных горе-врачей от политики.

Таким образом, в политическом дискурсе Великобритании морбиальная метафора эксплуатирует смыслы, привычные для общественного сознания, являясь интенсификатором негативных эмотивных признаков, и носит системный характер, создавая целостную картину отражения политической ситуации «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего».

Соотношение фреймов модели и образов прошлого, настоящего и будущего, создаваемых морбиальными метафорами в политическом дискурсе парламентских выборов России и Великобритании, показано в табл. 8.

Таблица 8

Соотношение наиболее частотных фреймов морбиальной метафорической модели

и образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе России и Великобритании

	Россия		Великобритания	
Прошлое	Диагноз. Симптомы болезни. Способы лечения, инструменты и лекарства.	«страшное»	Диагноз. Состояние пациента. Симптомы болезни.	«страшное»
Настоящее	Диагноз. Способы лечения, инструменты и лекарства. Состояние пациента.	«мрачное»	Диагноз. Способы лечения, инструменты и лекарства. Состояние пациента.	«мрачное»
Будущее	Состояние пациента. Способы лечения, инструменты и лекарства.	«ужасное» «светлое»	Способы лечения, инструменты и лекарства. Состояние пациента.	«ужасное»

Вышеописанные результаты показывают, что метафорическая модель с исходной понятийной сферой «болезнь» является конвенциональной для носителей российской и британской лингвокультур, представляя собой детально структурированное образование при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов.

Несомненные параллели выявляются при сопоставлении состава фреймов, используемых при моделировании образа прошлого. Наиболее частотными в политическом дискурсе двух стран являются метафоры, входящие в состав лексико-семантических полей «Диагноз» и «Симптомы болезни»: Россия и Британия предстают в виде огромных, когда-то целостных организмов, утративших под воздействием внутренних процессов и внешнего вмешательства богатырское здоровье, силу и красоту. В результате бесконечной череды болезней Великобритания находилась в тяжелом состоянии (фрейм «Состояние больного»), а России не смогли помочь никакие лекарства (фрейм «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства»). Рассмотренные метафорические выражения оказывают негативное эмоциональное воздействие на адресата, развивают и поддерживают в нем состояние тревоги и опасности, убеждая избирателя в невозможности вырваться из тисков «страшного прошлого», не приняв радикальных мер.

Показательно, что в дискурсе России и Великобритании при создании образа настоящего активно употребляются метафорические выражения, принадлежащие к одним и тем же сферам-мишеням метафорической экспансии: «Диагноз», «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», «Состояние пациента», причем частотность названных фреймов модели одинакова в дискурсе обеих стран. Помимо этого, совпадает набор фреймов, находящихся на периферии и представленных единичными метафорами (см. схему 3 в пункте 2.2.1; схему 4 в пункте 2.2.2). Проведенный нами анализ показал преобладание метафор с негативным оценочным потенциалом, создающих общую атмосферу напряжения, тревожности, несогласия с политикой властных структур. «Мрачное настоящее» России и Великобритании выглядит следующим образом: страна находится в тяжелом состоянии, используемые лекарства не приносят никакого эффекта, методы лечения бессильны исцелить страну от букета заболеваний, которыми поражен ее организм.

Важно отметить, что обнаруживаются несомненные параллели во фреймовой структуре рассмотренной метафорической модели и при создании образа будущего: наиболее активно используются метафоры, принадлежащие к двум фреймам: «Состояние пациента», «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», идентичен также набор фреймов, находящихся на периферии и представленных единичными метафорами (см. схему 3 в пункте 2.2.1; схему 4 в пункте 2.2.2). В отличие от развития метафоры при создании образов прошлого и настоящего, в картине будущего метафора болезни конкретизируется в ином направлении. Если в первых двух случаях детализировалось описание критического состояния организма, то для будущего информация о том, чем именно «больна страна», как протекает «болезнь», уходит на второй план. Рисуя образ «ужасного будущего», российские и британские политики делают акцент на необходимости принятия новых кардинальных «методов лечения», отличных от прежних, которые не принесли положительного результата. Однако в зависимости от контекста в российском политическом дискурсе происходит переакцентирование на слот «Выздоровление». Метафорические наименования указанного слота несут позитивный прагматический потенциал, работая на создание образа «светлого будущего», и используются политиками для создания

картины новой действительности с требуемыми параметрами: у России есть еще возможность возродиться и окрепнуть, для этого участники дискурса рекомендуют прислушаться к их советам, выполнять необходимые мероприятия по изменению сложившейся ситуации и предупреждению нежелательных последствий «болезней».

Таким образом, для рассмотренной метафорической модели характерна общность фреймовой структуры, не выявляющая существенных отличий в осмыслении и репрезентации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании.

Выводы по главе 2

Рассмотренный в настоящей главе материал свидетельствует о том, что в политическом дискурсе парламентских выборов в России (2003) и Великобритании (2001) для создания образов прошлого, настоящего и будущего активно используются и проявляют высокий потенциал воздействия метафорические модели ЖИЗНЬ – это ВОЙНА, СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ.

В политическом дискурсе выборов в России (2003) и Великобритании (2001) при концептуализации прошлого, настоящего и будущего страны наиболее частотной и детально структурированной оказалась метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА. Метафора «войны» лидирует при моделировании трех периодов прошлого России и Великобритании, является доминирующей моделью при создании образа настоящего России в целом и «ограниченного настоящего» Великобритании, входит в тройку самых частотных моделей при метафорическом представлении «ближайшего будущего» и «отдаленного будущего» России и является безусловным лидером при обращении к образу «ближайшего будущего» Великобритании.

При анализе военной метафоры в политическом дискурсе двух стран обнаруживается ряд общих признаков. Особенно показательным сопоставлением наиболее частотных фреймов: при моделировании образа прошлого активно используются метафорические номинации фрейма «Военные действия и вооружение». При воссоздании метафорической картины современности и российские, и британские СМИ отдают предпочтение одним и тем же фреймам моде-

ли, а именно: «Война и ее разновидности», «Военные действия и вооружение», «Организация военной службы». Наконец, русские и британцы солидарны в регулярном обращении к метафорам с исходными понятийными сферами «Война и ее разновидности» и «Ранение, выздоровление, смерть» при концептуализации будущего. Помимо этого, обращает на себя внимание малочисленное употребление наименований фрейма «Воинские символы и атрибуты».

Несомненные параллели выявляются и при сопоставлении прагматического потенциала метафор. В российских и британских текстах предвыборной агитации милитарная метафорика содержит преимущественно негативные ассоциативные признаки борьбы, агрессии, конфронтации, насилия, участвуя в создании образов «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего».

Репрезентация прошлого, настоящего и будущего посредством метафор войны, характерная для носителей русской и британской лигвокультур, имеет свою специфику. Основные различия проявляются на уровне отдельных фреймов, слотов и концептов. При моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России самыми частотными являются метафоры из фреймов (по убывающей): «Война и ее разновидности», «Военные действия и вооружение», «Ранение, выздоровление, смерть». Метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ВОЙНА представляет прошлое, настоящее и будущее России как хаотичную войну, которая ведется на разных уровнях и затрагивает все сферы общественно-политической жизни и все слои населения, в процессе которой планируются военные действия и выбирается вооружение и где по воле случая погибают и возрождаются к жизни. В британском дискурсе прослеживается несколько иной набор наиболее частотных фреймов: «Военные действия и вооружение», «Организация военной службы», «Война и ее разновидности». В рамках милитарной модели прошлое, настоящее и будущее страны предстают как хорошо спланированные боевые действия, ведущиеся заранее выбранным оружием организованными, дисциплинированными армиями, где каждый, будь то солдат или генерал, знает и выполняет свои прямые обязанности. Этот факт можно объяснить тем, что британской нации свойственны прагматизм и рациональность, являющиеся фундаментальными чертами мировоз-

зрения, что не характерно для русского национального сознания, которое отличается непоследовательность, нерасчетливость, порой нелогичность действий.

Кроме того, российские и британские политические лидеры и СМИ по-разному используют позитивный потенциал метафоры «войны»: в дискурсе России положительно окрашенные метафорические словоупотребления создают образы «светлого настоящего» и «светлого будущего» – парадоксальность русского характера заключается в том, что чем тяжелее было прошлое, тем крепче вера в настоящее и будущее Отчизны. Особенностью парламентского дискурса Великобритании является образ «величественного прошлого», связанный с реалиями истории страны.

Второй по частотности при концептуализации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании является метафорическая модель СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ. Метафоры «болезни» активно используются при моделировании двух периодов прошлого России и «отдаленного прошлого» Великобритании. Морбиальные образы являются также продуктивными при концептуализации современной действительности Великобритании в целом и «продолженного настоящего» России. Помимо этого, метафорика с исходной понятийной сферой «болезнь» лидирует в представлении «отдаленного будущего» РФ и входит в тройку наиболее частотных моделей при прогнозировании «ближайшего будущего» и «отдаленного будущего» Великобритании.

Важно отметить, что в политическом дискурсе парламентских выборов двух стран при обращении к образам прошлого, настоящего и будущего обнаруживаются несомненные параллели во фреймовой структуре. Показательны данные о том, какие фреймы модели чаще всего попадают в фокус внимания авторов агитационно-политических текстов при метафоризации различных исторических промежутков времени. При моделировании прошлого в дискурсе России и Великобритании одним из самых частотных является фрейм «Диагноз». При метафорическом представлении настоящего и будущего двух стран совпадает распределение всех фреймов модели по шкале частотности, включая наиболее частотные, находящиеся на периферии и представленные единичными словоупотреблениями. Специальные подсчеты показывают также, что в рос-

сийских и британских политических текстах при концептуализации прошлого, настоящего и будущего преобладают наименования со следующими сферами-источниками метафорической экспансии: «Диагноз», «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», «Состояние пациента». Единственное различие заключается в том, что российские политические деятели и СМИ чаще предлагают новые и критикуют старые «Способы лечения, используемые инструменты и лекарства», тогда как британские – больше озабочены «Состоянием пациента».

Рассматриваемые метафорические единицы способны вызвать у дискурсного адресата негативную эмоциональную оценку соответствующих лиц и явлений, создавая образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего» России и Великобритании. Характерная особенность российского политического дискурса состоит в том, что описанию «болезненного состояния» общества в прошлом, настоящем и потенциальном «ужасном будущем» противопоставляется «возможное выздоровление» – «светлое будущее», что не типично для представителей британской лингвокультуры. В целом проанализированные материалы показывают, что морбиальная метафора является интернациональным средством воздействия на национальное сознание россиян и британцев.

При анализе моделей ЖИЗНЬ – это ВОЙНА, СТРАНА – это БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ следует отметить определенную корреляцию сфер-источников и образов, создаваемых метафорическими единицами: образ настоящего создается за счет установления семантических ассоциаций с прошлым и потенциально возможным будущим. Показательно, что негативная оценка общественно-политической ситуации базируется преимущественно на настоящем положении дел в стране, отталкиваясь от того, что было в прошлом, тогда как положительная реализация, как правило, устремлена в будущее, ориентирована на перспективу. Использование метафор указанных моделей помогает структурировать восприятие прошлого, настоящего и будущего в сознании адресата, обобщить исторический опыт кризисов, факторы их углубления и разрешения и применять полученные выводы для прогнозирования вероятных кризисов, а также для выработки реалистических стратегий и диагностики утопий.

Глава 3. Метафорическое представление прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов: национальная специфика российского и британского дискурса

В предыдущей главе диссертации нами были рассмотрены наиболее продуктивные метафорические модели в российском и британском политическом дискурсе, основной чертой которых является однотипный характер. Полученные данные свидетельствуют о том, что базовые представления о политической сфере общества в сознании носителей российской и британской культур, несмотря на наличие разных по степени национальной окрашенности метафор, не выявляют черт яркого культурного диссонанса.

Тем не менее, многочисленные исследования, посвященные изучению политического языка, также свидетельствуют о наличии базовых метафорических доминант, свойственных отдельной лингвокультурной общности (Е. В. Бакумова, Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, А. Вежбицка, В. Г. Гак, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, А. П. Чудинов, G. Hofstede, M. Johnson,

С. Kluckhohn, A. L. Kroeber, G. Lakoff и др.). Специфическое метафорическое словоупотребление, выделяемое из общего массива номинаций, можно обнаружить как на уровне отдельных метафор, репрезентирующих ту или иную реальность, так и на уровне метафорических моделей в целом. Подобные факты выявляют национально-культурную специфику метафор, существующие между ними связи и отношения, которые обусловлены национальным менталитетом, традициями носителей языка, лингвокультурологическими характеристиками, культурными ценностями, историческими предпосылками, специфическими для каждой отдельно взятой страны.

Основная задача настоящей главы – описание и сопоставительный анализ продуктивных метафорических моделей, свойственных в большей мере российскому или британскому национальному политическому дискурсу периода парламентских выборов. Нами были рассмотрены две метафорические модели, каждая из которых занимает третье по частотности место в агитационно-политическом дискурсе одной из названных стран, а также менее частотные модели, использующиеся при моделировании прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России и Великобритании.

3.1. Метафорическая модель СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в темпоральном аспекте: национальная специфика российского и британского дискурса

Концептуальная метафора СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ является одной из доминантных моделей при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в российском политическом дискурсе (2003), будучи менее распространенной в парламентском дискурсе Великобритании (2001). Истолкование российских общественно-политических реалий в криминальных терминах систематически используется СМИ разной идеологической направленности и служит тотальной дискредитации действующих властей. Можно предположить, что одна из причин активизации данной модели – это реальное обострение криминальной обстановки, которое отражается в народном сознании и находит выражение в речи [Чудинов 2003b: 103].

Криминальные образы находятся в фокусе пристального внимания исследователей, в том или ином отношении их описывают в своих работах отечест-

венные и зарубежные лингвисты (Красильникова 2005, Ряпосова 2002, Чудинов 2001с, 2003b, Шаова 2005, Adamson, Johnson, Rohrer, Lam [http](#), Kelling [http](#), Kennedy 2000, Lakoff [http](#) (a), Rohrer 1995).

Для описания системы метафор с исходной концептуальной областью «мир преступности», использующейся в дискурсе средств массовой информации при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего, целесообразно воспользоваться фреймо-слотовой структурой метафорической модели, разработанной в монографии А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)». Автор выделяет следующие фреймы модели: «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура», «Быт преступников и их профессиональная деятельность», «Жертвы преступников и иные, не относящиеся к обществу граждане», «Места лишения свободы и их обитатели», «Милиция и охрана» [Чудинов 2003b: 94–103].

В современной коммуникации криминальная метафора активно участвует в формировании личностной картины мира и выступает как важное средство преимущественно негативной оценки общественно-политической жизни страны, возвращая избирателя в «страшное прошлое», не давая забыть о «мрачном настоящем», запугивая «ужасным будущим». Большинство метафорических выражений модели, пронизанных концептуальными векторами опасности, агрессивности, резкого противопоставления «своих» и «чужих» [Чудинов 2003b: 103], представляют «общую национальную политику государства и намерения отдельных политиков в качестве преступлений, которые... угрожают и вредят обществу» [Adamson, Johnson, Rohrer, Lam [http](#)], «вскрывают прогнившую суть» [Lakoff [http](#) (b)] описываемого явления действительности, вызывают в адресате состояние тревожности и недовольства существующим положением дел, что приводит к отстранению и отчуждению простых граждан от политиков [Ряпосова 2002: 71–72]. В используемых концептах заключено хорошо прагматически усвоенное человеком и прочно закрепленное в когнитивных структурах его мозга видение опасности, которую представляют для него криминальные слои общества, используемые ими методы и инструменты [Шаова 2005: 135]. В центре эмоциональных состояний, создаваемых криминальной метафорой на-

ходятся отрицание сложившейся коррумпированной системы власти, негодование, осознание необходимости изменить курс развития страны [Красильникова 2005: 102].

Криминальная метафора опасна: ее активное использование в речи значительно искажает понятие граждан о контроле над преступностью [Kelling <http>], внушает мысль о том, что общество действительно пронизано криминальными связями и отношениями, что преступление – это норма, а подобные умонастроения опосредованно могут сказываться на уровне преступности в обществе [Чудинов 2003b: 103].

Рассмотрим подробнее фреймовую структуру метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ.

3.1.1. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в российском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в российском политическом дискурсе. В агитационно-политическом дискурсе России «Выборы в Государственную Думу – 2003» криминальные образы достаточно продуктивны при концептуализации прошлого – 25,5% (см. табл. 1 в приложении 2). Рассматриваемая субмодель насчитывает 82 метафорических наименования. Наиболее широко представлена метафора «преступного мира» при моделировании «недавнего прошлого», а именно «горбачевской перестройки» – 21,3% и «ельцинской демократизации» – 29,7% (см. табл. 1 в пункте 1.3.1).

При моделировании образа прошлого к числу наиболее распространенных источников сфер относятся следующие:

- «Быт преступников и их профессиональная деятельность (41,5%): *украсть свободу и демократию, обречь на произвол, устраивать плохую свободу, шаткий порядок, основанный на страхах, расцезь на уродливые ломти целостное народное хозяйство, разворовать и погубить индустрию и деревню, превратить в пепелища цветущие зоны жизни, пьяный кураж, кровавые драки, совершать тяжкие злодеяния, заметить следы своего преступления, травить,*

душить, ограбить, убить, сжечь, удушить страну, совершить преступление, захватить, спекулировать, воровство, мздоимство, коррупция, бесовестное ограбление, беспредел, воровская сходка, вязать на крови новых уголовников, разборки по переделу собственности и др. Метафорические номинации данного фрейма, в которых наиболее ярко проявляются характерные для современного политического дискурса векторы опасности, агрессивности и тревожности, используются в российском политическом дискурсе для обозначения типичных представлений политиков современности о «темных делишках» своих предшественников. Путем уподобления политико-экономических реалий и действий правящей элиты криминальному миру и всевозможным преступлениям создается специфическое восприятие событий, представляющее собой влиятельный фрагмент целостной картины «страшного прошлого».

- «Преступники и их специализация» (25,6%): *убийцы, киллер, рецидивист, преступники разных мастей, беспредельщики, бандюганы, террорист № 1, международные и доморощенные террористы, новые уголовники, преступник всех времен и народов, воры, хапуги, жулики в законе, ловкие проходимцы, жуликоватые «новые русские», самозванцы* и др. Очевидно, что такого рода метафорические словоупотребления несут негативную эмотивную окраску, что создает нелицеприятный образ политиков, презирающих законы, готовых пойти на все ради собственной выгоды, для которых интересы и нужды народа России – пустой звук. В результате формируются следующие прагматические смыслы: государственные служащие и представители власти прошлого, пользуясь своими полномочиями, наносили значительный ущерб населению страны, моральный, материальный и физический.

- «Преступные сообщества и их структура» (15,9%): *«семья», кланы, разбойные шайки, банда, шайка-лейка, команда, крестные отцы, авторитеты, пахан, «шестерки», подельники, кореша* и др. Характерные прагматические смыслы этого фрейма определяются тем, что в политике, как и в преступном мире, трудно выжить в одиночку, поэтому у власти (в государстве, в его регионах) находились криминальные группировки, преступные сообщества, в которых все иерархически структурировано, все члены связаны между собой общими интересами, совместной деятельностью и всегда готовы покрывать друг

друга. Подчеркивая «семейственность» правительственных и политических объединений, авторы метафор ставят себя и адресата в оппозицию к предмету речи. Метафорические номинации со сферой-источником «Преступные сообщества и их структура» выражают резкую негативную оценку, являясь своеобразными «маркерами чуждости» [Шейгал 2000: 143], деля мир на друзей и врагов, где по одну сторону – граждане, а по другую – силы зла [Kelling http], то есть руководство страны.

Раскрытие общественно-политических, экономических, социальных феноменов прошлого через криминальную метафорику обладает огромным негативным потенциалом, продуцируя образы «страшного прошлого»:

У советских людей святыми были понятия «Родина», «Москва», «Народная власть». Ни у кого и в мыслях не было организовать военный разбой в столице, открыть огонь по зданию, где решают судьбу страны избранные народом депутаты, стрелять в них из-за угла. Чудовищным является решение Ельцина ради сохранения личной власти использовать против своего народа национальную армию. Так же, как воровская сходка вяжет на крови новых уголовников, ельцинский режим повязал кровью ни в чем не повинных солдат... Выстрелы из танков прозвучали как стартовые пистолеты, открывшие беспредел для преступников разных мастей (О. Кульдяев // СР, 27 сент. 2003).

Представление о произошедшем как о беспределе, беззаконии поддерживается через отбор стилистически окрашенных языковых средств, среди которых преобладают эмоционально-экспрессивные метафоры с негативно-оценочным потенциалом, передающие трагический смысл происшедших событий. Жутковатые образы, которыми грезил страна в октябре 1993 года, и в настоящем полны отрицательной энергии:

Именно с 4 октября 1993 года, с понедельника, Россия превратилась в страну узаконенного бандитизма. Стрельба, затеянная правительством в те дни и показанная на весь мир камерами Си-эн-эн, не смолкает до сей поры. Эти выстрелы звучат непрерывно и повсеместно. «Беспредел», организованный Ельциным и Ко, продолжается, и политическая власть в России сегодня выполняет роль приказчика, стоящего на страже сложившегося после «черного октября» порядка вещей (А. Феллов // Завтра, 1 окт. 2003).

Таким образом, Россия в прошлом (особенно в постсоветский период) предстает в глазах избирателя в качестве преступного сообщества, где нет места добру, человечности и состраданию. «Криминальное» представление предмета речи вызывает в адресате состояние тревожности, опасности, агрессивности.

сти и недовольства положением дел в прошлом, наталкивает на мысль о том, что действия властей были жестоки и бессмысленны, нанесли непоправимый ущерб российскому обществу в целом.

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в российском политическом дискурсе. В дискурсе парламентских выборов в России криминальная метафора является третьей по частотности моделью, использующейся при концептуализации современной действительности – 8,1% (см. табл. 2 в приложении 2). Метафорические словоупотребления, соответствующие рассматриваемой модели, особенно типичны для создания образа «продолженного настоящего» – 11,8% (см. табл. 2 в пункте 1.3.1).

При создании образа настоящего востребованы все фреймы модели, включающие 118 метафор. Наиболее частотными фреймами являются следующие:

- «Быт преступников и их профессиональная деятельность» (41,5%): *агитационный беспредел, бандитская экономическая система, кромешное воровство и насилие, хищное потребительство, откровенный разбой, беспредел и произвол, бессовестное ограбление, подкуп, махинации, преступление власти, грабеж среди бела дня, вступить в сговор с воротилами капитала, скрыть преступления этой группировки, одурачить избирателя, создавать липовые коммунистические организации, душить права и свободы, вести двойную бухгалтерию, платить дань, выплачивать налоги и взятки перепродажей краденого, скупать краденое, превратить Россию в безгласный невольничий рынок, обокрасть учителей и врачей, выпаривать до дна бюджет, взять денег у беглого богатея, отнять у народа собственность и продать за ломаный грош, угрожать, прибрать к рукам, обчистить, отвести от себя подозрения, убыть с награбленным, заметить следы и легализоваться, главный «смотрящий» — глава ЦИКа Александр Вешняков, склоки и разборки, жить полулегально и др.* При метафорической характеристике государственной деятельности с помощью номинаций данного фрейма актуализируются семы «разорять», «обогащаться силой», «присваивать чужое имущество». Кроме того, слова, заимствованные из уголовного жаргона, тянут за собой шлейф соответствующих ассоциаций и, обозначая политические реалии, вызывают представления об уголов-

ном мире, его жестокости и преступлениях. Типовые прагматические смыслы – в стране, где никто не уважает общечеловеческие моральные нормы и даже законы, где власти не заботятся о развитии политико-экономической системы, опасно жить и работать, так как защищенность граждан зависит от того, кто в данный момент находится у власти.

- «Преступники и их специализация» (20,3%): *властители-грабители, воры, веселые и злые обманщики, карманники, медвежатники, наперсточники, гангстеры, тонкие шулеры, свирепые грабители, «демократические отморозки», грабитель, прибравший к рукам народное добро, государственные вымогатели на всех уровнях* и др. Метафорические употребления, соответствующие рассматриваемому фрейму, актуализируют ассоциативные семы «обмана», «наживы» и «противозаконности» производимых данными субъектами действий, наталкивая адресата на мысль о том, что правящая элита современности из политических соображений позволяет преступным структурам грабить и разорять страну – для ее ослабления или даже полного уничтожения. Прагматические смыслы, формируемые у читателя, вызывают негативное эмоциональное воздействие провоцированием и поддержанием в нем состояния тревоги, опасности и страха перед «мрачным настоящим».

- «Преступные сообщества и их структура» (16,1%): *кланы, группировки, бандитские, милицейские и прокурорские шайки, гаденькие банды, группа циничных и безответственных проходимцев, члены старой корпорации, «семья», «семейный менеджмент», «семейная схемка», «семейные» ценности, крестные отцы, член «семьи», вор в законе, воры, придворные «шестерки», «хунта»* и др. Инвективы, характеризующие руководство страны, содержат коннотативные компоненты значения «уголовного мира, жестокости, беспредела, влиятельности и богатства», актуализируя ассоциативные признаки силы, опасности и угрозы. Негативное воздействие приведенных контекстов на адресата осуществляется путем соотнесения предмета речи с недоступными и действующими безнаказанно бандами преступников в государстве, где вся политико-экономическая система коррумпирована.

Метафорическое представление политической, экономической, социальной ситуации в стране посредством криминальных метафорических словоупот-

реблений моделирует образ агрессивного, опасного, непредсказуемого «мрачного настоящего»:

*Не все граждане устремятся на выборы. Не каждому милая барышня вручит пахнущий духами бюллетень. Не всякий удостоится сунуть волшебную бумажку в прорезь нарядной урны и под музыку марша прошествовать по избирательному пункту, среди цветов и улыбок, совершив поклонение демократическому богу, единому в многообразии политических партий. Миллионы наших братьев не увидят торжества демократии из-за тюремных решеток, колючей проволоки, пулеметных вышек. Их демократия — это нары и удар резиновой дубины. Их избирательные урны — это «параши» и миски с «баландой». Их Вешняков — это надзиратель с железным ключом, ведущий их в карцер. Россия — страна «зэков», острожный рай, синее небо в мелкую клеточку. Треть страны уже отсидела. Другая треть сидит. Третья — готовится сесть. Товарищ, держи наготове легкий спортивный костюм и тапочки — они пригодятся в Бутырке (А. Проханов // *Завтра*, 10 сент. 2003).*

Для самосознания россиян характерно представление своей страны в качестве тюрьмы народов, тюремного эшелона, который гонят по этапу. Возможно, определенную роль здесь сыграли годы жесточайшего террора и многомиллионных лагерей принудительного труда, воспоминания о которых живы в «мрачном настоящем». Помимо этого, принцип «ротации», в соответствии с которым «охранники» и «охраняемые» периодически меняются местами [Чудинов 2003b: 101], достаточно популярный среди российских правителей всех времен и оказавший безусловное влияние на формирование национального менталитета, заставляет русского человека сочувствовать и находить всевозможные оправдания преступникам из страха оказаться (по воле случая) на их месте, примером чему является тот факт, что в период российской истории всякий уголовный элемент считался, как известно, «классово близким» (в отличие, скажем, от интеллигенции) [Шмелев 2004: 6].

В целом криминальная метафора формирует в сознании избирателя ощущения неправомерности и агрессии, от которых страдает население России. Ее употребление пронизывает образ «мрачного настоящего» концептуальными векторами опасности, тревожности, противоестественности сложившейся ситуации. При концептуализации настоящего момента действительности метафоры модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ носят явно выраженный негативный характер. Они позволяют авторам агитационно-политических текстов

имплицировать свое крайне отрицательное отношение к политической деятельности вообще и к ее отдельным субъектам в частности.

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в российском политическом дискурсе. Метафорическое представление будущего в терминах преступного мира менее типично для российского политического дискурса парламентских выборов 2003 года по сравнению с прошлым и настоящим страны. Доля криминальной метафоры составляет лишь 2,2% от общего числа метафорических номинаций (см. табл. 3 в приложении 2). Образы со сферой-источником «мир криминала» не входят в тройку самых частотных моделей при метафоризации периодов будущего.

Тем не менее в силу высокой степени обусловленности смысловой и, главное, эмоционально-экспрессивной стороны метафор актуальными речевыми ситуациями в качестве практически перманентной характеристики образа будущего доминируют метафорические выражения двух фреймов:

- «Места лишения свободы и их обитатели» (45,5%): *тюрьма народов, тюрьма, место почетной ссылки, эдакая пожизненная каторга, самый мощный инструмент несвободы.* Представленные номинации обычно используются для характеристики нашей страны, являясь своего рода «контекстуальными синонимами для слова «Россия» [Чудинов 2003b: 100], наталкивая на мысль об отсутствии в современном российском обществе совершенной системы демократических прав и свобод, где по странной воле судьбы «преступники» и «преступные сообщества» находятся у власти, а всевозможные меры пресечения применяются к законопослушным гражданам.

- «Милиция и охрана» (37,7%): *фигуранты будущего уголовного дела, указать на преступление полицейского государства, отыскать следы, устроить бессудные казни, публичные расправы.* Метафорические выражения данного фрейма представляют государственные структуры как карательные органы, оживляя многочисленные отрицательные ассоциативные признаки, связанные с этим понятием.

Образ будущего в аспекте криминальных метафорических употреблений часто рассматривается в неожиданно ироническом ключе:

История нас разъединяет тоже. У одних Ленин в головах, у других — царь, у третьих — либеральная каша, иные просто в школе историю не учили. Но надежда есть! Объединяет народы России, представителей разных конфессий и этнических групп, людей с разным уровнем доходов — от олигарха до бомжа — всеобщее воровство. Оно сохраняет Россию как государство, заменяя и историю, и экономику. Но в таких объемах и воровство губительно для страны... Справедливым будет предположить, что в основе новой национальной доктрины должно находиться воровство. Точнее, его сокращение. Новая национальная доктрина, понятная всем, способная изменить настоящее и будущее, уместается всего в пять слов: «Сокращение воровства на двадцать процентов». Почему на двадцать? Потому что 30% — это уже перегрев, а 50% — гражданская война. На двадцать же процентов может каждый... Сокращение воровства должно стать модным, чем-то похожим на то, как американцы бросают курить. «В этом квартале я сократил на двенадцать процентов!» — «А я уже на пятнадцать!» И президент особо отличившимся вешает на грудь орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (В. Рекшан // АиФ, 3 дек. 2003).

Если принять, что новый, криминальный порядок установлен и его принципиальные черты можно узреть уже сегодня, в «мрачном настоящем», то по мере развития они могут усиливаться или ослабевать, но тип жизни меняться не будет: «мрачное настоящее» эволюционирует и станет «ужасным будущим», поскольку «системы, на которую мы возлагаем надежды и которая несет ответственность за предотвращение преступлений, не существует, сама система не является фактом действительности, это просто метафора, используемая для описания сложных взаимоотношений преступников и служителей закона, судов, мест лишения свободы и т. д. [Kelling [http](http://)]:

Слишком живуч [народ]? Придавить его наркотой, открыть границы для героина, распропагандировать отраву в модном журнале, принести шприц в школу! Голову поднимает? Так развратить его телесно и духовно, совратить его детей и дев, растоптать его последние святыни, лишить сил в мороке тотального предательства, «общечеловеческих ценностей» и пивных фестивалей. Он пытается выкарабкаться? Забить его преступностью, бытовухой и маньяками, трахнуть в подъезде, зарезать в пьяной драке, а труп расчленить! Лишить работы, учебы, лекарств, жилья. Парней бросить в чеченскую мясорубку, девок — в турецкие бордели, неродившихся младенцев — в абортарий, стариков — в крематории! И — как дулом сверху, чтоб ничего не росло и даже духом русским не пахло — экономической деградацией, «шоковой терапией», приватизацией, дефолтом и новыми «реформами смерти» (Д. Тукманов / Завтра, 1 окт. 2003).

Таким образом, метафорическое представление о преступной структуре политической системы в прошлом и настоящем страны, о масштабных полити-

ческих злоупотреблениях служебным положением в противозаконных целях, о бессилии правоохранительных органов изменить ситуацию в лучшую сторону формирует негативное восприятие будущего в сознании россиян.

Соотношение представленности фреймов модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ при создании образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе выборов депутатов Государственной Думы (2003) можно представить в виде следующей схемы.

Схема 5

Криминальная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов в России (2003)

– наиболее частотные фреймы

– фреймы, находящиеся на периферии

– фреймы не представленные / представленные единичными метафорами

Анализируя в своей работе агитационно-политические тексты, посвященные ситуации парламентских выборов в России, мы убедились в следующем: словоупотребления, в метафорическом значении характеризующие общественно-политическую жизнь страны в терминах криминала, занимают достаточно большое место в языке российских политиков и журналистов, благодаря чему актуализируется модель СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ. Указанная модель представляет собой детально структурированное образование, включая все фреймы при концептуализации прошлого, настоящего и будущего.

Центральную роль в реализации метафорического представления прошлого и настоящего страны играет фрейм «Быт преступников и их профессио-

нальная деятельность». Метафорические словоупотребления характеризуют правящую элиту как людей, презирающих законы, готовых пойти на все ради собственной выгоды, что противоречит фундаментальным ценностям любого общества, так как угрожает интересам простых граждан страны. При концептуализации будущего указанные наименования уходят на второй план: на какие нарушения закона толкнет изощренный ум привилегированных преступников, покажет только будущее.

Одной из самых распространенных источниковых сфер для создания образов прошлого и настоящего является также фрейм «Преступники и их специализация». Следует отметить, что политики прошлого чаще метафорически представляются как *убийцы, рецидивисты, террористы*, тогда как в настоящем преобладают концепты «воровства» и «обмана», реализующиеся через метафоры: *вор, грабитель, медвежатник, шулер* и др. Политический преступный мир значительно измельчал, и «мрачное настоящее» чуть светлее «страшного прошлого». Поскольку у каждого времени свои запросы (в том числе и в криминальной среде), какими именно будут преступники будущего – пока неизвестно.

Метафорические номинации, представляющие фрейм «Преступные сообщества и их структура», являются востребованными при описании прошлого страны и настоящей действительности. Соответствующие метафоры подчеркивают типовые прагматические смыслы «преступность», «иерархичность» общества, «несамостоятельность» политических деятелей. При обращении к образу будущего указанный фрейм представлен единичными метафорами.

Фреймы «Места лишения свободы и их обитатели» и «Милиция и охрана» находятся на периферии модели при концептуализации прошлого и настоящего. Это является свидетельством того, что, во-первых, по мнению наших современников, в прошлом и настоящем практически не существовало людей, которые оберегали покой граждан и следили за порядком в стране, а во-вторых, о том, что преступникам удалось избежать наказания. При моделировании образа будущего анализируемые фреймы выдвигаются на первый план, что, с одной стороны, соответствует логике развития модели: преступники прошлого и настоящего должны быть наказаны в будущем. С другой стороны, в функцио-

нальном плане номинации указанных фреймов используются для создания образа «ужасного будущего». Во-первых, сферой-мишенью метафорических наименований фрейма «Места лишения свободы и их обитатели», как правило, является Россия в целом, а во-вторых, метафоры фрейма «Милиция и охрана» приобретают негативный эмоциональный настрой при описании прогнозируемой общественно-политической ситуации, поскольку для множества поколений россиян любая мысль о борьбе – это прежде всего мысль о тюрьме, о бессудных казнях, о публичных расправах на площади, как во времена Грозного.

Показательно, что при метафоризации прошлого, настоящего и будущего отсутствуют номинации, принадлежащие фрейму «Жертвы преступников». Это говорит о том, что жертвой преступного правительства является сама страна, ее народ, сам избиратель, по сей день пожинающие горькие плоды преступлений прошлого и настоящего.

Принципиально важно также подчеркнуть следующее: распределение фреймов модели по шкале частотности при концептуализации прошлого и настоящего полностью совпадает. Это свидетельствует о том, что никаких изменений в лучшую сторону на протяжении стольких лет, по мнению наших соотечественников, не произошло, криминогенная обстановка в области политики статична и стабильна.

Как показал анализ криминальных метафор, для данной модели характерно преобладание негативного прагматического потенциала в составляющих ее контекстах. Концептуально указанные номинации ассоциируются с крайней степенью общественной опасности, с ярко выраженной криминогенностью, продуцируя отталкивающие образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего», «ужасного будущего».

В целом наблюдения показали, что метафора «преступного мира» имеет значительный вес в политическом дискурсе России при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего. Преобладание в исследованных текстах криминальных метафор с негативной оценочностью сигнализирует о серьезных деформациях общественно-политической жизни страны на данном этапе развития российского общества.

3.1.2. Темпоральные характеристики метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в британском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в британском политическом дискурсе. Представление прошлого страны как мира преступности не типично для британских текстов агитационно-политического характера периода парламентских выборов (2001). Криминальная метафора занимает девятое место среди моделей, использующихся при концептуализации прошлого Великобритании. Процент содержания метафор, описывающих общественно-политические реалии страны в терминах преступного мира составил 3,5% от общего числа проанализированных метафорических словоупотреблений (см. табл. 4 в приложении 2).

При анализе метафорической субмодели ПРОШЛОЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ нами не было выявлено наиболее частотных источниковых сфер, поскольку для образа прошлого характерны лишь отдельные наименования представленной понятийной сферы.

Однако даже использование единичных номинаций со сферой-донором «мир криминала», несомненно, влияет на общественную оценку ситуации в прошлом страны. Абсолютное большинство проанализированных метафор является оценочно-экспрессивным, выражая негативное восприятие адресантом прошлого Великобритании:

In 1830, the description «conservative» was first used to label this political movement, although the term «Tory» – from the Irish Gaelic word for «bandit» or «outlaw» – has remained in common use to this day (P. Gould // BBC World at One, March 4th 2001).

Показательно, что криминальные образы практически всегда несут негативную оценку реалий прошлых лет: чего можно ожидать от партии, находящейся у власти, если даже ее название имеет отношение к миру криминала. В сознании британцев указанные номинации ассоциируются с ярко выраженной криминогенностью:

During Labour's wilderness years, the party leadership passed first to the left-winger Michael Foot. A group of former ministers on the right of the party, the «gang of four», left Labour to found the Social Democratic Party. Labour's manifesto for the 1983 election was later described as «the longest suicide note in history» (P. Gould // BBC World at One, March 4th 2001).

Метафорические словоупотребления, относящиеся к данному фрейму, формируют у адресата представление о проникновении криминальных отношений во все сферы жизни британского общества, особо выделяя отсутствие в стране свободы, нравственную ущербность правящей элиты прошлых лет.

Таким образом, при моделировании прошлого криминальные метафоры, несмотря на свою малочисленность, несут концептуальный вектор противоестественности, нарушения сущности жизни британцев, основанной на свободе, правосудии и справедливости.

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в британском политическом дискурсе. Метафора «преступного мира» имеет определенный вес в политическом дискурсе Великобритании при обращении к образу настоящего, занимая четвертое место среди моделей, активно функционирующих в дискурсе парламентских выборов. В проанализированных текстах содержание криминальных метафорических словоупотреблений, использующихся для представления современной действительности, не превышает 5,6% (см. табл. 5 в приложении 2). Описываемая субмодель включает 76 метафорических словоупотреблений.

Наиболее частотными источниками метафорической экспансии являются следующие концепты исходной сферы:

- «Criminals' Way of Life and their Activities» – «Жизнь и деятельность преступников» (38,1%): *con-trick, crime, conspiracy that threatens democracy, the party whose political clothes you have just successfully stolen, Government ploy, to plot, to prepare knives, to sharpen knives, to bring the Labour Party into disrepute, to indulge in electoral sleight of hand, «stolen clothes», «stealth taxes», to steal, to snooker the Tories* и др. Метафорические наименования данного фрейма, проводя аналогию между политическими и экономическими отношениями, с одной стороны, и преступными действиями – с другой, формируют негативные прагматические смыслы, которые оживляют в сознании адресата ассоциативные признаки обмана, надувательства, воровства и мошенничества.

- «Police and other Crime-control Agencies» – «Полиция и охрана» (28,8%): *verdict, to find the prisoner guilty or not guilty, to deliver one's verdict, verdict on the government of the day, verdict on the opposition of the day, to summon smb., to*

hold smb. to account, to give smb. a life sentence, to escort (конвоировать), chief culprit, acquittal, court, jury, court of honour, Doomsday, Last Judgement, defendant, accused, to criminate, to defend, judge и др. Метафоры данного фрейма представляют государственные структуры как карательные органы, а связанных с ними деятелей – как судей, конвоиров и надзирателей, актуализируя ассоциативные семы «жестокости наказания», «невозможности дальнейшего развития» и даже «существования» отдельного политика и политической системы в целом. Примечательно, что для британских агитационно-политических текстов периода парламентских выборов очень актуален образ суда и процедур, связанных с ним. Это можно объяснить тем, что Англия (по убеждению британцев являющаяся матерью демократии) трепетно относится к законам и почитает их, считая свою юридическую систему весьма основательной и беспристрастной.

- «Correctional Institutions and their Clients» – «Места лишения свободы и их обитатели» (18,3%): *prison, jail, open prison, the prison gates clanged shut, prisoner, lifer, week into one's sentence, to write letters, to slop out, to allow out, to bear up well, to perform chores, to have certain privileges, to serve one's sentence, to be behind bars* и др. Метафорические выражения, относящиеся к данному фрейму, наделены ярко отрицательным прагматическим смыслом. Частота и продуктивность использования данных метафор навязывает адресату концептуальное видение самой станы и власти, которую представляет Парламент, как исправительного заведения со всеми его атрибутами, позволяя максимально «сгустить краски» при создании образа «мрачного настоящего» Великобритании.

Большинство лексических единиц со сферой-донором «мир преступности», использующихся для метафорической характеристики настоящего момента действительности, нагружено негативными оценочными коннотациями, актуализирующими фоновые семы «неправомерности, беззакония, ожесточенности, нецивилизованности»:

Peter Mandelson made his first Commons intervention yesterday since his acquittal. I say «acquittal» but an odd sort of acquittal it was. It took the form of the Prime Minister giving him a life sentence on the backbenches. Though the verdict has been questioned, Sir Anthony Hammond found him not guilty. But Mr. Blair said he would not rejoin the Government. So the prison gates clanged shut. He was escorted on to the Labour benches. The other prisoners at first hated him. But

by now he has probably won some of them over. Word went around that he used to be a politician. After a while, he began to perform such chores for his fellow backbenchers as writing letters for them and arranging British passports for those who were Asians. They now think he is a good sort. Fortunately, life for a backbencher is not as grim as it once was. Slopping out has been almost abolished. The Government's majority is so big that no snap vote could defeat it. Thus backbenchers are constantly allowed out. In fact, the Government would rather they were out all the time. Ministers and whips do not care about the danger to society of having lots of MPs on the streets with nothing much to do. One week into his sentence, Mr. Mandelson was bearing up as well as could be expected. Like all lifers, he has certain privileges. He is encouraged to serve much of his sentence at Hartlepool open prison. When he rose yesterday, during education and employment questions, he received a huge cheer. Sadly for him, it was from the Tories. Government loyalists remained silent and wary (F. Johnson // The Daily Telegraph, March 16th 2001).

Средством выражения негативной оценочности помимо используемой пейоративной лексики, обозначающей отступления от социальных норм, является контекстуальная поддержка криминальных метафор путем пояснения, развертывания метафоры в тексте: действия членов Парламента подчиняются логике развертывания и саркастически переосмысливаются в рамках исходной понятийной сферы.

Негативная оценка современной действительности, вызванная ассоциациями с криминальным характером явления, поддерживает неприятие адресатом существующей общественно-политической ситуации, моделируя в сознании избирателя сюрреалистическую картину «мрачного настоящего»: жителями страны, которая является колыбелью западной демократии, управляют преступники, осужденные и находящиеся в местах лишения свободы. Попраение философских постулатов, на которых базируется национальная картина мира, вызывает бунт в душе британцев, общественными добродетелями которых издавна считаются свобода и равенство всех людей перед законом [Сноуман 1977].

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ в британском политическом дискурсе. В агитационно-политическом дискурсе «Выборы в Парламент – 2001» криминальные образы занимают шестое место среди метафорических моделей, востребованных при прогнозировании будущего Великобритании. Номинации с указанной сферой-источником

набрали 4,4% от общего числа проанализированных метафор (см. табл. 6 в приложении 2).

В результате когнитивно-дискурсивного исследования метафорической субмодели БУДУЩЕЕ – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ не обнаружено наиболее частотных фреймов, метафоры которых активно используются для моделирования образа будущего.

Абсолютное большинство метафор, использующихся для создания образа будущего, формирует негативное восприятие последующего развития событий:

Imagine if Mr. Hague were foreman of a jury. «And do you find the prisoner guilty or not guilty?» He'd say: «Not guilty for the first five years, but guilty after that.» Mr. Hague is not a silly man, the reason he has a silly policy is that it is the only way to disguise the divisions in his divided party. He does the splits to hide the splits. But that is not to say we should tamely tolerate Europe as it is (Ch. Kennedy // Speech to the Scottish Liberal Democrat Conference, March 31st 2001).

Метафора «суда присяжных», характерная для британского политического дискурса, является исторически обусловленной, поскольку корни возникновения «классического» суда присяжных уходят в глубь многовековой истории государства: Великобритания стала первой страной, где возник этот институт в его современном понимании, именно здесь с установлением буржуазного строя были упрочены суды присяжных и расширена их компетенция. Прагматические смыслы подобных высказываний сводятся к следующим: в будущем состоится честный и справедливый суд над «мрачным настоящим»; неприятная, но необходимая процедура:

With the party seemingly crashing to a second election defeat in the early hours of Friday morning, it would appear that the Hague era has failed to shift public perceptions of the Conservatives. The next months are likely to be dominated by a debate over the party's direction. A main factor in what happens will be the inquest on the election (R. Shrimley // FT, June 7th 2001).

В центре эмоциональных состояний, на формирование которых направлен концептуальный вектор криминальной метафоры при обращении к образу будущего находится отрицание сложившейся системы власти, негодование, осознание острой необходимости перемен.

Несмотря на то что в основе использующихся номинаций лежит представление о том, что любой преступник независимо от его общественного положения и социального статуса должен быть наказан, метафоры модели СТРА-

НА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ ориентированы на эксплуатацию смыслов «непредсказуемости», «неправомерности» действий политической элиты, что работает на создание образа тревожного «ужасного будущего».

Корреляцию фреймов криминальной метафорической модели, востребованных при создании образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе выборов в Парламент Великобритании (2001) иллюстрирует схема 6.

Схема 6

Криминальная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов в Великобритании (2001)

Проведенный анализ показал, что концептуализация прошлого, настоящего и будущего государства посредством криминальной метафоры, раскрывающей глубинные пласты осмысления, понимания основных концептов политики населением Великобритании, представляет собой малопродуктивное понятийное поле в британских текстах предвыборной агитации. Описываемая метафорическая модель не является детально структурированным образованием в британском политическом дискурсе. Иными словами, метафора «преступного мира» носит скорее окказиональный, чем системный характер, в частности при метафорическом представлении прошлого и будущего страны.

При моделировании образа настоящего метафорически употребленная лексика тематической сферы «криминал» проявляет потенциал к активизации и

развертыванию. Это объяснимо тем, что указанная метафорическая модель становится особенно продуктивной в случае, когда необходимо воздействовать на общественное сознание, что обусловлено прагматическим потенциалом составляющих ее метафорических словоупотреблений. Так, в метафорических наименованиях фреймов «Быт преступников и их профессиональная деятельность», «Полиция и охрана», «Места лишения свободы и их обитатели», частотных при моделировании современной действительности, формируются прагматические смыслы об отсутствии в Британии спокойной, размеренной политической и общественной жизни. Чувство страха, необходимости изменить ход вещей, мотивация активной деятельности, столь востребованные в ситуации выборов, заложены в прагматический потенциал анализируемых метафор.

Очевидно, что несмотря на малочисленность наименований со сферой-источником СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ, рассматриваемые метафоры несут негативную эмотивную окраску, создавая нелюбимые образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего».

Корреляцию фреймов модели и образов прошлого, настоящего и будущего, создаваемых в рамках криминальной метафорической модели в дискурсе двух стран, можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 9

Соотношение наиболее частотных фреймов криминальной метафорической модели и образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе России и Великобритании

	Россия		Великобритания	
Прошлое	Быт преступников и их профессиональная деятельность. Преступники и их специализация. Преступные сообщества и их структура.	«страшное»	Не выявлено	«страшное»
Настоящее	Быт преступников и их преступная деятельность. Преступники и их специализация. Преступные сообщества и их структура.	«мрачное»	Быт преступников и их профессиональная деятельность. Полиция и охрана. Места лишения свободы и их обитатели.	«мрачное»
Будущее	Места лишения свободы и их обитатели. Милиция и охрана.	«ужасное»	Не выявлено	«ужасное»

Результаты проведенного сопоставительного анализа метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ показывают, что рассматриваемые метафоры не являются конвенциональным средством концептуального представления прошлого, настоящего и будущего для носителей российской и британской лингвокультур: обращение к криминальной источниковой сфере носит системный характер в российском политическом дискурсе и единично при характеристике общественно-политических реалий прошлого и потенциального будущего Великобритании, метафорические номинации указанной источниковой сферы проявляют потенциал к активизации только при моделировании образа настоящего страны.

При обращении к образу прошлого страны в российском политическом дискурсе активно функционируют номинации фреймов «Быт преступников и их профессиональная деятельность», «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура», создающие яркий негативный эффект: Россия в «страшном прошлом» – это государство, где единственной реальной властью являлась власть коррупции, где царили хаос и разложение, где смыслоформирующим и смыслоуничтожающим фактором был страх. Наименования указанных источниковых сфер актуализируют концептуальные векторы тревожности, опасности, агрессивности, противоестественности существовавшего положения дел. Подобные высказывания не характерны для британской политической коммуникации, однако, несмотря на низкую частотность, криминальные образы актуализируют в общественном сознании негативное оценочное суждение о прошлом Великобритании.

Политический дискурс России и Великобритании объединяет тенденция к частотному использованию криминальной метафорики при моделировании настоящей действительности. Наиболее активны в дискурсе двух стран метафорические словоупотребления сферы-донора «Быт преступников и их профессиональная деятельность», тогда как расхождения в предпочтениях русских и британцев заметны на уровне других частотных фреймов. «Мрачное настоящее» России пронизано криминальными отношениями: нынешние правители, переняв опыт своих предшественников, продолжили традицию безответствен-

ности перед нацией. Выстраивая шаткий порядок, основанный не на принципах, а на страхах, дали волю преступникам всех мастей, которые, проникая во все поры общества, творят с народом все, что пожелают. В «мрачном настоящем» британского общества также царит аморальность и деградация. Парламент, издавна являвшийся стержнем государственной жизни страны, населяют разного рода преступники, тюремные надзиратели и заключенные, в руках которых судьба страны – прошлое, настоящее и будущее ее народа. Метафоры, используемые в дискурсе двух стран для концептуализации настоящего, формируют типовые прагматические смыслы народного страдания, кризиса политических и экономических отношений, социального неблагополучия.

Интересно отметить, что сферы-источники метафорической экспансии «Полиция и охрана», «Места лишения свободы и их обитатели», типичные для моделирования образа настоящего Великобритании, в российском дискурсе выдвигаются на первый план только при прогнозировании будущего. Если в британском политическом дискурсе сферой-мишенью наименований фрейма «Места лишения свободы и их обитатели» в абсолютном большинстве случаев является правительство, то в дискурсе России это сама страна. Метафорическое будущее России «ужасно»: те, кто призван охранять покой граждан и следить за порядком в стране, потворствуют преступникам, разгуливающим на воле, а в местах заключения за грехи власть предержащих отбывает пожизненный срок русский народ. Представление будущего в рамках криминальной модели не типично для политического дискурса Великобритании, тем не менее немногочисленные метафорические единицы со сферой-источником «мир преступности» работают на создание образа «ужасного будущего» страны.

Представленный материал свидетельствует, что отрицательные коннотации, связанные с криминальной средой, преступлениями, ущербом, наносимым государству, более масштабно представлены в российских текстах предвыборной агитации, что обусловлено рядом дискурсивных факторов. Обострение политической борьбы, нарастание социальных и экономических коллизий в постсоветской России привело к активизации метафорических моделей с сильными векторами тревожности, в том числе криминальной метафоры. Высокая употребительность и широкие возможности в развертывании рассматриваемой ме-

тафорической модели, видимо, связаны с тем, что неудовлетворительный экономико-правовой аспект жизни государства, реальное обострение криминогенной обстановки в обществе наталкивают на понимание, осмысление и структурирование общественно-политической жизни на основе концепта «преступность». Вместе с тем отсутствие уважения к закону и свободе личности [Шаова 2005: 36], свойственное русскому национальному самосознанию, привело к определенной реабилитации и эстетизации уголовного мира как теневой, альтернативной среды, что также способствует частотности и некой традиционности криминальной метафоры в отечественном политическом дискурсе.

В британском дискурсе «Выборы в Парламент – 2001» негативные смыслы актуализируются лишь в период противоречий и конфронтаций. Равенство всех граждан перед законом, законопослушность британцев, высокий уровень правосознания обуславливают меньшую частотность криминальной метафоры, что указывает на общую тенденцию более позитивного восприятия прошлого, настоящего и будущего страны; в частности, британцы не считают свою страну преступной в прошлом и не связывают ее будущее с криминальным миром.

Таким образом, криминальная метафора является специфичной для российских текстов предвыборной агитации периода парламентских выборов и менее востребована при создании образов прошлого, настоящего и будущего Великобритании, что подтверждает теснейшую взаимосвязь языка и традиций, культуры, национального самосознания, менталитета, истории народа.

3.2. Метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в темпоральном аспекте: национальная специфика российского и британского дискурса

Театральная метафора относится к числу наиболее частотных моделей при моделировании прошлого, настоящего и будущего в британском политическом дискурсе парламентских выборов (2001), будучи менее востребованной в агитационно-политических текстах, посвященных ситуации выборов депутатов Государственной Думы России (2003). Отмечают, что истоки восприятия мира как театра восходят к Шекспиру [Кузьмина 1999]. «Жизнь есть театр» – девиз целой эпохи, формула, ставшая определяющей не только для понимания театра, но и для трактовки общественно-политической жизни страны. Широкое рас-

пространение и употребление театральной метафоры в современном политическом дискурсе связывают, во-первых, с особенностями современных политических кампаний, во-вторых, с развитием СМИ. По мнению политологов, усиление тенденции к стиранию границы между программой новостей и развлекательным шоу привело к популяризации политики, к распространению, так называемой «символической политики» или «политики театра», «основанных на образах или имиджах политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев 1994: 389].

Изучению функционирования театральной метафоры в сфере политики посвящены многочисленные работы отечественных ученых (Баранов, Караулов 1993, Григорьева 2001, Иссерс 1997, Каслова 2003а, Кузьмина 1999, Санцевич 2003, Соколовская 2002, Феденева 1997, Чудинов 2001с, 2003b, 2004, Шейгал 2000 и др.) и зарубежных лингвистов (Anderson 1990, Boje 2003, Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995, Edelman 1964, 1988, Freeman [http](#), Freie 1997, Jestrovic [http](#), Lyman, Scott 1975, MacIntyre 1990, Manning 1996, Merelman 1969, Mount 1972 и др.).

Метафора «театра», являясь образным средством, как никакая другая подходит для описания мира политики [Санцевич 2003: 111], помогая журналистам найти подходящее метафорическое обозначение политических реалий прошлого, настоящего и будущего. При характеристике метафорической модели и ее составляющих в настоящей диссертации используется фреймо-слотовая структура, предложенная в монографии А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [Чудинов 2003b]. Исследователь выделяет следующие фреймы рассматриваемой модели: «Вид зрелища и жанры представления», «Люди театра», «Публика и прием, оказываемый спектаклю», «Элементы представления», «Театральное здание и театральный реквизит» [Чудинов 2003b: 113–121].

Театр как сфера-источник метафорической экспансии создает великолепные условия для реализации эмоционального заряда метафоры. Слова-символы театрально-лексической группы относятся к единицам, которые служат повышению экспрессивности, для них характерно «постоянное переворачивание, перемешивание плохого и хорошего, высокого и низкого, смешного и печаль-

ного» [Плуцер-Сарно 1999]. С одной стороны, негативная оценочность театральных метафор в политике предугадывается со стопроцентной вероятностью, поскольку в публицистике они эксплуатируют эксплицитную составляющую общей энергии, подчеркивая стереотипные смыслы – «двуличие», «фальшь», «несамостоятельность» современных политических фигур [Кузьмина 1999: 209]. Прагматический потенциал указанной метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности [Чудинов 2003b: 114]. Акцентируя внимание адресата на идее постановочности, лицедейства, игры на публику [Каслова 2003а: 91], коннотативно нагруженные номинации со сферой-донором «театр» продуцируют образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего». С другой стороны, театральную метафорику не следует рассматривать только как «средство выражения негодования и возмущения» [MacIntyre 1990]. Изменение оценочной тональности достигается путем использования метафор с разнонаправленными концептуальными векторами, поскольку «театр» может символизировать не только лживость и несерьезность, но также благородство и величие прошлого, настоящего и будущего мира политики, где чувство «обманутости» сменяется уважением к профессионализму «актеров», которые воплощают этот обман в жизнь [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 378].

«Театральное измерение», включающее состав актеров, публику, сценарий, театральное действие [Freie 1997: 728], не только помогает понять сложные взаимоотношения людей, мир, в котором мы живем и который мы создаем [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 383], но и, «отбирая из всего многообразия определенные символы и символические действия» [Manning 1996: 262] политических актеров, срывает маски, разоблачая «инсценировки мнимого политического мира» [Dieckmann 1981: 271].

Рассмотрим подробнее метафорическую модель ЖИЗНЬ – это ТЕАТР и особенности ее реализации при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего в британском и российском политическом дискурсе парламентских выборов.

3.2.1. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в британском политическом дискурсе.

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это ТЕАТР в британском политическом дискурсе. Концептуальная сфера-донор «театр» оказывается источником метафор, способных образно представить британские реалии прошлого – 4,7% (см. табл. 4 в приложении 2), являясь наиболее востребованной при апеллировании к «правлению Дж. Мейджера» – 12,1% (см. табл. 4 в пункте 1.3.2). Всего зафиксировано 12 метафорических словоупотреблений.

При обращении к образу «прошлого» в британских периодических изданиях особенно частотными являются следующие фреймы модели:

- «Theatre staff» – «Люди театра» (50%): *leading role, to learn the part, to play the king, one's unmasking, revolving door scenario, script*. Рассматриваемые метафорические словоупотребления объединяют негативные ассоциативные смыслы, связанные с оценкой субъектов политики как людей, живущих в мире, лишь воссоздающем реальную действительность. Многообразие ролей и их искусное исполнение ведущими политиками прошлого еще раз доказывают, что очень часто не политика копирует театр, наоборот, «театр неумело подражает политике» [Musil 1930, цит. по: Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 389].

- «Kinds and genres of show» – «Вид зрелища и жанр представления» (41,6%): *political theatre, significant performance, off-the-cuff performance, tragedy, Whitehall farce*. Политическая деятельность прошлого представляется лишь как последовательность спектаклей [Edelman 1988: 54], разнообразных по жанру и форме представления, но единых по содержанию. Употребленные в разнообразных контекстах метафоры указанного фрейма содержат отрицательные оценочные смыслы, так как вызывают ассоциации театральности и зрелищности описываемых событий. Подобные коннотации коррелируют с акцентуацией периферийных смыслов «постановочности», «лживости», «нереальности» общественно-политической жизни минувших лет.

Таким образом, представляя прошлое страны, как некое театрализованное действие, метафорика с исходной понятийной сферой «театр» обнажает внешнюю сторону политических процессов:

Time and again it has been Mr Prescott who has been called upon to reassure wavering and disillusioned supporters that there is still a socialist heart beating somewhere in New Labour...Probably his most significant performance came before Tony Blair's time when previous leader John Smith relied on him to win a controversial conference vote to end the union block vote. It had even been claimed that Mr Smith could resign if he lost the vote. But Mr Prescott saved the day with an off-the-cuff performance full of emotion and Old Labour style rhetoric (N. Assinder // BBC World at One, May 17th 2001).

Наименования с источниковой сферой «театр» актуализируют периферийные семы «ненатуральности», имитации политической действительности, несут негативный прагматический потенциал, усиливая неуважительное отношение электората к субъектам политики прошлого и их деятельности:

There was a time when Liberal party conferences were delightfully shambolic affairs. Suits and ties were few, the props all looked hand built and had a tendency to collapse at the most inappropriate moment, and the delegates paid scant attention to the far-reaching wishes of their leaders. But with the emergence of the Alliance, then the Liberal Democrats, all that changed to be replaced with a slicker, more professional approach to the business of politics. The party's rallies started to look like conventions for dentists or opticians (P. Gould // BBC World at One, May 15th 2001).

Концептуальные метафоры «театра», нагруженные пейоративными коннотациями, направлены на эскалацию негативных эмоций, ощущения обмана и лицемерия, царивших в «страшном прошлом», которое напрямую связано с настоящим моментом действительности: чем ближе к современности, тем сильнее становится вектор неискренности, наигранности и срежиссированности политических действий.

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это ТЕАТР в британском политическом дискурсе. Театральная метафорическая модель является одной из доминирующих в политическом дискурсе Великобритании, занимая второе по частотности место в агитационно-политических текстах, посвященных всеобщим выборам в Парламент 2001 года (11,9%) (см. табл. 5 в приложении 2). Образы театра регулярно встречаются при моделировании как «ограниченного настоящего», самой избирательной кампании – 12,6%, так и «продолженного настоящего» – 10,6% (см. табл. 4 в пункте 1.3.2). К данной субмодели относится 163 метафорических наименования.

В британском политическом дискурсе метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это ТЕАТР включает все составляющие сферы-донора «театр», однако наиболее востребованными являются метафорические наименования со следующими исходными смыслами:

- «Theatre staff» – «Люди театра» (37,4%): *Mr. Humble, Mr. Angry and Mr. Snooty: three characters in search of a drama, superb actor, entertainers, star, performer, to go on stage, to play an infinite number of roles, to play «hard cop, soft cop», to serve an important role, to act one's role, to play servants, to sing, to dance, it takes two to tango, to disguise, rehearsal, dress rehearsal, to mount, pre-tested script, «one's own script» for this election, Doomsday scenario* и др. Указанные метафорические наименования особенно широко употребляются для характеристики настоящего момента действительности, представляя его как действие, в котором участники ведут себя на сцене согласно приписываемым им амплу в постановке. Задачей первостепенной важности для каждого политика является создание своего имиджа – «маски», на которую реагирует электорат, из этого вытекает необходимость в совершенстве знать роль, предписанную сценарием. Концепт «роль» подчеркивает статичную, формальную, ритуальную сторону [Davies, Harre 1991: 57] общественно-политической жизни страны. Однако личность политика и роль, которую он исполняет, должны представлять собой единое целое – социальный и психологический типы обязаны полностью совпадать [MacIntyre 1990: 29]. Любое несоответствие, замеченное электоратом, вызывает негодование, чувство обманутости и имитации политической реальности.

- «Kinds and genres of show» – «Вид зрелища и жанр представления» (28,4%): *performance, spectacle, soap-box, fact and fiction of Labour's performance, truly paltry performance, spectacle of Michael Portillo under fire, extraordinary spectacle, campaign knockabout, farce, farce of the election, magical farce, pre-election slapstick, drama, drama of Westminster and Whitehall, unscripted drama, cartoon politics, travesty* и др. Метафоры, составляющие рассматриваемый фрейм носят эмоционально-оценочный характер, характеризуя настоящее как смесь представлений различных жанров, среди которых преобладают фарс и драма. Жанровые особенности зрелищных видов искусства коррелируют со

спецификой метафорических номинаций. Политические деятели, превращая драму настоящего в фарс своей избирательной кампании, забывают о том, что фарс – жанр непростой не только в театре, но и в жизни: малейший перебор – и пикантность обернется пошлостью, острота – натужным комикованием, игра на штампах – скукой [Калягин <http>]. Очевидно, что такого рода метафорические словоупотребления несут негативную эмотивную окраску, их многочисленность работает на создание образа «мрачного настоящего», пронизанного ложью, фальшью и притворством.

- «Theatre Hall and Properties» – «Театральное здание и театральные реквизиты» (12,3%): *British political scene, the British political arena, scenes, backstage, behind the scenes, in the wings, scenery, theatre dimmer, props, masks, political backdrop, costumes, the greasepaint* и др. Посредством метафоры данного фрейма на первый план выходят значения зрелищности, наглядности, эффективности политической борьбы. Помимо этого, из представленных примеров становится ясным, что несмотря на то, что основное действие происходит на сцене театра, часть работы проводится вне поля зрения публики: многие важные решения принимаются «за кулисами», тайно, зачастую даже без ведома участников театрализованного представления и тем более его зрителей.

Использование номинаций источниковой сферы «театр» эксплицирует разочарование постоянно играющим, неискренним, лицемерным миром, где «притворство и есть единственная реальность» [Моэм 2001: 286]:

Mr Humble, Mr Angry and Mr Snooty: three characters in search of a drama. Can Messrs Humble, Angry and Snooty inject the missing drama into this election? Not if voters conclude that they are hamming up their parts. In real life, the easygoing Mr Kennedy is not snooty; the equable Mr Hague is seldom angry; and the humility of Mr Blair is not invariably the first attribute that people remark in the prime minister. Nor are the parties as far apart on policy as their electioneering pretends (The Economist, May 12th 2001).

В «мрачном настоящем» каждый играет роль в соответствии со своими интенциями и задатками. Причем речь идет не только о социальных ролях, но и о нравственной позиции, поскольку, «используя метафору театра», политические лидеры очень часто «пытаются театрализованно представить разницу» [Воје 2003] их программ, взглядов и намерений. Создаваемый каждым политиком «характер, типаж, в сущности, узаконивает определенный образ жизни об-

щества» [MacIntyre 1990: 29], что нацелено на привлечение «своего» электората. Политический театр, как и любой другой, нуждается в благодарной аудитории, которая знает и чутко реагирует на многочисленные подтексты инсценируемой пьесы. Как и в театре реальном, здесь важна обратная связь, отношения «актер – зритель», отсутствующие в политическом театре настоящего Великобритании:

But there's another, more potent danger. Without reason to listen to what the parties are saying, the minds of both the public and the media become more fascinated by the scenery, the props, the greasepaint, lighting and stage direction. Can you remember the content of Tony Blair's speech at the school in south London or only the prayer book and surprised 11-year-olds' faces? Can you remember the content of Labour's opening party broadcast, or only that it had a Spice Girl in it? Without the imperative to listen in order to decide, we are drawn to observe the way things are done (The Observer, May 20th 2001).

Таким образом, из всего множества смыслов, вкладываемых в формулу «Жизнь – это театр» предшествующими эпохами (творческого начала, быстротечности жизни, скорой ответственности за свершенное, радости и т. д.), метафоры «театра» впитывают в себя только негативные: с яркой, порой резкой отрицательной оценкой, моделируя образ «мрачного настоящего» Великобритании.

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это ТЕАТР в британском политическом дискурсе. В политическом дискурсе Великобритании наименования со сферой-источником метафорической экспансии «театр» занимают пятое место в числе наиболее частотных моделей при моделировании образа «будущего» – 5,1% (см. табл. 6 в приложении 2), театральные образы не входят в тройку самых частотных моделей при метафоризации периодов будущего. Представленная субмодель насчитывает 23 метафорических словоупотребления.

Понятийное поле «театр» включает все составляющие модели при прогнозировании будущего, особенно активными являются метафорические словоупотребления следующих фреймов:

- «Theatre staff» – «Люди театра» (43,5%): *cast, character, to play the part, whatever part the personal qualities of Blair, Hague and Kennedy play, to have one's own favourite tunes, to sing new songs, to take centre stage, vital staging post, re-*

hearsal, uncertain future parliamentary scenarios. Указанные метафоры акцентируют лицемерие участников политической жизни, лживость предвыборных обещаний, наличие тайных режиссеров и сценаристов в политической жизни страны, предрешенность результатов избирательной кампании, а значит, и будущего в целом, что способствует представлению и восприятию образа будущего в темном свете.

- «Kinds and genres of show» – «Вид зрелища и жанр представления» (28,1%): *performance, repeat performance of 1997, theatrical performance, spectacle, future show, drama*. Подобные метафоры опираются на такие базовые семантические компоненты, как зрелищность, публичность, искусственность, которые позволяют обобщить будущую политическую ситуацию в стране, не конкретизируя ее и не вдаваясь в детали. Это, с одной стороны, снимает определенную ответственность с адресата в том случае, если его прогнозы окажутся не верны, с другой – навязывает адресанту видение будущего в темных красках.

Осмысление образа будущего в театральных терминах ведет к активизации концептуального вектора, отражающего типовые представления о двуличии, неискренности участников политической жизни, и вместе с тем к осознанию неизбежного и печального финала разыгрываемой пьесы:

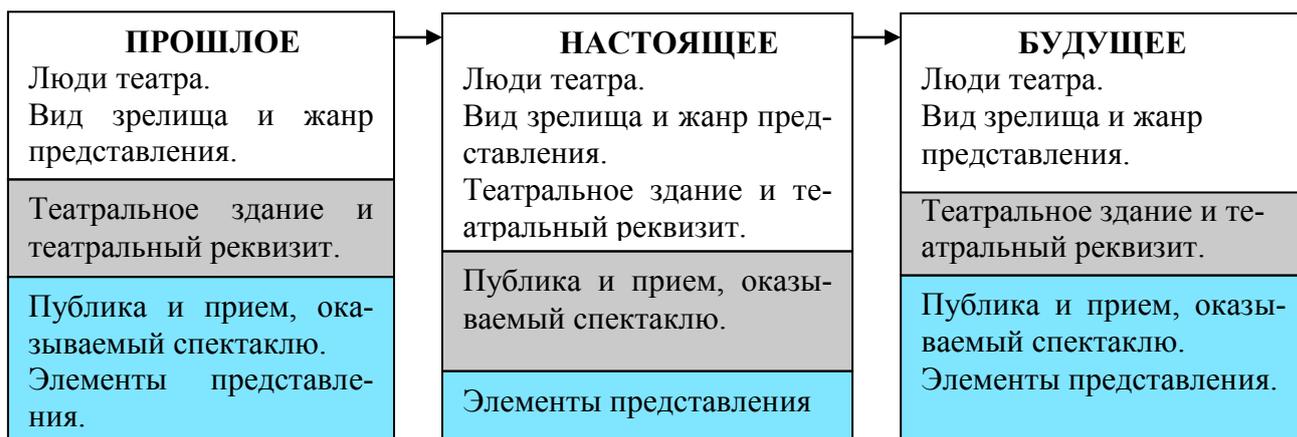
*Tony Blair promised a new life for Britain, he told us all we deserved better. Well, everyone in Britain deserves better than they have got from him. He has given us higher taxes, a rise in violent crime and chaos in our asylum system. Now he stands in front of the country and says he wants not so much a second term, as a second chance. If what has gone before is supposed to have been a rehearsal, the people of this country cannot afford to live through the final act (W. Hague // *conservatives.com*, May 3rd 2001).*

В целом при обращении к будущему в британской периодической печати преобладают метафоры с негативной оценочностью, моделирующие образ нереального, надуманного, лживого будущего.

Корреляцию фреймов модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР, использующихся при концептуализации прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе парламентских выборов в Великобритании (2001), иллюстрирует схема 7.

Схема 7

Театральная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов Великобритании (2001)

– частотные фреймы

– фреймы, находящиеся на периферии

– фреймы, не представленные / представленные единичными метафорами

Проведенный анализ показывает, что в агитационно-политических текстах, освещающих предвыборную кампанию Великобритании, активно функционируют словоупотребления театральной источниковой сферы. Метафорическая модель «театра» в британской прессе детально проработана и включает все фреймы при образном представлении прошлого, настоящего и будущего страны.

Самым частотным при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего является фрейм «Люди театра», представляющий политическую элиту Великобритании как ведущих актеров, исполнителей главных ролей, действующих по определенному сценарию и указке режиссера. Возможно, частотность указанных номинаций объяснима тем, что и в реальном «английском театре основное внимание всегда уделялось личности героя, именно она являлась главной составляющей сюжета» [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 391], именно она определяла его развитие и возможный финал, счастливый или печальный. Но в отличие от театральных спектаклей, «выступления политических актеров – это не проявление их личностных качеств, а демонстрация профессионализма» [там же], актерского мастерства.

Чуть менее частотны при концептуализации прошлого, настоящего и будущего наименования источниковой сферы «Вид зрелища и жанр представления». Причина активного использования указанных метафор – во «всевозрастающей театрализации политики, где все события расписаны по сценарию и поставлены для массового потребления и где политики и партии борются за главные роли (или по крайней мере за эпизодические)» [Anderson 1990: 5]. Театральность политики, являющаяся естественной и неизбежной чертой современности, создает ощущение неподлинности и излишней карнавальности событий прошлого, настоящего и будущего, находящихся в центре общественного внимания.

Метафорические словоупотребления, представляющие фрейм «Театральное здание и театральный реквизит», востребованы при создании образа современной действительности, дополняя картину «мрачного настоящего» различными театральными атрибутами, которые помогают политикам скрыть их подлинные дела и истинное лицо при помощи красноречивых фраз и красивых поз. При обращении к образам прошлого и будущего указанные номинации находятся на периферии.

Самыми малочисленными при моделировании прошлого, настоящего и будущего являются фреймы «Элементы представления», «Публика и прием, оказываемый спектаклю». Использование названий элементов представления в качестве «темпоральных репрезентантов, актуализирующих семантику «начала» и «завершения» [Каслова 2003а: 85], не характерно для британских политических текстов, цель которых – указать на то, что все политические процессы, независимо от количества актов, действий, антрактов и реприз – это игра на публику, обязательными составляющими которой являются ложь и зрелищность. Зрителю-избирателю уготована роль простого наблюдателя, который никак не может изменить ход спектакля. Если в реальной жизни публика может не принять не понравившийся ей спектакль, то в политической жизни она ведет себя достаточно скованно и апатично, о чем свидетельствуют заголовки периодических изданий:

Apathy is biggest threat to Labour (The Daily Telegraph, January 9th 2001); Apathy could cost 60 seats, says Blair (The Daily Mail, January 26th 2001); A strong case of election apathy

(*BBC World at One, June 5th 2001*); *Apathy or antipathy?* (*BBC World at One, June 1st 2001*); *I'm bored with the Apathy Party* (*The Observer, May 13th 2001*); *Champagne and ashes. Celebrate victory, be alarmed by apathy* (*The Guardian, June 7th 2001*).

Отсутствие лексем со значением большей степени недовольства свидетельствует о том, что народ, заранее зная предрешенный финал театрального действия, не ощущает себя в силах пойти против навязываемых ему политических решений.

Следует отметить, что распределение фреймов модели по шкале частотности при концептуализации прошлого, настоящего и будущего полностью совпадает, что позволяет говорить о традициях британской политической сцены, приоритетах и предпочтениях политического театра.

В целом рассмотренный материал в полной мере иллюстрирует мысль об особой значимости концептуального вектора притворства, фальши, неискренности, лицемерия, который пронизывает образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего» Великобритании в рамках театральной метафоры. Среди «бесконечных связей театра и политики» [Jestrovic http] политическая метафора выбирает только нагруженные отрицательными коннотациями.

3.2.2. Темпоральные характеристики метафорической модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе

Метафорическая субмодель ПРОШЛОЕ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе. Метафора «театра» менее распространена в российском политическом дискурсе, она занимает лишь девятое место при обращении к образу прошлого страны, что составляет 2,5% от корпуса проанализированных метафорических словоупотреблений (см. табл. 1 в приложении 2), тем не менее театральная метафорика лидирует при моделировании «досоветского периода» прошлого России – 37,5% (см. табл. 1 в пункте 1.3.1).

Несмотря на то что при анализе российского политического дискурса не выявлено продуктивных сфер-источников метафорической экспансии, используемых при описании общественно-политических реалий минувших лет, отмечено, что ретроспективные метафоры содержат богатый прагматический по-

тенциал: их оценочная градация колеблется от нейтральной и позитивной до ярко выраженной негативной. Интересно, что нейтральные и положительно окрашенные метафоры доминируют при обращении к образу «отдаленного прошлого»:

При всей ностальгии по Брежневу тогдашнее отношение к нему и к его эпохе было таково, что страну кинулись разрушать с небывалой энергией. Господи, таких ли еще персонажей Россия терпела и делала вид, что любила! Россия — не Америка, у которой с 1776 года есть демократическая традиция. В России даже революций было гораздо меньше, чем, скажем, в той же Франции. У народа нет традиции самому решать свою судьбу — он ждет... (Э. Лимонов // Собеседник, 18 нояб. 2003).

Наша страна во все времена (и при татаро-монголах, и при царском правлении, и при большевиках) отличалась жесткой концентрацией власти, сильной ролью государства, мобилизационным типом экономики (С. Пономарев // Завтра, 8 окт. 2003).

В приведенных контекстах театральные метафоры подчеркивают такие особенности русского национального характера как надежда на чужую помощь, безынициативность, терпение, культ «сильной руки» [Шаова 2005: 36], поэтому «даже века рабства и насилия не уничтожили веры в царя» [Абульханова 1999: 10], в доброго и справедливого правителя, который сыграет в судьбе России решающую роль.

При концептуализации «недавнего прошлого» эмоциональная окраска метафорических номинаций меняется, становясь отрицательной:

Мы сражались, чтобы базы Америки не расплзлись, как раки, по всей Средней Азии, не угнездились в Прибалтике, и русский Президент не выглядел скomorохом, приглашаемым для потехи в Кемп-Дэвид. Мы встали на баррикадах, чтобы Родина своим духом и разумом устремлялась в познание, открывала великие, заложенные в Мироздании истины, а не корчилась, оглуляемая развратниками и шутами, министрами-матерщинниками, погружаясь в мракобесие и покорную тупость (А. Проханов // Завтра, 1 окт. 2003).

Сквозь призму театральной метафоры каждый результат деятельности Б. Н. Ельцина оценивается как лживый, искусственный, наигранный. Именно «ельцинская демократизация» внесла черты карнавальности в политическую жизнь страны, публичная сторона которой ранее была абсолютно ритуальной [Чудинов 2003b: 114]. До ельцинской эпохи право на риторическую стратегию на протяжении семидесяти лет было узурпировано одной партией, и тексты, озвучиваемые с политической трибуны, по определению не должны были обна-

руживать образ автора (это был голос партии, и ответом ему был глас народа) [Иссерс 1999: 72]. Даже в современных публицистических текстах представление «советского прошлого» тяготеет скорее к военной, морбиальной, механистической метафоре, нежели к театральной, «определившей эпоху Ельцина» [Кузьмина 1999: 209]. Активизация театральных метафор в отечественной прессе приходится на время, когда перед аудиторией возникли самостоятельные политические деятели с яркой индивидуальностью и стилем общения: М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Собчак, В. Жириновский и др. Это объяснимо тем, что театрализация политического лидера возможна только «в подобном же театрализованном контексте. Невозможно появление реальной фигуры в театрализованном контексте, как и театрализованной фигуры в реальном контексте» [Почепцов 2002: 286]. Помимо этого, взаимосвязь театра и театрализации политической деятельности значительно зависит от того, насколько политическим является сам театр в заданном социально-культурном контексте. История института театра в Восточной Европе, по крайней мере, в коммунистическую эпоху, знает примеры запрещенных спектаклей и неугодных артистов, арестов театральных исполнителей за слишком смелые намеки на злободневные политические темы, а также публики, всегда готовой поддержать и аплодировать подобному «низложению» [Jestrovic [http](http://)]. Но времена меняются: отечественный театр все менее зависим от политических предпочтений сильных мира сего, чему свидетельством является абсолютная свобода слова, многообразие театральных форм и жанров, тогда как политический мир становится все более зависимым от театра.

Таким образом, при характеристике прошлого театральная метафорика, гибко реагируя на внеязыковые изменения в политической и театральной истории России, создает образ величественного «досоветского прошлого», сохраняет преимущественно нейтральную окраску при обращении к реалиям советской эпохи и наполняется негативным, подчас агрессивным прагматическим потенциалом при моделировании «недавнего прошлого» страны.

Метафорическая субмодель НАСТОЯЩЕЕ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе. При создании образа настоящего в политическом дискурсе парламентских выборов России метафора «театра» играет одну

из ведущих ролей (137 словоупотреблений), являясь второй по частотности моделью – 9,4% (см. табл. 2 в приложении 2). Особенно востребованы театральные образы при моделировании «ограниченного настоящего» – 13,7% (см. табл. 1 в пункте 1.3.1).

При концептуализации настоящей действительности регулярно выделяются все фреймы рассматриваемой модели, наиболее активны метафоры ниже следующих сфер-источников:

- «Люди театра» (37,2%): *артисты, временные театральные группки, одно из главных действующих лиц, толпы юродивых и политических клоунов, инфернальные клоуны, скоморохи, шуты, тихие чиновные кукловоды в Кремле, главный кудесник, любимец толпы, директор шапито, голоногие наездницы из «Союза правых сил», акробаты из «Яблока», режиссеры и постановщики, профессионалы и любители, небольшая массовка, сильная роль, роль обличителей, роль «плохого парня», сюжет выборов, сценарий, по которому проходила нынешняя предвыборная кампания, инерционный сценарий выборов, умелый замысел режиссеров и др.* Представление политической элиты современности посредством указанных метафорических словоупотреблений обнаруживает концептуальный вектор неестественности, запрограммированности и наигранности их действий, обусловленных желанием манипулировать сознанием избирателя, подчеркивая типовые прагматические смыслы – «фальшь», «двуличие», «несамостоятельность».

- «Вид зрелища и жанр представления» (28,5%): *избирательное действие, представление с заранее распределенными ролями и написанными речами, контуры большого предвыборного спектакля, большой и позорный спектакль, политический спектакль трех-четырех актеров, потеха, цирк, шапито, цирковое представление, клоунада, новый аттракцион, волошинско-жириновская клоунада, которая пародирует выборную кампанию, фарс, Совет Федерации выглядит пародией, трагикомедия, электоральная трагикомедия, пьеса абсурда, в которой чем глупее ситуация, тем более она значима для понимания авторского замысла, шикарная абсурдистская пьеса, пьеса абсурда в реальном времени, импровизация кружка самодеятельности в «красном уголке» и др.* Исходные концепты, развернутые в метафоры, продуцируют негативные обра-

зы и оценки. Интенции коммуниканта, репрезентирующего избирательный процесс через составляющие вышеописанного фрейма, – представить его как зрелище, театрализованное шоу и, как следствие, усилить векторы неискренности, популяризации, имитации политической реальности, разоблачить лицемерие ее участников. Показательно, что среди жанров представления преобладают клоунада, трагикомедия, пародия и абсурд, моделирующие российскую действительность как хаотическое сочетание, переплетение трагического и комического, которые не просто существуют в неразрывном единстве, а обуславливают и обостряют друг друга.

- «Театральное здание и театральный реквизит» (15,3%): *Потешная палата, грязноватый театр, политическая сцена России, арена зверской лоббистской войны, под куполом цирка, «мировая закулиса», за кулисами, занавес, реквизит, скрываться под масками, тряпичные куклы «русских» и «украинских» «политиков», нанизанные на пальцы западного Кукловода, марионетка, урны с двойным дном, баночки с магическими чернилами и др.* Коннотативно нагруженные номинации указанного фрейма метафорически представляют стремление политиков создать правдоподобие представления, придать ему большее сходство с реальной действительностью. Активизация векторов при творства, обмана и наигранности достигается посредством сопоставления театральной метафоры с жизнью.

Наиболее частотны наименования сферы-донора «театр» при концептуализации избирательной гонки:

Короче, вполне проявляются контуры большого предвыборного спектакля. Театр, правда, грязноватый. Занавес, захватанный немытыми руками (вытирали от селедки после очередной пьянки). Сцена завалена помоями (так по пьесе). Артисты в рванье (изображают народ). Режиссеры и постановщики, разумеется, за кулисами (чтобы зрители не видели), затыкают нос надушенными платками и крупными денежными купюрами. Правильно делают, ибо еще древние фармакологи утверждали, что «деньги не пахнут». Ну а сама пьеса под названием «Злодейка КПРФ» – в золоченом переплете и в сейфе. Чтобы зрители раньше времени сюжет (и истинные цели спектакля) не узнали (В. Сафарин // СР, 25 окт. 2003).

Адресант моделирует политическое «настоящее» в преувеличенно негативной форме. Использование неординарных театральных образов наряду с ав-

торскими комментариями призвано привлечь внимание «публики» к несовершенствам избирательной системы в частности и выделить наиболее жгучие проблемы общественно-политической системы в целом.

Особенностью российских текстов агитационно-политического характера периода парламентских выборов является «способ предъявления негативно-го мнения путем стилизации целостных жанровых форм» [Руженцева 2004: 108], в качестве стилизационной базы для выражения негативно-оценочного суждения и его обоснования часто используется пьеса:

(Сцена изображает кремлевскую администрацию. В центре, босой, с узелком и лап-точками на палке, стоит Волошин. Президент, члены правительства, представители прессы, заместители и секретарши окружают его плотным кольцом.)

ВОЛОШИН. Я уйду. Сегодня жребий брошен.

Я не смогу стерпеть на этот раз!

ПУТИН. Оставайтесь, уважаемый Волошин!

Я к вам привык! Я не могу без вас!

ВОЛОШИН. Нет, нет и нет. Решился. Или – или.

Сегодня ход вещей меня взбесил.

Я с вами был, когда Гуся давили,

Но Ходорковский – это выше сил.

КАСЬЯНОВ. Боюсь, что сам я тоже облапошен...

Мне говорили – Миша будет цел...

Оставайтесь, уважаемый Волошин!

Без вас и я сползаю под прицел!

ВОЛОШИН. Нет, нет и нет! Теперь я стану в позу!

Скрипя зубами, сердце сжав в кулак,

Я ждал, пока давили вы Березу,

Но после Ходорковского – никак!

ПРЕССА. Ну кто бы ждал подобных скоморошин?!

Теперь и нас прошиб холодный пот...

Оставайтесь, уважаемый Волошин!

Свободы вы последний наш оплот!

ВОЛОШИН. Нет, нет и нет! Мне нету интересу

Плутать в густом тумане, как ежу...

Я все терпел, пока давили прессу,

Но Ходорковский... Хватит, уйду!

НАРОД. Я тоже совершенно огорошен...

*Куда пойдет Россия, наша мать?
Останьтесь, уважаемый Волошин!
Без вас и нас начнут подряд ломать!*

*ВОЛОШИН. Нет, нет и нет! Хотя я враг безделья,
Но нынче ухожу, сухарь грызя...
Пока Россию грабили – терпел я,
Но грабить Ходорковского нельзя!
(Уходит, раздвигая толпу плечом.
Публика со слезами смотрит ему вслед.)*

ПУТИН (в задумчивости).

*Ушел, мою всю душу разберЕдив...
Не знаю сам, кого теперь любить...*

СУРКОВ. Наверное, кого-то из «Медведев»...

ПУТИН (грустно).

Медведев, значит? Так тому и быть...

(Д. Быков // Собеседник, 5 нояб. 2003)

В приведенном отрывке театральная метафора обрамляет политический текст, придает «спектаклю» определенную пластическую форму. Система мизансцен и авторских ремарок выявляет внутреннее содержание «пьесы», раскрывает характеры «героев» и движет «сюжет», транслируя читателю авторское мнение, помогая увидеть реальную картину происходящего и по-настоящему почувствовать ее абсурдность и комизм. Чем тщательнее автор прорисовывает мизансцены, описывает действия и чувства главных действующих лиц, тем откровеннее становится насмешка над «большим политическим театром».

Несерьезность, абсурдность действий тех, кто волею самого народа вершит его судьбу, также эксплицируются в российских текстах через метафорические номинации с исходной понятийной сферой «цирк» (Каслова 2003а, Красильникова 2005, Санцевич 2003, Чудинов 2003b):

На выборах несомненно победит Вешняков. Он – главный кудесник, любимец толпы, директор шапито. Красуется в аметистовых лучах, облаченный в розовые панталоны, обтягивающие чулки и золоченый камзол. Взмахивает шляпой, плещет смоляными до плеч кудрями, расправляет пышные усы. А вокруг бегают пони из «Партии жизни». Скачут голоногие наездницы из «Союза правых сил». Вертятся неумомимые акробаты из «Яблока». Идет под куполом либерально-демократический канатоходец, выискивая в кого бы ловчее плюнуть. Кидают сотни шаров жонглеры из блока «Родина». Катится на автомобильном бал-

лоне друг водителей Похмелкин. Прыгают сквозь огненные кольца хромые львы из «Народной партии». Едут на слонах и верблюдах президенты в тюрбанах и тюбетейках. Шагают на руках министры и мэры из «Единой России». Милиционеры проносят шкуры убитых «оборотней». Спасатели МЧС маршируют с грузом чугунных батарей на плечах. Маленькая прелестная балерина с точеными ножками делает па, начинает кружиться вокруг «вертикали власти», подбрасывает и ловит скальп Ходорковского, посылает воздушный поцелуй в ложу генерального прокурора. Весь цирк встает и приветствует любимое балетное диво... В одеждах фокусников, факиров и колдунов идут члены избирательных комиссий, набранные из чиновников всех уровней. Умельцы превращают доллары в газетную бумагу, избирательные бюллетени в талую воду, они несут урны с двойным дном, баночки с магическими чернилами, испаряющимися через пять минут, большие котомки с «мертвыми душами»... Цирковое представление подходит к концу. Вешняков кланяется во все стороны, из него сыпятся конфетти, серпантин, золотой дождь. Он взрывает хлопушки, шутихи. Держит между босыми пальцами рук и ног шестнадцать бенгальских огней. Прожектора начинают медленно гаснуть. Но что это? Почему в теплом цирке, пахнущем слоновьим навозом и духами Слиски, вдруг дохнуло ледяным сквозняком? Что за скрежет и гул раздаются? Разрывая матерчатые стены шапито, на арену выходят скелеты. Восемь миллионов скелетов, именующих себя "детьми реформ", лязгая костями, идут, глядя в цирк пустыми глазницами... Скелеты кладут Вешнякова на плечи и уносят из цирка в беспроектную русскую ночь (А. Проханов // Завтра, 3 нояб. 2003).

Через яркие цирковые метафоры, зрелищность, гротеск политического спектакля адресант постепенно подводит избирателя к мысли о том, что «не театр зеркально отражает жизнь, а жизнь является копией театра [Subedi http], что «когда на политической сцене ставится импровизированное представление, в нем не только добиваются успеха, но и страдают, терпят неудачи и умирают», что «политический театр не имитирует реальность, он создает ее» [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 394].

Представленная субмодель насыщена наименованиями, несущими негативную эмотивную окраску: страшноватый пир театральных метафор создает образ «мрачного настоящего». Сквозь призму этой матрицы жизнь кажется театром абсурда, фарсом, где играют марионетки и бездушные куклы, либо жестоким номером в цирковом балагане.

Метафорическая субмодель БУДУЩЕЕ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе. В политическом дискурсе «Выборы в Государственную Думу – 2003» театральные образы занимают восьмое место при прогнози-

ровании будущего страны. Процент содержания метафорических наименований со сферой-источником «театр» составил 3,4% (см. табл. 3 в приложении 2).

При анализе материала, репрезентирующего и характеризующего политическую ситуацию будущего в терминах театра, не обнаружено наиболее частотных источниковых сфер, метафорические номинации которых особенно активно участвуют в создании образа будущего.

Все метафоры с исходной понятийной сферой «театр», использующиеся при прогнозировании вероятного будущего России, обладают негативным потенциалом:

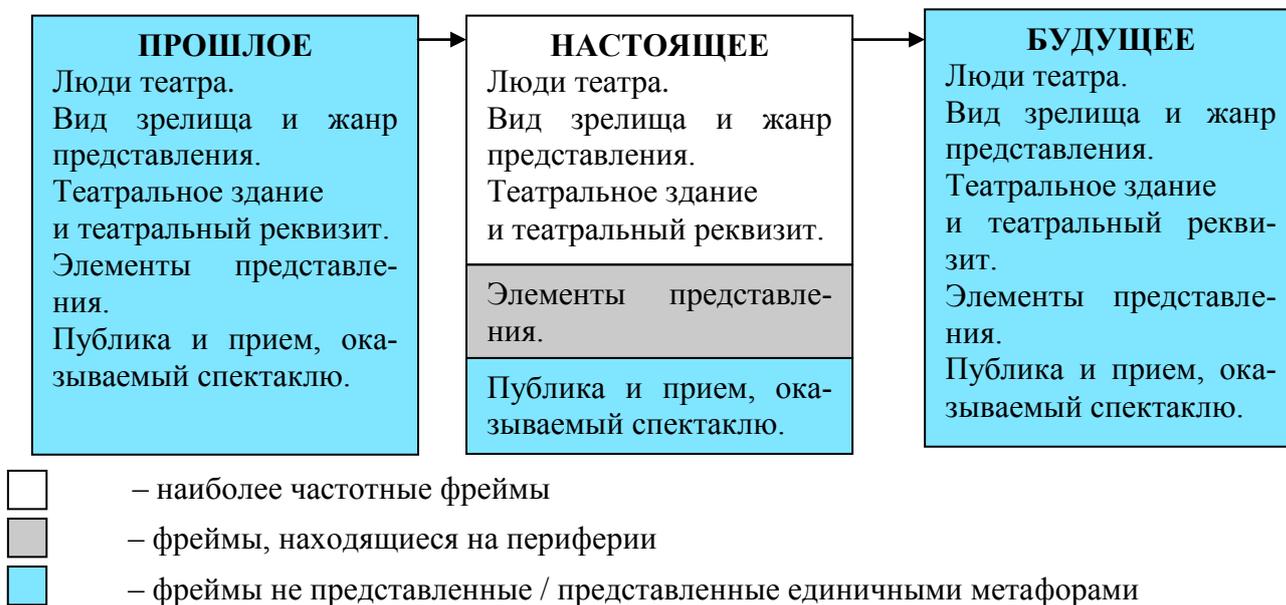
Большинство нынешних партий – будто надувные шарики. Такие же зазорные, рвущиеся вверх и... столь же недолговечные. Их привлекательности, как правило, хватает на короткий миг политического карнавала – каких-нибудь два-три месяца до выборов. А после? Все зависит от воли Кремля. Захочет – полетают по Думе до новых выборов. А не захочет, так ткнет в надоевший пузырь указующим перстом – хлоп! – и нет партии. А взамен надует что-нибудь новенькое. Так было с «Демвыбором» Гайдара, с «Нашим домом» Черномырдина, с «Отечеством» Лужкова, с «дембельскими» скороспелками Рыбкина и Шумейко. Все и не припомнить. Да и не надо. И без того понятно, что в России партии, даже играющие в оппозиционность, не говоря уже о бесчисленных «партиях власти», создаются только с высочайшего дозволения (П. Воцанов // Новая газета, 22 сент. 2003).

Оценка при использовании театральной метафоры формируется за счет тех неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа избирательных блоков – воздушных шариков – легковесных и недолговечных, являющихся лишь украшением политического карнавала, где все заранее известно и предрешено, и неспособных не только повлиять на судьбу России в будущем, но и сохранить свою собственную жизнь.

Таким образом, общая эмоциональная атмосфера образа будущего, моделируемая в рамках метафоры «театра», отрицательная, акцентирующая быстротечность, фальшь и лживость политической жизни и ее главных действующих лиц.

Представленность фреймов модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в политическом дискурсе России «Выборы в Государственную Думу – 2003» иллюстрирует схема 8.

**Театральная метафора в темпоральном аспекте в дискурсе парламентских выборов
России (2003)**

Результаты исследования показывают, что в российском политическом дискурсе парламентских выборов понятийное поле «театр» не представляет собой целостную, детально структурированную систему при моделировании образов прошлого, настоящего и будущего. Театральные метафоры носят ситуативный характер, в частности, при обращении к образам прошлого и будущего.

Осмысление жизни в базовых концептах театра начинает проявлять потенциал к активизации в российском политическом дискурсе при создании образа настоящего. Авторы агитационно-политических текстов, формируя концептуальную картину мира реципиента, последовательно и образно доказывают, что «политика является театром реальности» [Anderson, Walter 1990: 122]. При концептуализации настоящего оказываются особенно востребованными метафоры фреймов «Люди театра», «Вид зрелища и жанр представления», «Театральное здание и театральный реквизит», акцентирующие внимание на том, что все роли в политическом спектакле давно распределены, действия тщательно продуманы, каждое слово взвешено и для неподготовленного народа противодействие происходящему в случае его недовольства может оказаться неразрешимой ситуацией. Указанные номинации вызывают негативные ассоциа-

тивные признаки, наиболее ярко передавая смысловые ассоциации «запрограммированности», «наигранности» и «лицемерия».

Совокупность метафор, использующихся при концептуализации прошлого, настоящего и будущего в российском дискурсе, не однородна. Несмотря на то что в большинстве случаев театральная метафорическая модель служит интенсификатором отрицательных характеристик политической системы, продуцируя образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего», немногочисленные положительно окрашенные метафоры участвуют в создании образа «величественного прошлого» России.

Результаты проведенного сопоставления представленности фреймов модели и образов прошлого, настоящего и будущего, создаваемых в рамках театральной метафорической модели в дискурсе двух стран, можно представить в виде табл. 10.

Таблица 10

Соотношение наиболее частотных фреймов театральной метафорической модели и образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе России и Великобритании

	Россия		Великобритания	
Прошлое	Не выявлено	«страшное» «величественное»	Люди театра. Вид зрелищ и жанр представления. Театральное здание и театральный реквизит.	«страшное»
Настоящее	Люди театра. Вид зрелищ и жанр представления. Театральное здание и театральный реквизит.	«мрачное»	Люди театра. Вид зрелищ и жанр представления. Театральное здание и театральный реквизит.	«мрачное»
Будущее	Не выявлено	«ужасное»	Люди театра. Вид зрелищ и жанр представления. Театральное здание и театральный реквизит.	«ужасное»

Результаты сопоставительного исследования показывают, что метафора «театра» представляет собой яркую черту современной британской политической речи в целом, активно участвуя в создании образов прошлого, настоящего

и будущего, тогда как в российском политическом дискурсе номинации, составляющие рассматриваемую модель, в основном востребованы лишь при моделировании политической ситуации выборов и образа «продолженного настоящего».

При метафорическом представлении прошлого Великобритании наиболее частотны наименования фреймов «Люди театра», «Вид зрелища и жанр представления», «Театральное здание и театральный реквизит». Актуализируя концептуальные векторы притворства, лживости и внешней моделируемости происходящих событий, данные номинации провоцируют негативное восприятие общественно-политической ситуации: политическое прошлое Великобритании – театр, в котором политические лидеры играют на публику, тщательно режиссируют свои действия, держат под контролем результаты общественного мнения, то есть обращают особое внимание на внешние факторы общественно-политической жизни страны, ее форму, а не содержание. В политическом дискурсе России театральные метафоры единичны при концептуализации прошлого, однако оценка, заложенная в метафорах модели, различна: любое событие, коллизия, поворот «сюжета» не поддаются однозначной интерпретации, все происходившее – многозначно и принципиально вариативно, поэтому наряду со «страшным прошлым» появляется образ «величественного прошлого».

Российская и британская лингвокультуры соприкасаются на метафорическом представлении жизни сквозь призму театральных понятий при моделировании современной действительности. Представления о политическом театре настоящего оказываются максимально близки: совпадают все наиболее частотные фреймы описываемой модели: «Люди театра», «Вид зрелища и жанр представления», «Театральное здание и театральный реквизит». Настоящее России и Британии выглядит следующим образом: это карнавал, где маски скрывают истинные лица актеров самых различных амплуа, где наиболее популярными жанрами представления являются смеховые: фарс, трагикомедия, пародия, абсурд, все структурные компоненты которых – от проблематики и отображаемых реалий до характеров действующих лиц – пронизывает гротеск. Линейная логика принципиально отсутствует, все «сдвинуто», все не соответствует друг другу: герой – ситуации, характер – действию, цель – средствам, быт – бытию,

мысли – поступкам. Через гротеск, сатиру, иронию происходит умаление значимости характеризуемого объекта или предмета речи, уничтожение его в глазах адресата. Это «оружие» политической борьбы уходит корнями скорее в политический и сатирический театр, в практику комедиантов, клоунов и шутов, нежели в арсенал профессиональной политики [Jestrovic <http>]. Из сказанного следует, что настоящее двух стран – сфера сосредоточения образных наименований, несущих отрицательные оценки. Однако при всей общности указанных представлений России и Великобритании относительно образа настоящего обнаруживаются и некоторые отличия. В частности, в российском дискурсе можно проследить «черты народной «смеховой» культуры» [Григорьева 2001: 13] в стилизованных статьях и текстах, лейтмотивом которых является развернутая цирковая метафора.

Обращает на себя внимание следующее: метафоры, задающие объяснение того, что будет определять судьбу Великобритании после парламентских выборов, по частотности совпадают с метафорическими номинациями, преобладающими в описании прошлого и современной действительности, – «Люди театра», «Вид зрелища и жанр представления», «Театральное здание и театральные реквизиты». Как в театре абсурда, построение произведения циклично: совершая «полный оборот», сюжет очень часто возвращает зрителя в исходную точку. Авторы агитационно-политических текстов избавляют избирателя от необходимости домысливать будущее страны, заранее распределив роли, выбрав жанр представления, театральные подмостки и требующийся реквизит. Метафоры, используемые при прогнозировании будущего Великобритании, эксплицируют смыслы, связанные с запрограммированностью развития событий «ужасного будущего». В российских политических текстах понятийное поле «театр» не актуализировано при создании образа будущего, единичные наименования наполнены негативным прагматическим потенциалом.

Показательно, что в дискурсе двух стран наименее активны словоупотребления фреймов «Элементы представления» и «Публика и прием, оказываемый спектаклю». Авторы текстов политической направленности характеризуют театральное зрелище, не дробя его на отдельные акты. Публика в высшей степени пассивна. Созерцательное участие масс в политических процессах обу-

славливает роль народа лишь как адресата-наблюдателя, «который воспринимает политические события как некое разыгрываемое действие» [Шейгал 2000: 66].

Рассмотренный материал свидетельствует о том, что метафора «театра», «являясь средством осмысления сложных, многоуровневых событий» [Freie 1997: 730], более частотна в британских текстах предвыборной агитации. Ее распространенность объясняется важной ролью, которую играют зрелищные искусства в социальной жизни Великобритании. Помимо этого, в Британии право вершить прошлое, настоящее и будущее народа оспаривалось в британском парламенте не менее чем двумя партиями, задачей которых было привлечь на свою сторону как можно больше избирателей, поэтому «театрализация и постановочность всегда являлись важными составляющими политики» [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 383].

Особая роль «вождизма» в жизни России [Гаджиев, Гудименко, Каменская 1994: 322], исторически обусловленная авторитарно-монархическая психология населения нашей страны [Каслова 2003а: 21], преклонение и благоденствие перед святостью власти, однопартийная система советской эпохи обуславливают меньшую частотность театральных образов при моделировании прошлого. На продуктивность концептуальной метафоры ЖИЗНЬ – это ТЕАТР в российском политическом дискурсе при создании образа настоящего оказывает влияние тенденция к распространению личностного характера политики [Гаджиев 1994]. Организация политических мероприятий в современной России действительно стала напоминать театральные представления с невероятными спецэффектами. Однако в отличие от «постановок» прошлого, сегодняшние «ведущие актеры» никогда не остаются на сцене достаточно долго, чтобы народ начал верить в значимость и реальность происходящего [Czarniawska-Joerges, Jacobsson 1995: 390]. Возможно, именно в этом кроется причина его апатии и равнодушия к собственной судьбе.

Таким образом, метафорическая модель ЖИЗНЬ – это ТЕАТР, являясь базисной для британского политического дискурса, носит окказиональный, ситуативно-обусловленный характер при моделировании прошлого и будущего России, указанные номинации активизируются только при создании образа на-

стоящего. Специфика образных номинаций отражает типичные признаки явлений прошлого, настоящего и возможного будущего каждой страны, своеобразие концептуального мира и языковой вкус носителей языка в определенный промежуток времени.

3.3. Национальная специфика создания образов прошлого, настоящего и будущего с использованием менее частотных метафорических моделей в политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании

В настоящем разделе мы остановимся на менее частотных метафорических моделях, принадлежащих одним и тем же сферам-источникам метафорической экспансии, задействованных в создании образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России и Великобритании (см. табл. 1 в приложении 3).

Одной из ведущих моделей мира, в значительной степени усвоенных современной эпохой, является концептуальная метафора ЖИЗНЬ – это ДОРОГА (Ермакова 2000а, Каслова 2003а, Мишланова 2002, Сабурова 2005, Соколовская 2002, Сухина 2005, Феденева 1997, Феденева, Чудинов 1999, Чудинов 2001с, 2003b, Judge 2001b, Zinken 2004 и др.). В дискурсе России доля данных метафорических выражений при создании образа прошлого составляет 2,5% (см. табл. 1 в приложении 2). Активизации метафоры «пути» в осмыслении важнейших сфер общественной жизни прошлого способствуют быстрая смена общественных настроений, неизменные поиски чего-то нового, некоторая неупорядоченность и даже хаотичность жизни, характерные для отдельного русского человека и государства в целом [Каслова 2003а: 124]:

В годы горбачевско-ельцинской диверсии на магистральных путях страны машинистом паровоза штабного эшелона нашей партии оказался затаившийся до поры до времени предатель. Оборотнями оказались и многие «кондукторы» состава, перешедшие на службу дегенератам (В. Чурилов // СР, 27 сент. 2003).

Концептуальный вектор выразительных образов, задействованных в игре метафорических моделей (метафоры «пути» и метафоры «войны»), направлен на создание контекста опасности, непредсказуемости по отношению к политической ситуации прошлого, где друг может оказаться врагом, соратник по ору-

жую – предателем, конечный пункт назначения – началом нового витка пути. Метафорическая форма высказывания позволяет повысить степень интенсивности и эксплицитности эмоций, оказывая требуемый воздействующий эффект на адресата при описании политических реалий минувших лет. Для характеристики прошлого используется также ряд позитивно окрашенных метафорических сочетаний:

Довольно нам жить чужим умом! У России всегда был свой путь. Она выбирала его из жизни, из многовековых традиций (программа КПРФ).

Образ «величественного прошлого» неизменно связан с историей страны, самобытностью и самостийностью России.

При метафорическом отображении настоящей действительности – 3,4% (см. табл. 2 в приложении 2) – преобладают метафоры с негативным оценочным потенциалом:

Мы в тупике, страшно, безнадежно, глухом, куда завели нас слепые поводыри, увечные и хромы проводники, злые обманщики и невежды. Горбачев, пустой, целлулоидный, наполненный трескучим горохом. Ельцин, тупой, как изрубленная топором колода, какие стоят на рынках в мясных отделах. Путин, покрытый из пульверизатора золотой пылью, оставшейся от реставрации кремлевских дворцов (А. Проханов / Завтра, 21 октября 2003); Сегодняшнюю ситуацию в России можно сравнить с трагедией парохода «Титаник», который уже получил гибельную пробоину (И. Иванов // СР, 22 нояб. 2003); Россия сегодня на распутье (Ю. Рот / Собеседник, 2 сентября 2003).

В образе «мрачного настоящего» доминируют концепты тупика, препятствий, остановки, акцентирующие невозможность дальнейшего движения, медленное развитие событий. Текущий момент бытия в рамках рассматриваемой концептуальной модели воспринимается как переходное состояние, которое передается в локально-темпоральных терминах: «на перепутье», «переходный период», «смутное время», «переломная эпоха».

Метафоры «пути» все время зовут в будущее – 7,3% (см. табл. 3 в приложении 2), обещают достижение некоего рубежа. Имея в виду перспективу, такие метафоры вселяют надежду на «прекрасное будущее», именно поэтому они активно употребляются в программных документах политических партий:

На выборы Политическая партия «Единая Россия» идет с четкой программой действий (программа партии «Единая Россия»); Именно такая политика даст России шанс встать на путь устойчивого экономического роста и демократического развития (про-

грамма партии СПС); Партия социальной справедливости поддерживает переход российского общества к устойчивому экономическому развитию по пути социальной справедливости (программа ПСС); Сегодня у нас только одна дорога вперед. Это дорога к Социализму. Дорога к восстановлению Советской власти. Дорога к возрождению Союзного государства (программа КПРФ).

Дорога обещает постепенное приближение к цели, блеснувшей вдали. В идеальном будущем – с точки зрения русского менталитета – видится средоточие всего лучшего, что было в прошлом и настоящем; в нем чудится и воздаяние, и воскресение [Сухина 2005: 148]. Однако изображение будущего двоятся:

Сломить историческое предопределение еще можно, но это потребует огромных жертв. Страна к ним не готова. И правильно. Сворачивать с магистрального пути – только кровь попусту лить. И никому уже не важно, что этот магистральный путь ведет наш локомотив на кладбище паровозов. Там нам и место (Д. Быков // Собеседник, 21 окт. 2003).

В представлении «ужасного будущего» звучат апокалипсические нотки конца пути, а вместе с ним – жизни общественно-политического строя и страны в целом.

Номинации со сферой-источником «путь» (4,3%) (см. табл. 4 в приложении 2) оказались востребованными при метафорическом воссоздании образа прошлого Великобритании. Метафорическая модель, основанная на данном культурном концепте, максимально отражает прихотливую динамику общественных процессов [Феденева 1997: 67]:

When «peace in our time» turned into all-out war, Winston Churchill emerged as the man to lead the Conservatives, and the country, out of the abyss (P. Gould // BBC World at One, March 4th 2001).

Метафорические наименования, репрезентирующие прошлое Великобритании как движение вперед, вверх, из «пропасти», содержат оценку, являющуюся представлением позитивного восприятия адресантом «величественного прошлого» своей страны. И, наоборот, негативно воспринимается все то, что мешало этому развитию:

The Conservatives were incompetent stewards of the British economy. Boom followed by bust, followed by boom, followed by bust. But Labour has done too little to address their fundamental mistakes (Statement on the economy to General Election press conference // Ch. Kennedy, May 25th 2001).

В процессе когнитивного построения политической реальности прошлого Великобритании используются ресурсы понятийной сферы с негативным прагматическим потенциалом, вызывая в сознании адресата эмоциональные представления о зависимости британской экономики от тех, кто стоял «у руля», о наличии на пути экономического развития страны множества препятствий, затруднявших продвижение экономики вперед.

При моделировании настоящей метафора «пути» (4,8%) (см. табл. 5 в приложении 2) получает особое значение благодаря тому, что в контексте политической реальности она закладывает фундамент понимания направления и связанной с ним целесообразности общественного движения. Партия власти считает избранный путь наиболее верным и успешным:

Britain stands more prosperous, more equal, more respected. Our country is on a new course (Labour Party Manifesto).

Оппозиционные политики внушают избирателю представление о том, что путь развития, выбранный правительством и правящей партией, является неверным, что нужно найти выход из «мрачного настоящего» и уверенными шагами идти в новое «светлое будущее»:

The Conservative party leader William Hague said a Tory government would «set business free» from government. «At the moment in this country we are going in the wrong direction», he said (BBC World at One, March 27th 2001).

Из «светлого» и «мрачного» настоящего все пути ведут в будущее (20,3%) (см. табл. 6 в приложении 2). Будущее в сознании британцев есть не что иное, как параллельная реальность, в идеале более счастливая и истинная:

T. Blair: Our job now is to set out clearly the next steps we will take towards building a better Britain (Tribune at Labour's Spring Conference, February 2001); T. Blair: The message from the British people is clear. They agree with the direction in which we take this country, but they want us to get on with the journey (FT, June 6th 2001); W. Hague: True there are many aspects of European policy on which we would change direction from the current government, but I think that is necessary, because we have a government signing away more and more of the rights and powers of this country (B. Groom, R. Shrimpsley // FT, May 26th 2001).

При создании «прекрасного, светлого будущего» активно эксплуатируется образ «страны», «народа», который нуждается в уважении и достоин счастливой жизни. Народ становится объектом, о котором будет проявлена забота и в чьих интересах будет действовать правительство.

Другим способом осмысления политических реалий в ситуации парламентских выборов в двух странах является группа метафор, подчеркивающих динамику развития общества, ассоциативно связанных с концептом «строительство» (Арутюнова 1990, Ермакова 2000b, Колотнина 2001, Красильникова 2005, Миронова 2003, Санцевич 2003, Феденева 1997, Чудинов 2003b, Chilton 1994, Chilton and Lakoff 1995, Chilton and Ilyin 1989, Judge 2001b, Schäffner 1993, Slaughter 1990, Zinken 2004 и др.).

Номинативные сочетания из сферы-источника «строительство» употребляются для метафорической характеристики прошлого России – 0,6% (см. табл. 1 в приложении 2):

Цивилизационное строительство в России ведется ее народами уже более тысячи лет. В ходе этого строительства народы-труженики всегда стремились к объединению, а местные «элиты» очень часто – к обособлению, вопреки воле народов. Это особенно ярко проявлялось в переломные моменты истории (программа КПЕ).

Введение в политический текст концепта «народ» обусловлено достаточной смысловой широтой, позволяющей эксплуатировать его в зависимости от промежуточных целей политика. В приведенном примере данный концепт используется, с одной стороны, для создания образа «величественного прошлого», великого народа-творца, строителя, созидателя, труженика, с другой – для дискредитации власть предержащих. Чаще всего народ (даже в рамках концептуальной метафоры «строительства») представляется жертвой экспериментов правителей «страшного прошлого»:

Все десять прошедших лет отталкиваясь от той пирровой победы, выстраивая свою государственность на костях народных мучеников Белого дома, возводя путинскую «родословную» к «первому президенту», ни разу не покаявшись за жертвы и преступление, власть только укрепила всех в мысли, что она и российский народ – две вещи несовместные, противоположные и враждебные (Д. Тукманов // Завтра, 1 окт. 2003).

Метафорические наименования модели ЖИЗНЬ – это СТРОИТЕЛЬСТВО малопродуктивны при концептуализации настоящего момента действительности (0,4%) (см. табл. 2 в приложении 2). Позитивным зарядом обладают метафоры, активизирующие смыслы активной деятельности, динамики, последовательности, непрерывности строительного процесса:

Либеральный патриотизм – патриотизм деятельный: мы выстраиваем страну, которая стоит того, чтобы здесь жить, работать и растить детей (программа партии СПС).

Интересно, что в российском политическом дискурсе метафорические словоупотребления с ассоциативными семами «созидание», «укрепление» могут употребляться с негативными оттенками значения, создавая образ «мрачного настоящего»:

Путина назначили президентом и подарили ему Россию не для того, чтобы он что-либо менял. Он должен был забетонировать систему, которая возникла при Ельцине. Работа, на которую наняли Путина, была вполне конкретна: гарант статус-кво... Но без освобождения от наиболее ярких архитекторов ельцинизма ему было бы трудно осуществлять работу гаранта (Л. Шевцова // Новая газета, 24 нояб. 2003).

Метафоры строительства особенно активны в процессе создания образа будущего – 2,2% (см. табл. 3 в приложении 2). Причины особой значимости рассматриваемой метафоры именно в рамках данного образа кроются, скорее всего, в том, что концепт строительства ассоциативно связан с позитивными преобразованиями, с надеждами на лучшее будущее:

Позиция ЛДПР четко обозначена – только опора на мощную отечественную промышленность и крепкое сельское хозяйство позволит реально и существенно повысить жизненный уровень подавляющего большинства граждан страны (программа ЛДПР); Фундамент предлагаемой нами политики – возрождение нашей духовности и державности (программа НРПР); «Наши усилия будут направлены на аккуратный, но настойчивый и жесткий демонтаж той системы периферийного капитализма, который сложился в России. Пока это еще не поздно», – заявил Явлинский (Е. Руднева // Газета, 6 сент. 2003).

Отметим, что зачастую высказывания, иллюстрирующие использование метафоры «строительства», связываются с началом застройки – расчисткой завалов, закладкой фундамента, а не с возведением стен. Автор метафоры «строительства» приходит на разрушенное место, пустырь, руины, поэтому его обещания о потенциальном вкладе в возведение нового здания звучат более внушительно [Миронова 2003: 100].

Активизация метафоры сферы-донора «строительство» (12,9%) (см. табл. 4 в приложении 2) прослеживается в рамках системы концептуальных метафор, участвующих в создании образа прошлого Великобритании:

M. Portillo: Thatcherism was certainly an extremely important period. It transformed Britain's prospects. It transformed Britain's politics, forcing the Labour party to abandon the nonsense that it said, if not actually to abandon the nonsense that it does. Many of the things that she stood for remain highly relevant (B. Groom // FT, May 20th 2001).

Концепт строительства ассоциативно связан с позитивными преобразованиями, формируя имидж «строителя новой жизни», «созидателя», что обретает особое значение в рамках создания образа «величественного прошлого». В противовес позитивно окрашенным метафорическим словоупотреблениям в британской политической речи встречаются отрицательно нагруженная метафорика, выявляющая недостатки политической системы прошлого:

When Tony Blair took over Labour in 1994 – just as when Margaret Thatcher took control of the Conservative Party in 1975 – he was in effect an enemy alien, parachuted in to the top of the party with a mission to destroy all traces of the previous regime, and to impose his own very different view of the world (The Daily Telegraph, February 19th 2001).

Как видно из контекста, концепт строительства может модифицироваться: на первый план выдвигаются компоненты, эксплицирующие разрушение, уничтожение, развал, направленные на критику политической системы «страшного прошлого».

При обращении к образу настоящего (2,8%) (см. табл. 5 в приложении 2) примеры политической метафоры актуализируют центральные для национального сознания британцев концепты дома и строительства. Культ частной жизни и возвеличивание домашнего очага – осевые координаты национальной психологии англичан. Именно «домоцентризм» часто дает ключ к пониманию своеобразных черт их характера [Красильникова 2005: 183]. Традиционно строительство в британском дискурсе символизирует создание политических структур, развитие общества и страны в целом, продуцируя образ «светлого настоящего»:

The Premier said: «Four years has given us the chance to build foundations – but now the work has to go on. There is a lot done, there is a lot more to do» (Daily Mail, May 8th 2001).

Поскольку строительство – это всегда надежда на лучшее будущее [Чудинов 2003b: 158], прогнозирование дальнейшего развития событий (5,3%) (см. табл. 6 в приложении 2) окрашено преимущественно позитивно:

We achieved spurts of economic growth, but inflation would then get out of control. Our welfare state was founded to offer security, but its progress was stalled. It is as if a glass ceiling has

stopped us fulfilling our potential. In the 21st century, we have the opportunity to break through that glass ceiling (Labour Party Manifesto).

С одной стороны, в процессе создания картины «светлого будущего» актуализируются концепты стабильности, безопасности, реанимирования былых достижений, с другой – использование данной метафоры позволяет политику уйти от необходимости называть своими именами планируемые мероприятия, за которые придется отвечать, которые нужно будет реализовывать.

При моделировании общественно-политической ситуации прошлого, настоящего и будущего к числу наиболее распространенных источниковых сфер относятся также физиологические образы (Апресян 1990, Вершинина 2002, Гришина 2004, Колотнина 2001, Никитина 1999, Чудинов 2003b, Феденева 1997, Lakoff [http](http://)).

В проанализированном корпусе российских агитационно-политических текстов доля метафор указанной сферы-донора при моделировании прошлого составляет 2,8% (см. табл. 1 в приложении 2):

В 1996 году олигархи сами выбрали свою будущую судьбу, пропихнув во власть Ельцина. Все остальное было уже предопределено. Да, в противном случае могли выбрать Зюганова. Да, ребенок набил бы себе шишку. Но он бы по крайней мере выучился ходить!... Сейчас он ведь тоже получает свои шишки, но – лежа, не делая даже попытки встать на ноги (Д. Фурман // Собеседник, 5 нояб. 2003).

Развитие политических процессов в стране метафорически проходит все стадии, как и физиологические процессы в организме. Оценочное отношение, выраженное метафорами источниковой сферы, заставляет читателя, исходя из его социально-политического опыта, определить уровень «развития» президентской власти, построить для себя представление о состоянии и структуре государственной власти прошлого.

При создании образа настоящего Российского государства (7,1%) (см. табл. 2 в приложении 2) преобладают метафоры с негативно-оценочным потенциалом, среди которых доминируют метафоры «сна» и «испражнений»:

Власть «проспала» ситуацию. Ей все еще казалось, что общая линия на продолжение реформ, пусть и с олигархическим привкусом, выдерживается. Убаюкивали благостные реляции правительства о темпах развития, росте благосостояния (Аналитический центр АиФ, 5 нояб. 2003).

Семантически заложенный в метафорических единицах настрой на отдых позволяет логически продолжить цепочку для метафорических производных – отсутствие активности, снижение работоспособности, намеренное отстранение от текущих проблем. Подчеркнуто пейоративный смысл вкладывается в контексты, включающие обозначение «пищеварения» и «испражнений» организма:

*Завершается «предвыборная кампания» на ТВ. Она стала публичным физиологическим актом путинской власти. То есть власть 4 года тужилась, пыхтела, надувала щеки, делала важный вид. И вот, наконец, облегчилась. Средства массовой коммуникации загодя были переоборудованы в систему канализации. Через телеканализацию осуществлялся слив на мозги электората всего выношенного, высиженного властью. Смысл и существование большинства телеперсонажей оказался в целевом накоплении внутренних нечистот «против КПРФ». Пожирать страну и копить внутри себя грязь – вот предназначение «Еды» и ее «журналистов» (А. Ефремов // *Завтра*, 3 дек. 2003).*

Контекст с включением метафор, способных обозначать исключительно физиологическое существование государственного организма, выражает подчеркнуто грубое отношение к описываемому процессу, несет отрицательную эмотивную оценку, создавая образ отталкивающего «мрачного настоящего». Положительной эмотивной окраской характеризуются немногочисленные концепты, указывающие на рост и развитие общественно-политического строя:

*Политическая система России, мне кажется, выздоровливает, взрослеет (Е. Шишинуова // *Газета*, 2 сент. 2003).*

Основной прагматический смысл подобных высказываний – постепенное усиление государственных структур, доведение до значительной степени или ожидаемого состояния [Вершинина 2002: 154].

При обращении к образу будущего России (7,8%) (см. табл. 3 в приложении 2) в рамках концептуальной модели ЖИЗНЬ – это РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗМА доминируют наименования источниковой сферы «смерть»:

*Мы увидим, как во время инаугураций хлынут из лопнувшей канализации фекалии и затопят с головой победителей (А. Проханов // *Завтра*, 25 нояб. 2003); И все новые пертурбации проходят под убаюкивающие реляции о «стабильности», которая необходима для процветания «единой и сильной России». Стабильность эта будет как на кладбище (А. Смирнов // *Завтра*, 5 нояб. 2003); На избирательных плакатах и партийных лозунгах выступят фиолетовые трупные пятна (А. Проханов // *Завтра*, 10 сент. 2003).*

Указанные наименования наводят на прагматические смыслы исчезновения, необратимости процессов распада, невозможности и ненужности восстановления нынешней государственной системы. Однако негативно окрашенные концептуальные метафоры чередуются с позитивными образами, в которых «Россия вспрыгнет ото сна» и ее правители будут удовлетворять не только свои чисто физиологические потребности:

Мы должны разбудить общество, создать Союз Против Страх (программа партии СПС); Б. Немцов: «В Государственной думе должны быть мозги и воля... Мозгами и волей должны стать представители «Союза правых сил» (Е. Руднева // Газета, 8 сент. 2003).

В «прекрасном будущем» представителям власти России (в отличие от их предшественников) свойственны душевные и нравственные порывы, на смену «желудку» приходит «разум».

Введение в дискурс Великобритании эмотивно окрашенных единиц рассматриваемой источниковой сферы, описывающих прошлое (0,4%) (см. табл. 4 в приложении 2), позволяет говорящему подчеркнуть состояние политической ситуации в стране в настоящий момент:

NI (National Insurance) is only a hangover from the glory days of the welfare state, but it also reveals the sharp difference in principles governing how that system is supposed to work (The Daily Telegraph, May 27th 2001).

Изобилие, веселье, кураж старых добрых времен оставили после себя лишь воспоминания.

Абсолютное большинство метафор сферы-донора «физиология», используемых для представления настоящей действительности (5,6%) (см. табл. 5 в приложении 2), указывает на негативность сложившейся ситуации, усугубляя оценочный характер высказывания:

Manifestos are stuffed with long strands of what geneticists would call introns – the junk dna that crops up in genes but carries no useful information. Each of the parties tries to explain how its values differ, and each has made them sound just the same (The Economist, May 19th 2001).

Добротный политический организм прошлого перерождается, «мрачное настоящее» нанесло ему непоправимый ущерб:

Labour needs reform because the current system is dying on its feet, and any progressive party must recognise that (Ch. Kennedy // BBC World at One, January 30th 2001).

Доминирование метафорических единиц с негативной эмотивной окраской сигнализирует о том, что политическая система недееспособна, действия

ведущих партий не приносят успеха. Необходимы кардинальные меры для восстановления и успешного развития общественно-политического «организма».

Именно поэтому в метафорическом представлении будущего Великобритании (3,9%) (см. табл. 6 в приложении 2) используется мощный позитивный потенциал концептов «голода», «жажды» перемен:

Lacking the fear of a plausible Tory victory, voters will need inspiring to go to the polls. They will need all the passion and belief that Tony Blair can express. Voters will need to feel the hunger, the fervour for further reform, the sense of mission that the Labour leader feels and can get across so well (The Observer, May 20th 2001).

Рассматриваемые метафорические единицы служат основой для моделирования образа «светлого будущего», в котором авторы хотят подчеркнуть возможность избирателей влиять на течение социально-политической жизни страны, при этом перекладывая на них часть ответственности в том случае, если грядущее не будет соответствовать ожиданиям.

При концептуализации прошлого, настоящего и будущего в российском и британском политическом дискурсе оказываются востребованными зооморфные метафоры (Вершинина 2002, Колотнина 2001, Ряпосова 2002, Скляревская 1993, Феденева 1997, Чудинов 2003b, Zinken 2004 и др.).

В агитационно-политическом дискурсе России такие наименования-характеристики, «обладая яркой пейоративной окраской» [Скляревская 1993: 91], направлены на дискредитацию прошлого (2,8%) (см. табл. 1 в приложении 2), резкое снижение предмета речи:

Политический либерализм был представлен «младореформаторами», не подпускавшими к управлению опытных государственников, превративших страну в жизжу, из которой, как рептилии, поползли разного рода «сепаратизмы», вылезли, как жуткие аллигаторы, две чеченские войны (А. Проханов // Завтра, 11 нояб. 2003).

Развивает зоологические образы и усиливает воздействующий эффект на адресата речи метафорическое осмысление и представление политической деятельности прошлого как жестокого обращения с животными:

И вот у народа и государства в России разные темпоритмы во времени. Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени, что органично для русского медведя (кому еще и в спячку надо погрузиться долгою зимою) или даже мамонта – таким животным телам могут быть народ и страна русская уподоблены...Но соседство с Западом и вплетенность в историю Европы подстегивали, и к страданию для народа и жизни

индивида – капилляра в нем мера, скажем, волка («аршин общий») навязывалась нашему мамонту-медведю – как нормальный пульс, и вытаскивали его на ярмарку-рынок плясать чу-жемерно и неуклюже, на посмеище. А если не попевал, подгоняли его кнутом и насилием: слово «ускорение» у государства на устах (Г. Гачев // Завтра, 15 окт. 2003).

Зоонимные метафорические номинации акцентируют негативные стороны политической действительности прошлых лет: жесткие формы правления, неуважение к народу страны, достижение поставленных целей любыми средствами. Указывая на обращение с народом с позиции силы и власти, зооморфизмы способствуют внедрению в сознание реципиентов ощущения опасности и угрозы, исходящей от метафорически характеризуемых представителей «страшного прошлого». Зооморфные образы очень часто подчеркивают идею о насильственной ломке сложившегося в течение тысячелетий образа жизни и смены социокультурной парадигмы поведения русского человека.

Дрессировщики, заставляющие русского медведя выделять различные па, и сейчас активно реанимируют давнишнюю теорию о том, что Россия – «неправильная» цивилизация, развитие которой следует существенно скорректировать по западному образцу, в противном случае она обречена на гибель. Эти «новые» идеи, по мнению авторов агитационно-политических текстов, вызывают страшный разрушительный эффект морально-психологической растерянности и полной ценностной дезориентации народа, именно поэтому Российское общество сегодня – это общество, утратившее идейные, социальные, нравственные ориентиры, не видящее сколько-нибудь эффективных путей выхода из социального тупика.

Метафоры «животного мира» занимают важное место среди моделей, репрезентирующих настоящее страны в российском политическом дискурсе – 7,8% (см. табл. 2 в приложении 2):

Я попал на работу в, скажем так, южные регионы нашей Родины и понял, что детская мечта сбылась: у меня появился собственный зоопарк. В нем есть гиены, шакалы, змеи и даже упыри, только вот львы и куропатки попадают крайне редко. Да и убивают их быстро и часто (Е. Крутиков // Версия, окт. 2003).

При метафорической характеристике настоящего зооморфные номинации эксплицируют вероломство, коварство, жестокость, хитрость, что обеспечивает ментальную репрезентацию этого пласта реальности в виде однозначно отрица-

тельного образа «мрачного настоящего», где нет места благородству льва и безобидности куропатки.

При создании образа будущего России (14,1%) (см. табл. 4 в приложении 2) большая часть метафорических словоупотреблений источниковой сферы относится к слоту «насекомые»:

*«Тайна беззакония» нынешней власти сполна проявляется на предстоящих выборах. Землемер с рыжей бородкой Волошина «нарезал» российское поле на удобные ему ломти. Животновод и зоотехник Сурков на каждый ломоть поместил политического лидера, которого до этого прилежно выкармливал в инкубаторе из тучной личинки. На «тараканьих бегах» каждый усатый скороход принесет к финишу положенный ему процент голосов (А. Проханов // *Завтра*, 10 сент. 2003).*

Прагматические смыслы приведенных высказываний сводятся к следующим: за гигантскими размерами предвыборных посулов и демократической выправкой кандидатов угадывается тараканья сущность: «служители народа», как тараканы, периодически (раз в четыре года) выползают из щелей и, несомненно, глумясь, «страшают» беззащитных избирателей. Крепкие, ко всему привычные, выносливые насекомые носятся с огромной скоростью по стране, разнося «заразу» и раздавая лживые обещания («ложь на тараканьих ножках ходит» – говорит русская пословица). Отождествление кандидатов с этими насекомыми «внедряет в сознание адресата негативное представление о государственных лицах и политической ситуации» [Ряпосова 2002: 125] в будущем страны, поскольку «тараканьи бега» – забава, в которой победитель хоть и определяется, но при этом остается все тем же тараканом.

В британских текстах агитационно-политического характера доля зооморфной метафоры при моделировании прошлого составляет 2,4% (см. табл. 4 в приложении 2). Большая часть зооморфизмов используется в предвыборном дискурсе как средство политической борьбы и своим представлением предмета речи вызывает негативные ассоциации, связанные с событиями минувших лет:

*He [Mr Prescott] has past form. He openly clashed with former Labour prime minister Jim Callaghan. He told the former PM: «You've lost us two elections in a row» and: «You are leading us like lambs to the bloody slaughter» (N. Assinder // *BBC World at One*, May 17th 2001).*

Образ овцы вводится как символ кротости, терпения и самопожертвования. Однако готовность нести свой крест, нежелание упорствовать характери-

зуют лейбористов прошлого отнюдь не с лучшей стороны. Поскольку от победы на выборах в первую очередь зависят не судьбы партий, а будущее страны, ее народа, чьи интересы они собираются представлять.

Если, описывая ситуацию прошлого, зоонимные метафоры преимущественно выражают идею смирения, покорности судьбе, то при концептуализации настоящего момента действительности к ним добавляются прагматические смыслы покорности хозяину, желания угождать ему во всем (4,5%) (см. табл. 5 в приложении 2):

Our World role at present can be characterised in one phrase – «lapdog to the USA» (S. Preisner // BBC World at One, June 4th 2001); Britain's role in the world seems to be to apologise for history and to play lapdog to everyone else (S. Andrews // BBC World at One, June 4th 2001).

Сравнение Великой Британии, сильной независимой страны, символом которой является царь зверей, с безобидной декоративной собачкой, уютно греющейся на руках хозяина и преданно заглядывающей ему в глаза, используется авторами для усиления отрицательного эффекта контекста в целом: умного и смелого льва природа никоим образом не предназначала для роли комнатной собачки. Подобные метафоры подчеркивают абсурдность, алогичность «мрачного настоящего».

Политическое будущее любой страны зависит от групп, партий и движений, стремящихся во власть, которые в агитационно-политических текстах часто представлены зооморфными образами – 1,8% (см. табл. 6 в приложении 2):

The Tory herd could be extinguished. Vets say that some of them may recover, but Mr. Nicholls was right to express his concern (F. Johnson / The Daily Telegraph, March 14th 2001); A huge majority will give the next government herds of bovine backbenchers willing to endorse dangerous or asinine legislation (N. Cohen // The Observer, January 27th 2001).

Метафорические номинации, представляющие будущее в образах «животного мира», носят резкий критический характер. Метафора «стадо» подчеркивает наличие массового психоза, неспособность коллектива к обдуманым действиям [Вершинина 2002: 52]. Подавляющее большинство метафор наполнено отрицательной символикой, что, очевидно, связано с желанием уменьшить степень влияния политического соперника или унижить его, сформировать не-

гативное отношение к событиям и явлениям социальной и политической жизни страны. Используемые единицы продуцируют образ «ужасного будущего», в котором правят бал ослиное упрямство и телячья глупость.

Одним из способов осмысления общественно-политической жизни в прошлом, настоящем и будущем России и Великобритании является спортивная метафорика (Алферова 2005, Каслова 2003а, Красильникова 2005, Сорокина 2004, Федосеев 2003, Чудинов 2003б, Шейгал 2000, Шехтман 2004а, Malone [http](#) и др.).

При моделировании прошлого и его эмоциональной оценке метафоры модели ЖИЗНЬ – это СПОРТ в российском политическом дискурсе представляют малопродуктивное поле – 0,3% (см. табл. 1 в приложении 2). Наименования рассматриваемой модели оказываются востребованными для описания событий, происходивших на политической арене страны:

И если волейболист Ельцин в молодости побеждал, «втыкая» соперникам «колы», что же много лет спустя удивляться эпатажной дирижерской палочке в его руке – ошеломляющие «свечи» очень даже в духе волейбола. Дзюдоист же Путин с детства привык действовать по-другому – что на татами, что в чине первого лица государства (В. Антонов // Версия, окт. 2003).

Манера ведения поединка в спорте, приемы, используемые в ходе соревнования, коррелируют с разнообразными действиями главного лица страны: его пушечные вертикальные удары, «колы», деморализуют не только оборону соперника, но и ставят в тупик членов собственной команды. Случается, что президент вбивает «кол» не в площадку, а рядом с ней, в результате – проигрыш. Метафоры спортивной источниковой сферы используются для усиления отрицательной коннотации, их концептуальный вектор направлен на создание представления о непредсказуемости, неадекватности действий политических лидеров прошлого.

Заимствование образов, эпитетов и терминологии спортивной тематики является неотъемлемым атрибутом создания образа настоящего России – 4,4% (см. табл. 2 в приложении 2):

Владимир был прижат к канатам, все попытки его вырваться на середину ринга ни к чему не приводили; уклоняясь от мощных спуртов, он уходил в глухую защиту, вязал соперника, но его тактика – отдышаться в клинче – успеха не принесла: встречный кросс отпра-

вил Владимира в глубокий нокаут. Рефери ничего не оставалось, как присудить победу автору зубодробительного удара. Может быть, кто-то подумает, что речь идет о поражении великого боксера Владимира Кличко? Нет. Битым оказался другой Владимир – лидер Либерально-демократической партии Владимир Жириновский (Н. Плиева // Новая газета, 20 нояб. 2003).

Концептуализация манеры ведения предвыборной кампании как игры в бокс, одного из самых жестких видов спорта, вызывает представление о причинении ущерба политическому противнику. Силовые приемы в спорте соответствуют агрессивному поведению политиков и оживляют смыслы, ассоциативно связанные с военной метафорикой, а именно конфронтационный, антагонистический характер предвыборной гонки и «продолженного настоящего» в целом.

Номинации с указанной сферой-источником набрали 3,4% от общего числа проанализированных метафор при прогнозировании потенциального будущего страны (см. табл. 3 в приложении 2):

Мы и не заметили, как выборы превратились в политический марафон, участникам которого еще на старте известно, кто получит кубок, а кого поощрят талонами на усиленное питание. Лидеры и аутсайдеры в любой момент могут меняться ролями. И это никак не связано с изменчивостью настроений электората. Он, этот самый электорат, в нынешнем избирательном процессе вообще ничего не значит и, как в стародавние советские времена, являет собой бессловесную и достаточно управляемую толпу (П. Воцанов // Новая газета, 22 сент. 2003).

Метафорические словоупотребления, представляющие выборы в Государственную Думу как скоростные виды спорта, казалось бы, должны оживлять такие положительные ассоциативные признаки, как «быстрота», «динамика», «стремительность», «движение вперед», закрепляя представления о смелости, колоссальной энергии, силе и активности партий в сознании избирателей. Однако в российском политическом дискурсе указанные единицы наполнены негативным оценочным потенциалом, так как репрезентируют отсутствие потенциальных возможностей кого-либо из кандидатов выиграть, одержать верх над другими, подчеркивая предрешенность исхода избирательного марафона, невозможность повлиять на развитие событий в будущем.

Заимствование образов спортивной тематики является неотъемлемой чертой британского политического дискурса при обращении к образу прошлого – 7,1% (см. табл. 4 в приложении 2):

Some time in the mid-1980s, Bryan Gould, then a member of the Labour opposition in Britain, told me the most honest thing I ever heard from a politician. Those of us in politics, he said, think of it as a ferocious game of soccer, in which every pass, tackle and goal counts. But the great mass of people in Britain, he argued, watch the game with at best desultory attention; most of the time they are listening to the radio, or eating a hot dog, just occasionally sneaking a look to catch up on the score (M. Elliot // FT, May 18th 2001).

В рамках создания образа прошлого спортивная метафорика имеет широкий потенциал воздействия. С одной стороны, представление политической борьбы прошлых лет как командного вида спорта, игры по правилам (англ. soccer – футбол по правилам Национальной ассоциации футболистов Великобритании) выявляет оценочно-интерпретационные смыслы, связанные с понятиями «честное соперничество», «единство», «сплоченность» на пути к достижению цели, характеризующие политическую элиту прошлого. С другой стороны, при помощи спортивных метафорических наименований эксплицируется апатия «зрителей», то есть народа как политического субъекта, его физическая слабость и моральное разложение.

Дух соревнования, который должен быть в крови у британцев, поскольку Англия, по существу, явилась родиной современного спорта [Красильникова 2005: 66], с давних времен присущ только политической верхушке, «болельщики» по сей день ведут себя не по правилам, апатично взирая на то, как решается их судьба и судьба страны:

Nearly 20 years on, that distinction between players and spectators still captures the essence of the British political scene and, for that matter, of the current election campaign (M. Elliot // FT, May 18th 2001).

Тем не менее при моделировании настоящего спортивные метафоры (5,6%) (см. табл. 5 в приложении 2) не столько акцентируют негативные стороны поведения болельщиков, сколько винят в апатии избирателей главных участников предстоящего соревнования:

The frustration shared between the Prime Minister, the Tory leader and a drama-starved media is that no one thinks Mr Hague has a slightest chance of making it to Number 10. You expect a capacity crowd for Manchester United versus Arsenal. Manchester United against Rotherham is

always likely to attract a smaller gate... The advantage of elective politics over football is that there are more than two teams on the pitch (P. Golding // *The Guardian*, May 14th 2001).

Проводя аналогии между основными партиями Великобритании и двумя титулованными клубами, которые являются настоящим украшением сегодняшнего британского футбола, автор подчеркивает, что победы и титулы консерваторов остались в прошлом, в настоящем у них нет шансов противостоять лейбористам и получить место в Лиге чемпионов от политики. Использование спортивной метафоры под другим углом зрения позволяет создать образ «светлого настоящего»:

We have got a lot done since we were elected in May 1997. I believe we have made a good start (T. Blair // *Tribune at Labour's Spring Conference*, February 2001).

Немногочисленные словоупотребления исходной сферы, имеющие позитивный характер, актуализируют фоновые семы достойной подготовки партии власти, успешного старта их политического курса, и, как следствие – достижение успехов в будущем (0,7%) (см. табл. 6 в приложении 2):

T. Blair: We should be a key player in Europe, a leading player, a strategic partner on the basis of a Europe of proud nation states that have come together for reasons of their own national interests to co-operate and work closely together (P. Stephens, B. Groom, J. Guthrie // *FT*, May 24th 2001).

Позитивно нагруженные единицы со сферой-донором «спорт» характеризуют преимущественно ситуацию в «отдаленном будущем», тогда как метафорическое представление «ближайшего будущего» наделено отрицательной энергетикой:

The British like races, especially if they can place a bet on its outcome. But not even a nation of punters is going to be able to extract much suspense from the general election due on June 7th (*The Economist*, May 12th 2001).

Скачки – королевский спорт, зрелище, которое, сохраняя свой «аристократический флер», является увлечением большинства британцев, в отличие от их заинтересованности и участия в выборных процедурах. Любителей скачек эти соревнования привлекают своей драматичностью и невозможностью предсказать исход. Отсутствие этих характеристик у избирательной кампании, заранее известный и предрешенный финал – причина апатии и равнодушия избирателей к выборам, своей судьбе и будущему страны.

В политическом дискурсе парламентских выборов двух стран игровая метафорика, близкая к понятийному полю «спорт», выполняет важную роль в осмыслении и категоризации прошлого, настоящего и будущего (Балашова 2003, Каслова 2003а, Феденева 1997, Федосеев 2003, Чудинов 2001а, 2001б, 2003б, Шаова 2005, Шехтман 2004с и др.).

Метафорические единицы, представляющие модель ЖИЗНЬ – это ИГРА, набрали 1,9% при обращении к образу прошлого России (см. табл. 1 в приложении 2):

В дни десятилетия кровавого переворота, уничтожившего Советскую власть, был придуман вполне иезуитский ход: на коммунистов напали «слева», то есть как бы от имени «более правильных» коммунистов. «Карта» разыгрывалась такая: струсил, мол, тогда Геннадий Андреевич — не встал в ряды защитников. (Б. Осадин // СР, 16 окт. 2003).

Прошлое, представленное как карточная игра, вызывает негативные ассоциативные признаки. Метафорика карточной игры репрезентирует политику «страшного прошлого» как нечестное занятие, где многое делалось «на удачу», в обход норм, правил, законов.

Как показывает материал, среди наименований сферы-источника «игра», использующихся для моделирования настоящего (2,9%) (см. табл. 2 в приложении 2), азартные игры также являются наиболее распространенным способом концептуализации общественно-политической жизни страны:

Общество нетребовательно, а потому и не происходит обычной для демократических систем ротации политических кадров. Вот уже десять лет у нас не появляется новых политиков, способных стать звездами первой величины. Политическая колода тасуется многократно и затерта до дыр (П. Воцанов // Новая газета, 8 сент. 2003).

Употребленные в агитационно-политических текстах метафоры «карточной игры» продуцируют образ «мрачного настоящего», репрезентируя политическую деятельность как бесконечные интриги, попытки перехитрить конкурентов, обманные действия активных игроков и одновременно подчеркивая пассивность большинства политических деятелей. Тем не менее в российском дискурсе встречаются немногочисленные концепты, «одобряющие» участие человека в жизни-игре:

Выборы — это веселая игра, которая позволяет проверить свои творческие способности и (иногда) неплохо заработать (А. Титков // Версия, нояб. 2003).

Указанные наименования совмещают полярные по значению смыслы: одобряя участие «творческих» политиков в предвыборной гонке, автор также акцентирует тот факт, что политическая деятельность (нешуточное и нелегкомысленное занятие) в настоящем превращается в развлечение и забаву.

Метафорика анализируемой понятийной сферы наиболее широко используется для представления и оценки будущего России – 19,9% (см. табл. 3 в приложении 2):

Предвыборная шахматная партия началась. Кто в ней будет (прибегая к шахматной терминологии) ферзями, слонами и пешками? Как будет проходить дебют? Что произойдет в эндшпиле? Предлагаем читателям разбор предвыборной шахматной партии. Условно: белыми играют либералы и реформаторы, черными – коммунисты и национал-патриоты. На белом фланге, разумеется, «Яблоко» и «Союз правых сил». Г. Явлинский и Б. Немцов — опытные игроки. В предыдущих партиях их причисляли к тяжелым фигурам. Но в последние три года они только теряли пешки. Их спасает то, что олигархи все еще покупают им информационные доспехи и нанимают опытных PR-тренеров. Если считать по рейтингу (5–7%), они почти уже пешие. Но король белых наверняка захочет, чтобы в его свите были известные на Западе рыцари с красивыми перьями на шлемах. Им, скорее всего, подарят коней из кремлевской конюшни. Немцову – каурюю кобылу, Явлинскому – рысака в яблоках. На них они и смогут въехать в Госдуму. Но на чужих конях скакать неудобно (В. Костиков // АиФ, 10 сент. 2003).

Шахматы связаны в сознании коммуникантов с игрой, требующей определенных навыков, умения мыслить логически, поэтому политика, репрезентированная как игра в шахматы, обнажает дальновидность кандидатов, умение правильно рассчитать свои силы, предсказать ситуацию, угадать замыслы конкурента. Это внушает избирателю надежду, что за шахматной доской политических игр будущего будут люди умные, способные продумывать свои действия на несколько ходов вперед. С другой стороны, развернутая шахматная метафора, передавая читателю авторскую иронию, ставит под вопрос возможность и реальность «светлого будущего».

При моделировании прошлого Великобритании количество метафорических словоупотреблений ментальной сферы-источника «игра» составляет 0,9% (см. табл. 4 в приложении 2):

«However much Labour improves the health service, it is likely the Tories will reap the benefit», warned Coote. At the last election Labour saw health as its trump card. Four years later, health has become its Achilles' heel (A. Browne // The Observer, May 20th 2001).

Большинство метафорических наименований модели, характеризующая общественно-политическую ситуацию прошлого, несут негативные прагматические смыслы, активизируя векторы карточной игры. Наиболее актуальные концептуальные векторы, присущие источникам, – резкое осуждение азартных политических игр, «в которых выигрыш связан не с мастерством, а со случайностью» [Каслова 2003а: 101].

Не менее активно карточная метафорика используется в рамках моделирования общественно-политической ситуации в настоящий момент действительности – 2,3% (см. табл. 5 в приложении 2):

Mr. Hague's strongest card – his opposition to membership of the single currency – has been played a week early (M. Seddon // Tribune, June 6th 20.01).

Недовольство ситуацией, складывающейся в стране, адресовано в первую очередь людям у власти, максимально дистанцированным от народа, словно существующим в другом мире, где играют в «свои» игры, устанавливая «свои» правила:

The rules of the game are artificial, confected by politicians for politicians (P. Preston // The Observer, May 21st 2001).

Поскольку жизнь, по мнению англичан, – это игра, где каждый участник должен соблюдать правила, иначе она теряет смысл, в данном контексте метафора «игры» подчеркивает идею дистанцированности политиков от народа, их индифферентности к электорату, поглощенности ходом игрищ «мрачного настоящего».

Карточно-игровая сфера также представляет собой актуализированный источник для метафорической характеристики будущего Великобритании – 3,5% (см. табл. 6 в приложении 2):

But he [Ch. Kennedy] turned most of his fire on the Tories, describing their policy as "a complete mess" and saying that the Conservatives would want to play to prejudice over Europe (BBC World at One, March 31st 2001).

Несоблюдение правил «честной игры», игра политиков на слабостях и предрассудках избирателей представляют избирательную кампанию как дейст-

во, пронизанное тайными замыслами, интригами, обманными маневрами, подчеркивают идею азартности, увлеченности ходом игры:

Tony Blair has won the general election by a landslide. Will he then try to put the UK inside the euro-zone? If he does, he will be taking the gamble of his life. Will they take the gamble? I do not know. But I would be quite surprised if they did so (M. Wolf // FT, June 5th 2001).

Будущее оказывается связанным с риском, полной непредсказуемостью финала. В отличие от азартных игр на карту здесь поставлена не судьба отдельного игрока, а будущее всей страны.

Несмотря на малочисленность, огромным прагматическим потенциалом при создании образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании обладают единицы, представляющие концептуальную модель ЖИЗНЬ – это СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (Красильникова 2005, Чудинов 2003b, Шаова 2005, Adamson, Johnson, Rohrer, Lam [http](http://), Anderson [http](http://), Lakoff [http](http://) и др.).

В современной российской политической коммуникации метафоры родства при моделировании прошлого (0,6%) (см. табл. 1 в приложении 2) приобретают негативную окраску:

Отсюда следует, что после 1917 года так называемой «общественной собственности» в СССР никогда не было. Так называемая «общественная собственность» на самом деле была частной собственностью элитарной бюрократии (ЦК КПСС, крайкомы, обкомы, райкомы, горкомы). Эта партийная «элита» воспроизводила саму себя в «династических браках». Таким образом сложился управленческий корпус страны по кланово-мафиозному принципу (КПЕ); Начиная с октября 93-го и даже раньше, народ России, словно пасынок, брошен и ненавидим властью. Потеряв свой строй, своих законных избранных, свое право выбора, народ превратился в помеху для власти, в досадное препятствие для претворения в жизнь ее дьявольских планов (Д. Тукманов // Завтра, 1 окт. 2003).

В рассмотренных материалах абсолютное большинство концептов ориентировано на образное представление «страшного прошлого» российского народа, который никогда не ощущал тепла и истинной заботы о себе, был лишним и ненужным государству.

При концептуализации настоящей действительности России (2,5%) (см. табл. 2 в приложении 2) наиболее частотным оказывается метафорическое использование лексики, обозначающей супружеские отношения:

У политиков сейчас в некотором роде брачный сезон. Все они в эту пору стараются понравиться избирателю, а тот, будто девка на выданье, приглядывается: кому же отдать предпочтение? На одних посмотрит — ну откровенные негодяи! Зато с собственностью и при больших деньгах — может, хотя бы воровать не будут? Во всяком случае, не так много. Другие — вроде люди порядочные, мухи не обидят и чужого не тронут. Да какая с того электорату радость? Разговоры про права и свободы на тарелку не положишь. Центристы — вроде мужики справные, все как один с положением. Но и тут не без изъяна — образно говоря, постель-то они всегда будут делить не с теми, кто отдаст им руку и сердце, а с президентом В. В. Путиным. У них так заведено: что тот прикажет полюбить, то и полюбят. Поэтому от тех, что «под Вождем», народу тоже не больно проку. С ними его ждет печальная доля «соломенной вдовы», у которой ни воли, ни мужа (П. Воцанов // Новая газета, 29 окт. 2003).

Проанализированные метафоры, по сфере-источнику характеризующие межличностные отношения, актуализируют в сознании адресата понятие брака, который заключается не по причине взаимной любви, а по расчету и изначально обречен на неудачу – «ужасное будущее». И все же отдельные стороны российской действительности, концептуально переосмысленные в терминах родства, ведут к формированию образа «светлого настоящего» России:

Родина — это родимая земля, что-то близкое, теплое, уютное. Родина рождает. На родине тебе сочувствуют. Она, как мать, встречает тебя словами утешения. Родина мила, но ей самой нужна поддержка. Отечество — в отдалении. Из этой отдаленности слышен строгий голос отца. Холодный и повелительный. Отечество требует служения. Оно надзирает, наказывает и поощряет. В нем сила. От него исходит порядок (Ф. Гиренок // Завтра, 15 окт. 2003).

В приведенном примере метафорически выражена духовная близость, привязанность народа к Родине-матери, именно в ней русский человек находит великое утешение от многих зол прошлого и настоящего. Родина, домашний очаг становятся не местом пребывания и существования, а местом, где хочется жить и куда хочется вернуться. И даже в строгости Отечества-отца больше сладкого, чем горького. При создании образа «светлого настоящего» метафоры «родства» эксплицируют элемент взаимопонимания, комфорта, терпимости, взаимного уважения и взаимной заботы, лежащих в основе взаимоотношений между Россией и ее народом.

Немногочисленную группу представляют метафорические номинации, в рамках которых осмысление будущего России ассоциативно связано с семейными узлами – 0,5% (см. табл. 3 в приложении 2):

А можно «коротко и о главном»? О том, что олигархам, что называется, «слабо» бороться за высший российский государственный пост. И потому они сооружают альтернативные государственные конструкции. Ходорковский и Березовский, конечно, сильные люди. Но они не мыслят себя успешными верховными женихами. Не верят, что невеста полюбит (С. Кургуинян // КП, 23 окт. 2003).

Метафора «родства» определенным образом программирует дальнейшее развитие событий. За политической метафорой стоит сценарий действий, и политики, используя подобное обозначение, не в состоянии выйти за пределы этого сценария: ухаживание за «невестой» не приведет к счастливому супружеству, поскольку, будучи многократно обманутой «бывшими» претендентами на ее руку, «невеста» (народ) не допускает мысли, что будущее может быть светлым.

В британском парламентском дискурсе доля метафор ментального поля-источника «родство» составляет 2,4% (см. табл. 4 в приложении 2):

Labour had committed itself to modernise Britain and build a fairer society, but Mr. Blair knew the electorate needed reassuring that past mistakes would not be repeated. Old «tax and spend» policies were out. And Labour would welcome business as a partner...But after the honeymoon, rows began to surface within the government. Embittered party members spoke out over the "control freak" tendencies at the top of the party, and the penalties for being «off message» (Peter Gould //BBC World at One, March 4th 2001).

В агитационно-политических текстах Великобритании именно правительство регулярно возникает в образе семьи, с присущими отдельной семье типом отношений, внутренними противоречиями, дразгами, мелкими обидами, и с соответствующей оценкой ее морального облика, «страшного прошлого» и «мрачного настоящего»:

We know that the Blair/Brown marriage (that is how friends describe this unique political partnership) can be as turbulent as it is intense. They know that for all its inherent rivalry, neither would prosper from divorce (P. Stephens // FT, June 7th 2001).

Прагматические смыслы подобных высказываний сводятся к следующим: союз сильных личностей, не уступающих друг другу ни в чем, постоянно оспа-

ривающих пальму первенства, вряд ли станет залогом благосостояния и процветания страны.

При создании образа настоящего (3,9%) (см. табл. 5 в приложении 2) метафора «родства» моделирует взаимоотношения не столько внутри Парламента, сколько народа и его избранников:

If the 2001 election campaign is remembered for anything at all, it will be for being so unmemorable. Its defining moments and images may symbolise the point at which the British public finally fell out of love with politics and its practitioners (B. Hunt // FT, June 6th 2001).

Отсутствие любви народа к политикам, безразличие к избирательному процессу вполне мотивированно:

Most of the voters who abstain on June 7th will do so because they do not care about politics. But others will be turned off by the way in which politicians comport themselves. Politics would not be fun if it became too pious. On the other hand, like matrimony, an election is not to be taken in hand unadvisedly, lightly, or wantonly, but reverently, discreetly, advisedly, soberly, duly considering the causes for which elections were ordained (The Economist, May 12th 2001).

Политика, как и брак, предполагает серьезность, рассудительность, взаимную заботу, обдуманность действий обеих сторон, только в этом случае можно достигнуть взаимопонимания, научиться находить компромисс и совместными усилиями превратить «мрачное настоящее» в «светлое настоящее».

Исследуемые метафоры отличаются сильным эмотивным потенциалом при создании образа будущего Великобритании – 3,5% (см. табл. 6 в приложении 2). Будущее предстает перед читателями то в светлом ключе, то в темном, в зависимости от того, какие цели преследует адресант. Все связанное с избранием правительства Т. Блэра на второй срок априорно приобретает отрицательную оценку:

«Vote for me, I'm evil, but I'm not quite as evil as the other guy» is not an inspiring a slogan for those who prefer to avoid evil in all of its manifestations. If an abused friend threatened to leave a violent man, you would think her foolish if she were persuaded to stay by the protestation: «I know I can't stop beating you up, but there are men who will kill you out there» (N. Cohen // The Observer, May 27th 2001).

Нагнетание необходимого настроения достигается за счет создания ассоциативно-образного плана, подчеркивающего сарказм адресата: журналист отождествляет женщин, согласных терпеть побои и издевательства мужей из страха остаться в одиночестве, с потенциальными избирателями, которые, бо-

ясь грядущих перемен, готовы избрать правительство Тони Блэра на новый срок, несмотря на «отвратительные отношения», царящие в настоящем. В данных метафорических словоупотреблениях развивается негативная оценочность, связанная с коннотациями предательства, физического насилия и унижения, в результате чего у читателя должно сформироваться необходимое восприятие описываемого события, острое негативное отношение к главному «персонажу».

«Прекрасное будущее» в рамках рассматриваемой метафорической модели связано с концептами измены и развода:

*The prospect is paradoxically liberating. You are now free to – I would say you have a duty to – desert your old partner. I've talked of evil husbands and battered wives, but I prefer to use a happier simile when I describe to virgins what the experience of not voting New Labour is like. It's like making love. The first time is a furtive, strangely guilt-ridden experience. But the more you practice not voting New Labour, the better you get. You discover new positions – the Lib Dem embrace, the Socialist Alliance tumble, the earthy Green hug. As your self-esteem grows, you resolve never to vote New Labour until it condescends to pay you the attention you deserve. (N. Cohen // *The Observer*, May 27th 2001).*

Анализируемые метафоры акцентируют мысль о том, что будущее требует радикальных мер и серьезных решений, ведь каким оно будет, зависит только от самих избирателей.

Востребованными при воссоздании картины прошлых лет, описании настоящей действительности и прогнозировании будущего в политическом дискурсе двух стран являются метафоры со сферой-донором «неживая природа» (Гришина 2002, Камалова 1998, Караулов 1976, Маслова 2004, Феденева 1997, Чудакова 2005, Zinken 2004 и др.).

При моделировании прошлого метафоры из сферы-источника «неживая природа» в российском политическом дискурсе составляют всего 0,3% от общего числа проанализированных метафорических единиц (см. табл. 1 в приложении 2). Наиболее актуальными для процесса метафоризации политического прошлого в дискурсе российских СМИ оказались признаки «мутной воды»:

Если «ельцинизм» – это мутная теплая лужа со множеством червячков, головастиков, личинок, инфузорий, бацилл и бактерий, которые кишат, плодятся, мгновенно отравляют всякого, кто нагнулся к ядовитой воде, то «путинизм» — это та же лужа, но превратившаяся в сизый плоский лед, куда вморожены воздушные пузыри неосуществленных

*«либеральных реформ», застыла ледяная рябь остановившегося «ветра перемен» (А. Проханов // *Завтра*, 11 нояб. 2003).*

Некоторые факты, уже ставшие достоянием политической истории, не поддаются однозначной интерпретации и сближаются в своих свойствах с образом замутненной воды [Феденева 1997: 88]. Образ «мутной воды» отражает негативные оценки: отсутствие ясности, неопределенность, лживость в отношениях «страшного прошлого». Прагматический смысл можно сформулировать следующим образом: в политике и экономике минувших лет не существовало честных, незапятнанных отношений, экономисты и политические лидеры для достижения личной выгоды намеренно создавали, провоцировали трудные ситуации. И, как следствие, «мутная ядовитая лужа» прошлого превратилась в бескрайние массы льда настоящего.

При создании образа настоящего (1,4%) (см. табл. 2 в приложении 2) также наиболее частотны метафоры с негативно-оценочным потенциалом:

*Текст заявления РСПП, «Деловой России» и «Опоры России»: Развернуть ситуацию может только ясная и недвусмысленная позиция Президента РФ В. В. Путина. Ее отсутствие сделает необратимым ухудшение экономического климата и превращение России в страну, неблагоприятную для развития бизнеса (О. Губенко, Е. Загородняя / *Известия*, 26 октября 2003); Б. Грызлов: Сегодняшняя бюрократия – это препятствие на пути реализации планов президента, это болото, в котором тонут все инициативы, направленные на благо страны. (А. Никольская // *Газета*, 10 нояб. 2003).*

В основе метафорических единиц, представляющих модель при концептуализации настоящего, лежит, во-первых, представление о том, что процессы, происходящие в жизни нашего общества, подобны природным: они имеют определяющее значение, однако так же непостоянны и плохо прогнозируемы. Во-вторых, для человека, а также государства-как-человека, идущего по жизненному пути, некоторые из них представляют опасность, могут затянуть и помешать достичь поставленной цели [Чудакова 2005: 101]. Наиболее развернутые метафоры с ярко выраженными пейоративными смыслами характерны для представления избирательной гонки:

Кончается ноябрь — самый угрюмый месяц в году, с его снеговыми тучами, осыпающими недолговечным снегом, с осенними мглистыми далями, с непролазной грязью на дорогах и в российском (грузинском, литовском, N-ском) политическом ландшафте. Не зря говорят в народе: «В ноябре рассвет с сумерками среди дня встречается». Надвинулись мрач-

ные сумерки сознания, замутненного телевидением (критик Наталья Иванова вопреки сетке вещания и здравому смыслу пугается, что оно становится советским), пронизывающий ветер разносит пиаровские завывания, крики тбилисской толпы и подавленное молчание москвичей и липчан, качает гигантские рекламные щиты с примелькавшимися лицами, а ложь падает крупными хлопьями и, в отличие от снега, не тает под солнцем правды и дождевыми слезами опыта. Порой, глядя в тоскливое предвыборное пространство, хочется повторить грустную фразу Чехова: «Рано или поздно правда победит. Но это — неправда...» (А. Сафаров // СР, 29 нояб. 2003).

Опасные, проблемные ситуации в стране метафорически представляются концептом «туча» – большое, обычно темное густое облако, несущее дождь, снег или град [Солганик 2002: 676]. В метафорических словоупотреблениях приведенных концептов акцентуализируются коннотации неприятности, угрюмости «мрачного настоящего», вызывая ассоциации приближающейся опасности, неожиданных бурных общественно-политических потрясений в будущем страны.

При характеристике политической ситуации будущего России метафорическое использование лексем, относящихся к полю-источнику «неживая природа», составляет 1,1% (см. табл. 3 в приложении 2). Концепты исходной сферы позволяют продуцировать различные образы, как негативные, так и позитивные:

Дальше — полный туман и неопределенность. Между тем нынешнего технологического ресурса России в лучшем случае хватит до 2008 года. Если к этому рубежу нам не удастся создать эффективную систему управления, отвечающую современным, весьма и весьма жестким требованиям, историю России можно будет считать законченной (М. Делягин // Завтра, 15 окт. 2003).

Будущее, скрытое пеленой тумана, представляется неясным, сомнительным, запутанным и неопределенным. Политические деятели лишены ясного видения возможного развития событий, что приводит к превратному пониманию ситуации в будущем страны и, как следствие, неадекватным действиям сильных мира сего. Однако исходные концепты, развернутые в метафоры, могут использоваться для создания образа «относительно светлого будущего»:

«Нет сомнений, что в стране нарастает понимание всей пагубности и трагичности такого положения, — подчеркнул Г. Зюганов. — Разного рода миражи, питающие надежды

на Путина и «Единую Россию», рассеиваются, они обречены на исчезновение (пресс-служба Г. Зюганова // СР, 29 нояб. 2003).

Следует отметить, что в данном контексте негативные коннотации, связанные с концептом «мираж» (оторванность от реальной жизни, вера в несбыточные мечты, лживость), снимаются. Указывается, что, невыполнимые обещания, мнимые общественные идеи и политические направления носят ограниченный, временный характер, в будущем ситуация существенно изменится в лучшую сторону.

В британском политическом дискурсе группа коннотативно нагруженных словоупотреблений со сферой-донором «неживая природа» является частотным случаем метафорической реализации образа прошлого – 4,3% (см. табл. 4 в приложении 2):

Despite the seismic shift in the political landscape caused by Labour's overwhelming victory of May 1997, the abiding memories of the night itself were the many moments of personal drama as a number of high profile political careers were launched, stalled or absolutely destroyed (B. Hunt, M. Green, J. Blitz // FT, June 5th 2001).

Большинство метафорических словоупотреблений модели, характеризующих политическую, социальную, экономическую, финансовую сферы, несут явно выраженные негативные прагматические смыслы. Они создают образ опасного, непредсказуемого прошлого. В такой стране трудно выжить и противостоять происходившим процессам практически невозможно. Однако в процессе метафоризации прошлого Великобритании актуализируются концепты, в которых содержатся в зависимости от интенций адресанта положительные коннотации, продуцируя образ «величественного прошлого»:

The historian Lewis Namier once said: «General elections are the locks upon the stream of British democracy, controlling the flow of the river and its traffic». The metaphor is accurate and precise. Elections are sometimes watersheds – 1906 and 1945 are obvious examples. More often they serve to confirm an important change in direction in a nation's life that has already occurred (B. Hunt, M. Green, J. Blitz // FT, June 5th 2001).

Дискурс СМИ использует позитивный потенциал метафор, характеризующих общественно-политическую ситуацию прошлого как время стабильности, спокойствия, движения вперед, поскольку концепт «текущая вода» обозначает источник и символ жизни, позитивное движение и развитие [Чудакова 2005:

92], вызывая пучки позитивных ассоциаций: значимость, непрерывное движение, устремленность вдаль.

Как показал проведенный нами анализ, метафоры с концептуальной сферой-источником «неживая природа» являются достаточно востребованными в дискурсе британских средств массовой информации при моделировании настоящего – 2,3% (см. табл. 5 в приложении 2):

*This government has expended megawatts of nervous energy looking over its shoulder at Labour's past failures rather than driving ahead. That is why it has too often set its sail by the fickle breezes of the focus groups and the blustering winds of the tabloids. (A. Rawnsley // *The Observer*, June 3rd 2001).*

Метафорические единицы «переменчивый бриз», «неистовые ветра» выражают негативную оценку, актуализируемую семами непостоянства, подвижности, неустойчивости, опасности, непредсказуемости. В основе метафорических словоупотреблений лежат ассоциации нестабильной социальной обстановки «мрачного настоящего», неустойчивости политических процессов с подвижной воздушной стихией. Метафоры «неживой природы» моделируют образ непостоянной действительности, порой агрессивной и опасной.

При метафорической характеристике будущего Британии процентное количество наименований рассматриваемой модели составляет 1,5% (см. табл. 6 в приложении 2):

Our superb interactive map of the United Kingdom will make it easy for you to find out how the political dust has settled in your part of the country. We'll be first with the full constituency details for every constituency (Daily Mail, May 4th 2001).

Метафоры, созданные на базе сферы «пыль», представляют политические события будущего как ненужные и вместе с тем неизбежные, легковесные и требующие постоянных усилий для поддержания «идеальной чистоты» в политике. Использование метафорических наименований исходной сферы «неживая природа» часто нацелено на сопоставление двух временных горизонтов – прошлого и будущего:

Margaret Thatcher – the Mummy returns – has risen from the tomb to fire the converted and scrape her chilly finger down the spines of everyone else. Sir Edward Heath has heaved a shoulder into the campaign to tell the country his party deserves defeat. I am unsure which eruption from

these ancient volcanoes will have done Mr. Hague the most damage with floating voters: Sir Ted stabbing him – or Baroness Thatcher smothering him. Those two former Prime Ministers have evacuated their opinions. But from the last Conservative occupant of Number 10, and the two most senior members of his government, we have heard only silence (A. Rawnsley // The Observer, May 27th 2001).

Данные примеры свидетельствуют, что в процессе метафоризации будущего актуализируются несколько смысловых компонентов: опасность, сокрушительная сила, огромные жертвы и разрушения, которые влечет за собой извержение вулкана. Показательно и использование антитезы: противопоставляются, с одной стороны, великие политики прошлого – вулканы, оказывающие влияние на политический ландшафт страны, силе которых сложно противостоять, чья деятельность внесла радикальные изменения в жизнь страны, а с другой – политики будущего, образно представленные как пыль, которую может развеять легкое дуновение и она исчезнет, не оставив следа, или в лучшем случае осядет на страницах истории.

При характеристике прошлого, настоящего и будущего в парламентском дискурсе России и Великобритании активизируется так называемая финансовая метафора с экономической сферой метафорической экспансии (Каслова 2003с, Чудинов 2001d, Lakoff 1991, Lakoff, Johnson 1980, Rohrer 1995 и др.).

Источниковая сфера является актуальной для метафорического отображения прошлого России – 3,7% (см. табл. 1 в приложении 2):

Разве это «цивилизованный рынок», который сулили нам перестройщики-реформаторы? Это дикий воровской базар, это власть увесистого кулака и толстого кошелька. Это позорное торжище, где продается и покупается все и вся (программа КПРФ).

В рамках представленной модели политические действия лидеров прошлого концептуализируются как финансовая или экономическая деятельность (отношения купли-продажи), которые, как правило, имеют пейоративную эмоциональную нагрузку, поскольку в нашем национальном сознании традиционно порицалось перенесение в политическую сферу законов и традиций, существующих в сфере товарно-денежных отношений.

Метафорическая модель, актуализирующая смыслы, связанные со сферой-источником «торговля», получила широкое распространение в российском

политическом дискурсе при моделировании настоящей действительности – 3,6% (см. табл. 1 в приложении 2):

*Предвыборная кампания любой партии сегодня напоминает какой-то сетевой маркетинг, когда всеми силами и средствами потребителю пытаются всучить свой товар, не особенно задумываясь о том, нужен ли он потенциальному покупателю или нет. Вполне естественно, что у залежалого и попросту негодного товара может оказаться очень качественный рекламный ролик, и потом купившиеся на броскую рекламу будут долго думать, как избавиться от своего «приобретения». Вот и кампания по выборам в Государственную думу напоминает рынок, где «продавцы», в роли которых выступают партии и кандидаты, предлагают «покупателям» – избирателям – товар в виде предвыборных программ и обещаний. Это сходство, причем именно с российским «диким» рынком, усиливается тем, что, купив некачественный товар, вернуть его обратно вы уже не сможете (С. Глазьев // *Завтра*, 18 нояб. 2003).*

В современной политической речи в качестве товара метафорически могут быть представлены политическая программа, авторитет политика, его голос в Думе, честь, совесть и другие пользующие спросом качества. Представленная метафорика несет негативный прагматический потенциал, так как оживляет смыслы доминирующей роли в обществе товарно-денежных, коммерческих отношений, отодвигая на второй план нравственную составляющую деятельности субъектов политики, активизирует семы «расчетливости», «духа коммерции».

Единицы концептуальной модели ЖИЗНЬ – это ТОРГОВЛЯ имеют широкие возможности для формирования эмотивных смыслов при создании образа будущего – 1,9% (см. табл. 3 в приложении 2):

*В сущности, драма современности открылась мне во всей своей простоте. Деятельные, энергичные, состоятельные люди России вскоре скупят родимую власть в своих интересах, и она будет работать для них, как, наверное, и должна бы. Вопрос, стало быть, сейчас в предпродажной подготовке и цене. И чем кощунственнее и путаннее программа дальнейшей жизни, тем выше стоимость покупки. Вот и вся интрига (С. Мостовицков // *Газета*, 22 окт. 2003).*

Метафоры с исходной понятийной сферой носят оценочный характер, они характеризуют политическую ситуацию будущего в основном как неблагоприятную, оживляя негативные ассоциативные признаки, связанные с нарушением нравственных норм и традиций. Прагматический потенциал метафор описываемого фрейма можно представить следующим образом: политические,

экономические, социальные отношения внутри общества напрямую зависят от кошелька «идуших во власть», возвращение к нормальному, естественному ходу вещей требует немедленного принятия эффективных мер:

Пресечем ограбление села. Ликвидируем «ножницы цен» на продукцию города и деревни. Поддержим разнообразные формы хозяйствования на земле. Остановим распродажу общенародного достояния — земель сельскохозяйственного назначения. Труженник на земле — это не только пахарь и сеятель, но и хранитель народной души (программа КПРФ).

Представленные метафоры наполнены положительным прагматическим потенциалом, так как акцентируют внимание адресата на позитивных преобразованиях в жизни страны, эксплицируя тем самым их стремление изменить процессы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, а вместе с ними общественно-политическое устройство государства, основы морали и этические нормы.

Метафорическое употребление финансовой метафоры характерно для представления образа прошлого в британских текстах агитационно-политического характера — 4,7% (см. табл. 4 в приложении 2):

Wisely perhaps, Labour is not standing on its record as a whole but is instead relying on the performance of the economy — which, it must be admitted, has not done too badly. Yes, the fundamentals were inherited from the previous management; but at least the finance director has not made many mistakes (Lord Hanson // FT, May 21st 2001).

Представленная метафорика выявляет смыслы «расчетливость», «дух коммерции», доминирующей роли товарно-денежных отношений в прошлом страны: жизнь и деятельность политических структур и даже отдельных граждан концептуализируется с позиций финансовой прибыли или убытков, продажи или покупки, накопления капитала или банкротства.

Финансовая сфера является продуктивной при обращении к образу настоящего Великобритании — 3,2% (см. табл. 5 в приложении 2):

Safeway has been subsumed by the barely containable election frenzy, with its special edition ales. It is selling Red Flag Bitter, True Blue Bitter, Alliance Bitter (that one must be left over from the 80s) and, for Scottish and Welsh drinkers only, Nationalist Bitter. Should something be read into the fact that Red Flag (which «sat on the back shelves during the 70s and 80s but this “new” union of moderate flavours has reached unrivalled levels of popularity») has a best before date earlier than that of True Blue («perhaps for the richer palate and good for the constitution, it has recently removed all European ingredients in order to appeal more fully to the traditional-

ists»)? And before you all ask – no, True Blue does not come in 14-pint bottles (A. Jay // The Daily Telegraph, May 15th 2001).

Представленные метафоры эксплицируют негативные ассоциативные признаки, связанные с товарно-денежными отношениями. Номинации британских партий в качестве сортов пива, выставленных на продажу, создает уничижительную коннотацию иронии при метафоризации образа настоящего. Активное использование финансовой метафоры способствует элиминации нравственной составляющей при оценке политической деятельности [Чудинов 2001d: 33] «мрачного настоящего».

На долю метафорического осмысления будущего в концептах торговли приходится 1,8% (см. табл. 6 в приложении 2):

Three simple words. Freedom, Justice, Honesty. These sum up what the Liberal Democrats stand for. Freedom – because everybody should have the opportunity to make the most of their life. Justice – because freedom depends on fairness. Honesty – because where fairness has a cost, like investing in schools, hospitals and pensions, we explain how it will be paid for (Liberal Democrat General Election Manifesto).

Рассматриваемые концепты в большинстве случаев представляют позитивно окрашенный источник метафорического словоупотребления в британском политическом дискурсе, активизирующий смыслы «честность», «справедливость» в отношениях «светлого будущего».

В качестве одного из источников метафорической экспансии при моделировании прошлого, настоящего и будущего в парламентском дискурсе России и Великобритании часто используется представление об устройстве механизма (Баранов 1997, Баранов, Казакевич 1991, Бельский 1954, Красильникова 2005, Санцевич 2003, Чудинов 2003b, Zinken 2004 и др.).

В российских текстах предвыборной агитации концептуальная метафора с технической сферой-источником активно используется для создания образа прошлого – 2,2% (см. табл. 1 в приложении 2):

Г. Зюганов: «В поздней КПСС не было надежных механизмов «обратной связи», руководство толком не знало, как воспринимают граждане преобразования, из-за чего не смогло вовремя корректировать ошибки (пресс-служба ЦК КПРФ / СР, 25 сентября 2003); Государственный переворот осени 1993 года был завершающим «аккордом» буржуазной революции, вернее, контрреволюции, подготовленной мощной тоталитарной идеологической машиной «демократов» под дирижерскую палочку Ростроповича (СР, 30 сент. 2003).

Механистическая метафора создает в сознании реципиента прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием субъектов политической деятельности прошлых лет как мощной силы, которой чужды любые проявления чувств и безразличны интересы отдельной личности. События «страшного прошлого» происходили по инерции, автоматически, зачастую, необратимо.

Механистическая метафора, направленная на формирование образа современной действительности в российском политическом дискурсе (2,4%) (см. табл. 2 в приложении 2), обладает большой властью над эмоциями и оценками реципиентов и способна оказать существенное влияние на сознание адресата:

Если политические элиты усомнятся в крепости кремлевского руководства, у них вновь может появиться соблазн расшатать ситуацию. Не допустить подобного — в его [А. Медведева] власти. Тем более что ему достался вполне отлаженный механизм управления страной — шестеренки вращаются, ремни натянуты. Главное — верный курс держать (Т. Нетреба // АиФ, 12 нояб. 2003); Александр Коновалов, президент Института стратегических оценок и анализа, напомнил коллегам, что об экономическом росте не может быть и речи, пока в стране одних собственников сажают, а другие бегут за границу. Виновата в этом, по мнению ученого, огромная и разветвленная бюрократическая система, унаследованная Россией от предыдущего строя (М. Дичев // Известия, 1 окт. 2003).

В рамках рассматриваемой модели идеология воспринимается как деятельность механизма, закручивание гаек, нажатие на рычаги и кнопки. Собираемый образ России в ходе механистической метафоризации представляется схематичным: такие конструкции создают только видимость целостного отображения действительности. Причиной такого схематичного представления действительности является завуалированное отношение автора к описываемым событиям «мрачного настоящего».

Как показывает анализ материала, метафоры с исходными понятийными смыслами «механизм» служат в современной политической речи источником метафорических номинаций при моделировании возможного будущего страны — 1,9% (см. табл. 3 в приложении 2):

Бюрократический аппарат постепенно возрождает старую вертикаль. С маленькой поправочкой. Система отныне будет работать не на решение вселенских задач, а на выживание аппарата. Прибавочная стоимость, изъятая у олигархов, пойдет не на космос и пионерлагеря, а на удовлетворение собственных потребностей (А. Смирнов // Завтра, 11 нояб. 2003).

Несмотря на то что лингвисты отмечают «нейтральное содержание» механистических образов (Бельский 1954, Каслова 2003а), при использовании метафоры механизма может формироваться как негативная оценка будущих реалий (за счет неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа), так и позитивная:

«Государственная машина» призвана обслуживать своих граждан, предоставлять им достойные условия для жизни и работы. Многие об этом говорят, но умалчивают о главном: «ГОСУДАРСТВЕННОЙ МАШИНОЙ» НЕОБХОДИМО ПРОФЕССИОНАЛЬНО УПРАВЛЯТЬ (программа партии «Единая Россия»).

Государство будущего в анализируемой прессе представляется как функционирующий механизм, который стремятся изменить, наладить и усовершенствовать. Россия метафоризируется как некая строго иерархически упорядоченная система, где на каждом уровне существует свои инструменты управления. В «светлом будущем» политические процессы можно охарактеризовать как положительные, носящие созидательный характер.

В британском парламентском дискурсе также зафиксированы метафорические единицы источниковой сферы «механизм». При моделировании прошлого их численность составляет 1,6% (см. табл. 4 в приложении 2):

The opinion polls suggest a Labour lead of anything between 12 and 30 points. The reason, most observers agree, is not that Labour has won the campaign, but that the Tories have lost it. Part of the problem is organisational. The party which used to be known as a great election-winning machine is in tatters. Morale and membership are at a record low. The average age of its members is 62. But that is only a symptom of the Conservative Party's deeper problems (The Economist, June 2nd 2001).

Использование механистической метафоры продуцирует образ «величественного прошлого» партии консерваторов, для которой была характерна отрегулированная деятельность, отлаженная работа механизма. Каждая деталь, выполняя предназначенную ей функцию, работала на достижение успешного результата, внося свой вклад в эффективность и продуктивность деятельности государственной машины.

Осмысление политической реальности настоящего Великобритании в терминах механики составляет 2,4% (см. табл. 5 в приложении 2):

Tony Blair was heckled and abused by desperate farmers yesterday as he attempted to take control of the foot-and-mouth crisis. The Prime Minister flew to the infection 'hot spot' of Cumbria to promise a major gearing up of the Government effort. But his entourage ran the gauntlet of farmers and businessmen who claimed they had been let down and ignored by the Westminster machine (S. Poulter, N. Sears // Daily Mail, March 23rd 2001).

При такой интерпретации идеология понимается как внешние обстоятельства, не зависящие от деятельности человека, но существенно влияющие на него. Типичные прагматические смыслы, формируемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: общество управляется неким высшим разумом, способным подавить в себе все человеческое, в том числе и эмоции [Санцевич 2003: 122] и не способным реагировать на болезненные проблемы населения.

В проанализированном корпусе политических текстов Великобритании периода парламентских выборов зафиксированы метафорические наименования со сферой-донором «механизм» при моделировании будущего – 1,1% (см. табл. 6 в приложении 2):

In other words, the party machine will be given further powers to assist favoured people into safe Labour seats (M. Seddon // Tribune, January 12th 2001).

Аналогии между общественным и механическим устройством ведут к негативному представлению образа будущего. Общественно-политический механизм, набирая обороты, увеличивает эффективность своей деятельности. Однако когнитивная модель метафоры механизма воссоздает весьма апокалипсический взгляд на мир [Баранов 1997: 113], поскольку государственный механизм работает на себя самого, функционирует во имя себя самого, и как следствие – в механистическом обществе будущего нет места человеку, его потребностям и нуждам.

Заданные в каждом конкретном тексте концептуальные рамки обуславливают способы интерпретации событий. В рамках метафорических моделей, употребляющихся для моделирования образов прошлого, настоящего и будущего России и Великобритании, актуализируются различные содержательные аспекты, что в значительной степени зависит от идеологической позиции автора текста, его интенций и иных дискурсивных характеристик. В рассмотренных примерах «метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определен-

ные характеристики главного субъекта и устраняет другие» [Дэвидсон 1990: 188], образуя, таким образом, взгляд читателя на определенный период развития общества. Следует особо отметить, что в дискурсе обеих стран положительный прагматический потенциал содержится лишь в отдельных фреймах, слотах или концептах вышеуказанных моделей и имеет преимущественно окказиональный характер. Значительно чаще в политических текстах встречаются метафоры, рисующие образ «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего». Обращают на себя внимание однотипные концептуальные векторы наиболее успешных моделей. Следует подчеркнуть, что эксплуатируемые российскими СМИ метафоры отличаются сильным агрессивным прагматическим потенциалом, большим по сравнению с эмотивной окраской аналогичных метафорических словоупотреблений в прессе Британии.

Рассмотренные в данном разделе концептуальные метафоры, используемые для моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России и Великобритании, подтверждают теснейшую взаимосвязь языка и традиций, культуры, национального самосознания, менталитета и истории народа. Метафоры ярко отражают народные представления о динамике развития родной страны.

За рамками настоящего исследования остаются метафорические модели, используемые в российском и британском политическом дискурсе для моделирования не всех временных пластов, обладающие меньшей частотностью и продуктивностью, представленные меньшим спектром метафорических наименований (см. табл. 1 в приложении 3).

Выводы по главе 3

Проанализированный в настоящей главе материал свидетельствует, что метафорические модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ и ЖИЗНЬ – это ТЕАТР являются яркими примерами проявления национально-специфических характеристик в политической картине мира.

Концептуальная метафора СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ обнаруживает существенные различия в агитационно-политическом дискурсе России и Великобритании. Указанная метафорическая модель активно функциони-

рует в текстах предвыборной агитации РФ, представляя собой детально структурированное образование и являясь наиболее частотной при моделировании образа «недавнего прошлого», а именно «горбачевской перестройки» и «ельцинской демократизации», и «продолженного настоящего». Осмысление прошлого, настоящего и будущего как мира преступности менее характерно для представителей британской лингвокультуры.

При моделировании общественно-политической жизни России наиболее частотными сферами-источниками метафорической экспансии являются следующие (по убывающей): «Быт преступников и их профессиональная деятельность», «Преступники и их специализация», «Преступные сообщества и их структура». Метафорическая модель со сферой-донором «мир криминала» представляет прошлое, настоящее и будущее России как разветвленный иерархически структурированный мир, который населяют преступники всех мастей и рангов, где преступление – это норма жизни. Важно отметить, что среди рассматриваемых фреймов российского дискурса в число наиболее частотных источниковых сфер, характерных для политического дискурса Великобритании, попадает лишь один – «Быт и деятельность преступников», и только при моделировании настоящего. Наименее частотным в политическом дискурсе обеих стран является фрейм «Жертвы преступников».

Как отличительную черту британского дискурса периода парламентских выборов следует отметить частотное метафорическое употребление образа суда, особенно актуального при моделировании настоящего и будущего, что не типично для российского политического дискурса.

Анализ метафорической модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ показывает, что ее типовое прагматическое наполнение интернационально, так как с криминальной средой у человека независимо от национальной принадлежности всегда ассоциируется представление о чем-то опасном, агрессивном, противозаконном, антиобщественном. Основная часть рассматриваемых метафор, обладая силой черной магии [Kelling <http>], несет ярко выраженную отрицательную оценку, продуцируя образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего» в политическом дискурсе парламентских выборов в двух странах. Следует отметить, что метафорические образы с нега-

тивным прагматическим потенциалом гораздо богаче в российском политическом дискурсе, что обусловлено социокультурными, культурно-историческими контекстами «текущего момента» окружающей действительности.

Репрезентация прошлого, настоящего и будущего страны посредством театральной метафоры представляет собой особенность британской политической речи. Включение в агитационно-политические тексты Великобритании едва ли не всей лексики из поля «театр» создает целостную картину отражения в общественном сознании реалий прошлого, событий современной действительности и предполагаемого будущего. Театральная метафорическая модель является одной из самых востребованных при обращении к «правлению Дж. Мейджера», образу «ограниченного настоящего» и «продолженного настоящего». В российском политическом дискурсе метафора «театра» менее актуализирована при создании образов прошлого и будущего.

Следует отметить, что в британских политических текстах при моделировании прошлого, настоящего и будущего преобладают следующие сферы-источники метафорической экспансии (в порядке убывающей частотности): «Люди театра», «Вид зрелища и жанр представления», «Театральное здание и театральный реквизит». В рамках названной модели жизнь британского общества представляется театром, где разыгрываются представления самых различных жанров, в которых задействованы актеры разнообразных амплуа. Указанные фреймы являются также частотными при создании образа настоящего России. Помимо этого, обращает на себя внимание малочисленное употребление наименований фреймов «Элементы представления», «Публика и прием, оказываемый спектаклю» в политическом дискурсе двух стран.

Уникальной чертой российского дискурса является распространенность метафор с исходной понятийной сферой «цирк». В британском политическом дискурсе метафора «цирка» не так продуктивна. Помимо этого, создатели российских политических текстов нередко обращаются к образам, характерным для русских национальных зрелищ (*Потешная палата, потеха, скоморох, юродивый*). Однако сугубо национальные концепты занимают относительно небольшую нишу. Такого рода представления согласованы с базовыми культурными концептами в сознании россиян.

Прагматический потенциал российской и британской театральной метафоры по существу совпадает. Номинации указанной модели акцентируют неискренность политиков, их несоответствие народным ожиданиям, карнавальность и вычурность внешней стороны политической жизни и ее внутреннюю пустоту, продуцируя образы «страшного прошлого», «мрачного настоящего» и «ужасного будущего». Тем не менее в российском дискурсе отрицательная энергетика, заложенная в метафорах модели, несколько компенсируется появлением образа «величественного прошлого». В основе образов лежат специфические для картины мира носителей языка семантические признаки, коннотации именуемых явлений прошлого, настоящего и будущего.

Интересно также, что образы, создаваемые метафорами «криминала», в российском политическом дискурсе практически не эволюционируют: состав наиболее частотных фреймов модели СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ остается неизменным при моделировании как прошлого, так и настоящего России. Аналогичная стабильность характерна и для метафорической модели ЖИЗНЬ – это ТЕАТР при концептуализации прошлого, настоящего и будущего Великобритании.

Изучение менее частотных метафорических моделей, наиболее последовательно используемых при характеристике британских реалий минувших лет, показало, что пять из десяти моделей наряду с моделированием «страшного прошлого» ведут к формированию образа «величественного прошлого» (метафоры с исходными понятийными смыслами «путь», «строительство», «спорт», «неживая природа», «механизм»). Лишь две метафорические модели (ЖИЗНЬ – это ДОРОГА, ЖИЗНЬ – это СТРОИТЕЛЬСТВО) обладают позитивным прагматическим потенциалом при создании образа прошлого России.

Показательно, что негативные ассоциативные смыслы актуализирует большинство метафорических единиц, участвующих в создании образа настоящего в политическом дискурсе двух стран. В российских текстах агитационной направленности лишь четыре из десяти рассмотренных моделей (метафоры с источниковыми смыслами «путь», «физиология», «игра», «родство») способны продуцировать образы и «мрачного настоящего», и «светлого настоящего». В британском политическом дискурсе метафоры, относящиеся к трем моделям

(ЖИЗНЬ – это ДОРОГА, ЖИЗНЬ – это СТРОИТЕЛЬСТВО, ЖИЗНЬ – это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ) представляют настоящую действительность в светлом ключе.

Интересно, что наиболее позитивно в российском и британском дискурсах воспринимается будущее. В российской политической коммуникации восемь из десяти проанализированных менее частотных моделей нагружены отрицательными коннотациями, семь моделей несут ярко выраженный положительный потенциал (наименования с источниками метафорической экспансии «путь», «строительство», «физиология», «игра», «неживая природа», «торговля», «механизм»). В политических текстах Великобритании равное количество моделей (шесть из десяти) участвует в создании образов «ужасного будущего» и «светлого будущего».

Каждая из представленных моделей выявляет особенности репрезентации прошлого, настоящего и будущего, обусловленные не столько национальным языком, сколько национальной культурой, национальными традициями, а также множеством дискурсивных факторов, способных оказать существенное влияние на активизацию политической метафоры. Взаимодействуя и тесно переплетаясь в процессе предвыборной борьбы, образы ярко отражают национальное самосознание, народные представления о динамике развития родной страны. Это позволяет более четко представить закономерности развития политической жизни, описать стереотипные модели развития общественно-политической ситуации двух стран, с которыми сопряжены соображения о прошлом, эмоциональные ассоциации, связанные с восприятием настоящей действительности и ожиданиями будущего.

Заключение

Любая коллизия, взрывающая привычный ход общественно-политической жизни, демонстрирует в одинаковой степени и новые навыки, и старые рефлексy, и готовность к будущему, и невозможность вырваться из тисков прошлого, подчеркивая непрерывную связь, взаимное проникновение событий прошлого, настоящего и будущего. Естественное стремление людей сохранить привычные, освещенные далекой и более близкой историей представления об устройстве общества и о своем месте в нем, переоценка общественно-политических реалий современности, поиск точки отсчета, где рождается новый будущий мир, находят отражение в «метафорах, которыми мы живем».

Теория когнитивной метафоры, положенная в основу настоящего сопоставительного исследования метафорического моделирования образов прошлого, настоящего и будущего в политическом дискурсе России и Великобритании, активно используется в нашей стране (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов и др.) и за рубежом (R. D. Anderson, M. J. Edelman, G. Fauconnier, I. Hellsten, M. Johnson, V. Kennedy, G. Lakoff, T. Rohrer, C. Schäffner, M. Turner, J. Vervaeke, J. Zinken и др.). Большинство исследований по теории и практике метафорического моделирования посвящено изучению метафорического представления современной политической действительности (В. Н. Базылев, Е. В. Бакумова, Э. В. Будаев, Т. С. Вершинина, О. П. Ермакова, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова, С. Л. Мишланова, С. Н. Муране, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич,

М. В. Сорокина, И. В. Телешева, Ю. Б. Феденева, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, О. А. Шаова, Т. Adamson, Р. А. Chilton, Р. Drulak, М. J. Edelman, I. Hellsten, L. B. Hinds, N. Howe, G. Johnson, G. L. Kelling, G. Lakoff, H. Lam и др).

В данной диссертации концептуальные метафоры были исследованы с использованием разработанной методики анализа метафорического моделирования темпоральной парадигмы политического мира, позволяющей проследить взаимосвязь образов прошлого, настоящего и будущего в рамках одной концептуальной модели.

Еще одной особенностью нашей диссертации стало выявление закономерностей моделирования темпоральной картины мира, анализ эволюции образов в рамках единой метафорической модели. Концептуальная метафора, отражающая оппозицию ПРОШЛОЕ – НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ, не только создает темпоральную модель общественно-политической жизни России и Великобритании, но и воздействует на видение и оценку реалий прошлого, настоящего и будущего, структурирует взгляд адресата на мир. Участвуя в создании образов прошлого, настоящего и будущего, метафора указывает на направление развития общества, отражает динамику политических процессов, смену общественных приоритетов, характер социальных событий.

Сопоставительный анализ метафорического словоупотребления в агитационно-политическом дискурсе России и Великобритании показал, что в ситуации парламентских выборов двух стран доминирует метафорическое моделирование образа настоящего. Образы прошлого и будущего выполняют функцию вспомогательного аргумента, в большинстве случаев это лишь проекция мысли при рассмотрении современности. Российский политический дискурс отличается регулярное обращение к образу прошлого, тогда как спецификой британских агитационно-политических текстов можно назвать сосредоточенность на образе будущего страны. Предпочтения в метафорическом представлении периодов прошлого, настоящего и будущего полностью совпадают: наиболее частотны обращения к «недавнему прошлому», «ограниченному настоящему» и «ближайшему будущему».

Когнитивно-дискурсивное исследование метафорических моделей показывает, что сложная система концептуальных метафор, используемых для

создания прошлого, настоящего и будущего, характеризующая российский и британский политические дискурсы периода парламентских выборов, в значительной степени совпадает. В современном политическом дискурсе двух стран регулярно используются метафорические модели с исходными понятийными сферами «война» и «болезнь». Состав базовых метафорических моделей достаточно однотипен. Отличия наблюдаются лишь на уровне отдельных слотов и концептов, что обусловлено дискурсивными факторами. Наиболее важной причиной несоответствия метафорических образов рассмотренных моделей можно считать специфику национального самосознания, историко-культурные традиции носителей языка.

Особенно ярко отражают культурные традиции и национальный менталитет носителей языка метафорические модели, рассмотренные в главе 3. К ним относятся концептуальные метафоры СТРАНА – это МИР ПРЕСТУПНОСТИ, ЖИЗНЬ – это ТЕАТР. Ведущие различия между российским и британским дискурсами обнаруживаются на уровне количественных показателей, наиболее частотных фреймов, слотов и концептов, специфичных для дискурса определенной страны. Менее распространены, но достаточно активны в политическом дискурсе России и Великобритании метафоры источниковых сфер: «путь», «строительство», «физиология», «животный мир», «спорт», «игра», «родство», «неживая природа», «торговля», «механизм». Этим моделям соответствуют метафорические словоупотребления, репрезентирующие базовые представления граждан о прошлом, настоящем и будущем родной страны, которые обнаруживают яркий национальный колорит. Национальная окраска метафорических номинаций служит не только выразительности образов, но и ставит вопрос о моральной ответственности государственных институтов, политических элит и главным образом отдельного человека, в какой бы стране он ни жил. Национальная культура, национальная память народа позволяют ему ощутить связь времен и поколений, получить духовную поддержку из прошлого и жизненную опору для настоящего и будущего.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о несомненной корреляции между метафорическими представлениями прошлого, настоящего и будущего в

дискурсе российских и британских парламентских выборов: образ настоящего создается за счет установления ассоциаций с прошлым и будущим.

Прагматический потенциал рассмотренных в диссертационном исследовании концептуальных метафор и соответствующих им сфер метафорического притяжения разнообразен по содержанию коннотативной нагрузки при моделировании прошлого, настоящего и будущего. Метафора фиксирует всю сложную гамму отношений членов социума к общественно-политической системе прошлых лет, настоящей действительности и предполагаемого будущего: уважение, преклонение, насмешка, ненависть, страх и др.

Концепты, присутствующие в политических дискурсах обеих стран в качестве источников метафорической экспансии, представляют собой яркие знаки явной дисгармонии в обществе «страшного прошлого» (см. диаграммы 1, 2 в приложении 4). Однако для парламентского дискурса Великобритании особенно характерно обращение к образу «величественного прошлого» страны: восемь метафорических моделей представляют события минувших лет в светлом ключе. Британцы вправе гордиться своей величественной политической историей, достойным правлением политических деятелей прошлого. В российских текстах при моделировании образа прошлого метафоры пяти моделей несут положительный прагматический потенциал.

При моделировании настоящего для парламентского дискурса двух стран характерно доминирование метафор с негативным оценочным потенциалом (см. диаграммы 3, 4 в приложении 4). Разочарование в идеологии, компрометация социальных идеалов, общая нестабильность социально-политических отношений, неверие в возможность освободить общество от пороков определили выбор метафорических единиц: большинство из них продуцирует образ «мрачного настоящего». Образ «светлого настоящего» появляется лишь в рамках пяти моделей, зафиксированных в политическом дискурсе каждой страны. Интересно, что в российском политическом дискурсе метафорическая оценка прошлого и настоящего аналогична: никаких сдвигов, изменений в обществе не произошло. Требования граждан Великобритании, касающиеся достойного поведения элиты, ее стандартов и результатов деятельности возросли, повышенные ожидания повлекли за собой снижение доверия к политической системе.

Именно «эрозия» доверия британцев к правительству обуславливает употребление меньшего количества метафор с положительной эмотивной окраской при моделировании настоящего.

В политическом дискурсе парламентских выборов в России и Великобритании будущее предстает как неоднозначная параллельная реальность. Следует отметить, что отражение прогнозируемой общественно-политической действительности более оптимистично в сравнении с прошлым и настоящим (см. диаграммы 5, 6 в приложении 4). В российском политическом дискурсе метафорические единицы одиннадцати источниковых сфер употребляются для создания образа «светлого будущего». Парадоксальность русского характера заключается в том, что чем тяжелее было прошлое и настоящее, тем крепче вера в будущее. Ожидание неприятностей развито у британцев сильнее: «светлое будущее» в британском дискурсе становится возможным только в рамках восьми концептуальных моделей. Приверженность британцев к конкретному, практичному и материальному, к логическим выводам, на которые наталкивает современная действительность, предопределяет употребление большего количества метафор, наделенных отрицательной энергетикой «ужасного будущего».

На наш взгляд, цель метафорического «суда» над прошлым и настоящим состоит не столько в том, чтобы опорочить опыт прежних поколений, уничтожить устаревшее и бесперспективное, сколько пробудить в людях их собственный потенциал, заставив каждого поверить в себя, свои силы, свою страну и ее «светлое будущее». Принцип постоянного изменения, развития и совершенствования человеческого общества приводит к более оптимистичной репрезентации образа будущего, что отражает представления о социальном прогрессе и дает надежду на продолжение позитивных изменений.

В настоящей диссертации рассмотрены далеко не все вопросы, представляющие интерес для специалистов в области когнитивной лингвистики. В связи с этим необходимо определить перспективы дальнейшего сопоставительного исследования когнитивной метафоры в национальных агитационно-политических дискурсах, к числу которых мы относим следующие:

– сопоставление закономерностей метафорического моделирования и выявление особенностей концептуализации прошлого, настоящего и будущего в

дискурсах ведущих политических партий России и Великобритании, в которых могут быть обнаружены приоритетные концептуальные метафоры, отражающие специфику политических взглядов и течений;

– максимально детальное изучение, описание и сопоставление ведущих метафорических моделей, активно функционирующих в политическом дискурсе двух стран для репрезентации различных периодов прошлого, настоящего и будущего;

– сопоставление закономерностей метафорического моделирования прошлого, настоящего и будущего в различные периоды времени и на различных этапах развития общества, что позволит рассмотреть и изучить каждый образ в отдельности с учетом динамики и изменения во времени;

– интерес представляют сопоставительные работы, ориентированные на изучение отдельного события как прошлого, настоящего и будущего в разные временные промежутки общественно-политической жизни страны, что позволит рассмотреть политическое событие в контексте разных исторических периодов и проследить динамику и корреляцию образов, создаваемых концептуальными метафорами.

Список используемой литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь. – М., 1992.
2. Алферова Ю. В. Метафорическая модель «КОНКУРЕНЦИЯ – это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ» в британско-американском и российском экономическом дискурсе // Система и среда: Язык. Человек. Общество: материалы всерос. науч. конф., Нижний Тагил, 4–5 апреля 2005 года. – Нижний Тагил, 2005. – С. 90–91.
3. Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 5. – С. 5–14.
4. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1974.
5. Апресян Ю. Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 123–139.
6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37–67.
7. Аристотель. Физика // Аристотель. Сочинения в 4 т. – М., 1981. – Т. 3.
8. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
9. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. – М., 1990.
10. Аскин Я. Ф. Проблема времени, ее философское истолкование. – М., 1966.

11. Астапов С. Время и вечность в восточной патристике // Логос. – 2004. – № 5. – С. 84–96.
12. Бабаева Е. В. Лингвокультурологический анализ текстов партийных программ // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11. – С. 10–20.
13. Багичева Н. В. Россия – мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2000. – Т. 5. – С. 34–39.
14. Базылев В. Н. Автопортреты политиков: от психопэтики к психополитике // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. – М., 1999.
15. Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2005. – Т. 15. – С. 5–32.
16. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
17. Балашова Л. В. Метафорическое поле игры в истории русского языка // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград, 2003.
18. Баранов А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом? // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
19. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. – М., 1991.
20. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Политика как диалог // Наука и жизнь. – 1993. – № 3 // http://www.ruthenia.ru/marginalia/mix_body.html.
21. Бельский А. В. Метафорическое употребление существительных (к вопросу о генетивных конструкциях) // Экспериментальная фонетика и психология речи. – М., 1953. – Т. 8. – С. 274–299.
22. Борковец Н. И. Техническая метафора в художественной картине мира (на материале немецкой прозы XX века и ее переводов на русский язык). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.
23. Будаев Э. В. Криминальный мир как сфера-источник для метафорического представления России, Грузии и стран Балтии в российской и британской прес-

- се (2000–2004 гг.) // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы всерос. науч. конф., 14–16 апреля 2005 г., Екатеринбург, Россия. – Екатеринбург, 2005. – С. 483–489.
24. Бурдые П. Начала. – М., 1994.
25. Бурдые П. Описывать и предписывать. Заметки об условиях возможности и границах политической действительности / пер. с франц. А. Бикбокова // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 30–41.
26. Бутакова Л. О., Демина Е. С. Когнитивное моделирование: проблемы теории и практики (реконструкция концепта «скупость/щедрость» на материале русских паремий) // Концептуальные исследования. – 2005. – С. 76–91.
27. Василенко И. А. Идея государства и образ государственности в русской политической культуре // Трибуна русской мысли. – 2002. – № 2 // <http://www.cisdf.org/TRM3/Vasilenko.htm>.
28. Вежбицка А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М., 1990.
29. Вежбицка А. Сравнение культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001.
30. Вершинина Т. С. Политическая метафора: Ю. Лужков, А. Проханов, В. Жириновский // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. – С. 43–55.
31. Вершинина Т. С. Метафорические модели с исходной биологической сферой: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
32. Виноградов С. И. Нормативный и культурно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
33. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. – Волгоград, 1997.
34. Воробьева О. И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации. – Архангельск, 1999.
35. Ворожбитова А. А. «Официальный советский язык» периода Великой Отечественной войны: лингвориторическая интерпретация // Теоретическая и прикладная лингвистика. – Воронеж, 2000. – Вып. 2. Язык и социальная среда. – С. 21–42.
36. Всеобщая история государства и права. – М., 2000.

37. Гаджиев К. С. Политическая наука. – М., 1994.
38. Гаджиев К. С., Гудименко Д. В., Каменская Г. В. Политическая культура: теория и национальные модели. – М., 1994.
39. Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976.
40. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале русского и французского языков. – М., 1977.
41. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
42. Гашева Л. П. Время в поэтическом дискурсе // Вестник ЧГПУ. Сер. 3. Филология. – 2005. – № 3. – С. 24–37.
43. Голованова А. В. Языковые метафоры в оценке человека (на материале русского и польского языков) // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000.
44. Григорьева О. Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) // Интернет-журнал «Полемика». Публикации Irex-Russia. – 2003. – № 9.
45. Гришина Н. В. Концепт «вода» в языковой картине мира (на основе номинативного и метафорического полей русского языка XI–XX вв.). Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.
46. Гришина О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
47. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. – 1969. – № 3. – С. 70–81.
48. Гуцал А. Ф., Недбаевский С. Л. Портрет политического лидера в историческом интерьере // www.humanus.by.ru/mys/polit/leaders/htm.
49. Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа в политическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
50. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. – М., 1990.
51. Ермакова О. П. Метафоризация как средство выражения оценки общественно-политической ситуации // Русский язык конца 20 века (1985–1995). – М., 2000а.

52. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000b.
53. Желтухина М. Р. Политический анекдот как жанр политического комического в массовой медиакультуре // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград, 2003.
54. Западная Европа и США. – М., 1993.
55. Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000.
56. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М., 1983.
57. Иваненко А. Испытание террором // <http://old.russ.ru/politics/20020115-iv-pr.html>, 2002.
58. Илюхина Н. А. Об одной метафорической категории // Функциональная семантика слова. – Екатеринбург, 1994.
59. Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 51–54.
60. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
61. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.
62. Калягин А. А. Зловещий шут, резвящийся тиран // <http://www.kalyagin.ru/press/741/>.
63. Камалова А. А. Семантические типы предикатов состояния в системном и функциональном аспектах. – Архангельск, 1998.
64. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград, 1996. – С. 3–16.
65. Карасик В. И. Субкатегориальный кластер темпоральности (к характеристике языковых концептов) // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск, 1997. – С. 154–171.
66. Карасик В. И. Язык социального статуса. – М., 2002.
67. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.
68. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

69. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
70. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003а.
71. Каслова А. А. Метафорическая репрезентация культуры политического поведения (на материале текстов предвыборной агитации 2000 года в США) // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2003б. – № 10. – С. 5–10.
72. Каслова А. А. Финансовая метафора в российском и американском агитационно-политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, октябрь 2003. – Екатеринбург, 2003с. – С. 70–72.
73. Каслова А. А. Лингвокультурная специфика метафорических моделей с исходными понятийными сферами «механизм» и «строительство» // Лингвистика XXI века: материалы федерал. науч. конф. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. – Екатеринбург, 2004. – С. 68–71.
74. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Сайт Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) // <http://www.expertizy.narod.ru/magazine/002.htm>.
75. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 37–48.
76. Коваленко Ю. Д. Концепт ДОМ и его репрезентация в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» // Концептуальные исследования. – Кемерово, 2004. – С. 116–123.
77. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
78. Кондратьева О. Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): Дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.

79. Корчуганова Н. В., Рябова М. Ю. Категория времени как эгоцентрическая категория нарратива // Концептуальные исследования. – Кемерово, 2004. – С. 178–180.
80. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб., 1999.
81. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории в экологическом дискурсе США, России и Англии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
82. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Сер. рус. лит. и языка. – 1999. – № 5–6. – С. 3–12.
83. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М., 2004.
84. Кузанский Н. Об ученом незнании // Соч. в 2 т. – М., 1979. – Т. 1.
85. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. – М., 1989.
86. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. – Екатеринбург; Омск, 1999.
87. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург; Пермь, 1995.
88. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.
89. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М., 1991.
90. Лосский Н. О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. – М., 1995.
91. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи. – Таллинн, 1992. – Т. 1.
92. Лукман Н. Мировое время и история систем: об отношении между временными горизонтами и социальными структурами общественных систем / Пер. с нем. В. Бакусева // Логос. – 2004. – № 5. – С. 131–157.
93. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М., 2003.
94. Маслова В. А. Введение в культурологию. – М., 1997.
95. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.

96. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – Минск, 2004.
97. Медведева С. Влияние социальной памяти россиян на их представление об идеальной власти // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 186–194.
98. Мирзеханов В. Власть, демократия и «разумное правление» в переходных обществах // Логос. – 2003. – № 4–5. – С. 195–203.
99. Миронова П. О. Стратегия редукционизма в политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2003.
100. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. – Пермь, 2002.
101. Модусы времени: прошлое, настоящее, будущее // <http://www.chronos.msu.ru/quotations/systemquot5.html>.
102. Моэм С. Театр. – М., 2001.
103. Муране С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001.
104. Муране С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 52–61.
105. Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М., 1999.
106. Новая история стран Европы и Америки: второй период. – М., 1998.
107. Новиков Л. А. Семантика русского языка. – М., 1982.
108. Паршин П. Б. Идиополитический дискурс // Сб. тр. Междунар. семинара «Диалог–96» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. – М., 1996. – С. 192–198.
109. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections/ru/biblio/parshin/htm, 1999.
110. Пеппель Л. Фигура умолчания в политическом дискурсе // Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000.
111. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–146.

112. Пименов Е. А. Некоторые особенности направления этногерменевтики // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира. – Кемерово, 1999. – Вып. 3. – С. 70–75.
113. Пименова М. В. О типовых структурных элементах концептов внутреннего мира (на примере концепта *душа*) // Концептуальные исследования. – Кемерово, 2004. – С. 38–49.
114. Плущер-Сарно А. А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль – жанры русской политики // Логос. – 1999. – № 9 // [www/ruthenia.ru/logos/number/1999_09](http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_09).
115. Подольный Р. Г. Освоение времени. – М., 1989.
116. Попова З. Д. Абстрактные понятия в языковом сознании народа // Филология и культура: материалы IV междунар. науч. конф. – Тамбов, 2003. – С. 14–16.
117. Попова З. Д., Стернин И. А., Карасик В. И., Кретов А. А., Пименов Е. А., Пименова М. В. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие. Сер. Концептуальные исследования. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – С. 3–10.
118. Попова Н. С. Перцептивные образы времени в поэзии Ф. Тютчева // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2002. – Вып. 4. – С. 200–205.
119. Попова Н. С. Традиционные прототипы времени в русской поэзии XIX – XX веков // Язык и национальное сознание. – Воронеж, 2004. – Вып. 6. – С. 91–98.
120. Почепцов Г. Г. Семиотика. – М., 2002.
121. Рассел Б. Об опыте времени // Логос. – 2004. – № 5. – С. 29–44.
122. Рожкова О. Е. Вежливость в политическом дискурсе // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград, 2001.
123. Рокотянская Л. Ю. Лингвокультурные характеристики животных в сказках // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. – Волгоград, 2001.
124. Романов А. А. Конфликтный дискурс политика // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. – М., 1999.
125. Россия и Британия в поисках достойного правления: Учебное пособие. – Пермь, 2000.
126. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. – Екатеринбург, 2004.

127. Рябова М. Ю. Образы времен // *Mentalitat. Konzept. Gender.* – Landau, 2000. – С. 34–37.
128. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)»: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
129. Сабурова Н. А. Пространство в русском языковом сознании: концептуализация пути (на материале фразеологизмов и метафор) // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* – 2005. – № 2. – С. 47–57.
130. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
131. Складаревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб., 1993.
132. Скребцова Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus Philologicus.* – 2002. – № 1 (6). С. 161–167.
133. Сноуман Д. Лобызавющиеся кухни: сравнительная интерпретация британской и американской культур. – М., 1977.
134. Соколовская Т. Б. Языковая личность лидера (на материале газет новейшего времени). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002.
135. Солганик Г. Я. Толковый словарь: Язык газеты, радио, телевидения. – М., 2002.
136. Сорокин Ю.А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // *Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания.* – М., 1999.
137. Сорокина М. В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – это АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ // *Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва.* – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 120–129.
138. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
139. Стернин И. Язык и национальное сознание // *Логос.* – 2004. – № 5. – С. 141–155.

140. Сухина Е. И. Три ипостаси времени: прошлое, настоящее, будущее – в современном русском самосознании // Вестник МГУ. Сер. 19. – 2005. – № 1. – С. 141–154.
141. Телешева И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ. Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 97–107.
142. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании ЯКМ // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.
143. Тиунова С. П. Типы пределов беспредельных миров человека культуры // *Mentalitat. Konzept. Gender.* – Landau, 2000. – С. 46–51.
144. Тихонов А. «Время» как причина интерпретационных различий философского текста (Платон и Хайдеггер) // Логос. – 2004. – № 5. – С. 73–83.
145. Трубников Н. Н. Время человеческого бытия. – М., 1987.
146. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1997.
147. Феденева Ю. Б., Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в российском политическом дискурсе // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. – М., 1999.
148. Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2003.
149. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002.
150. Филиппов А. К теории социальных событий // Логос. – 2004. – № 5. – С. 3–28.
151. Филиппович Ю. Н. Исследование метафор информационных технологий // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
152. Финдли Дж. Н. Время: рассмотрение некоторых головоломок // Логос. – 2004. – № 5. – С. 59–72.
153. Флегонтова Ю. Н. О некоторых признаках концепта ВРЕМЯ в немецкой языковой картине мира // Язык. Культура. Человек. Этнос. – Кемерово, 2002. – Вып. 4. – С. 90–93.

154. Флегонтова Ю. Н. Концепт ВРЕМЯ с точки зрения когнитивной лингвистики и его цветовые характеристики (на материале немецкого языка) // Концептуальные исследования. – Кемерово, 2004. – С. 188–192.
155. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М., 1997.
156. Чернякова М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 86–102.
157. Чудакова Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
158. Чудинов А.П. Теория метафорического моделирования действительности на современном этапе развития // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2000. – Т. 5. – С. 94–101.
159. Чудинов А. П. Динамика моделей концептуальной метафоры // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001а.
160. Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2001b. – Т. 6. – С. 38–53.
161. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001с.
162. Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2001d. – Т. 7. – С. 28–38.
163. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). – Екатеринбург, 2003а.
164. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры. – Екатеринбург, 2003b.
165. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 91–106.
166. Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских газет в сопоставлении с русскими): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

167. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – М., 1998.
168. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва; Волгоград, 2000.
169. Шейгал Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса // Жанры речи. – Саратов, 2002.
170. Шехтман Н. Г. Метафорическая модель ВЫБОРЫ – это СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2004а. – Т. 12. – С. 156–169.
171. Шехтман Н. Г. Зрелищные искусства и жанры представлений как источник метафорической экспансии в политическом дискурсе России И США // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2004б. – Т.14. – С. 118–127.
172. Шехтман Н. Г. Игры, в которые играют политики // Лингвистика XXI века: материалы федерал. науч. конф. Екатеринбург, сентябрь 2004 г. – Екатеринбург, 2004с. – С. 203–206.
173. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.
174. Шмелев Н. Духовное здоровье российского человека // Современная Европа. – 2004. – №1. – С. 5–19.
175. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Саратов, 1997.
176. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. – С. 5–18.
177. Шудегова Е. А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе // Лингвистика: бюл. Урал. лингвист. о-ва. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 46–54.
178. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (моделей пространства, времени и восприятия). – М., 1994.
179. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.
180. Adamson, T., Johnson, G., Rohrer, T., Lam, H. Metaphors We Ought not Live by: Rush Limbaugh in the age of cognitive science // <http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/rush.htm>.

181. Almond, G., Verba, S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. – Princeton, 1963.
182. Anderson, R. Encouraging Democratic Participation in Russia: Pragmatic Ambiguity and Identification with Political Speakers) // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/modcautx.htm>.
183. Anderson, R., Walter, T. *Reality isn't What it Used to Be*. – San Francisco, 1990.
184. Boje, D. M. Victor Turner's Postmodern Theory of Social Drama: Implications for Organization Studies // http://cbae.nmsu.edu/~dboje/theatrics/7/victor_turner.htm, 2003.
185. Chateris-Black, J. *Politicians and Rhetoric/ The Persuasive Power of Metaphor*. – Basingstoke, 1994.
186. Chilton, P. A. *Politics and Language* // *The Encyclopedia of Language and Linguistics*. – Oxford; New York, 1994.
187. Chilton, P., Ilyin, M. *Metaphor in Political Discourse: the Case of the «Common European House»* // *Discourse and Society*. – London, Newbury Park and New Delhi, 1989. – Vol. 4. – P. 7–30.
188. Chilton, P., Lakoff, G. *Metaphor in Foreign Policy Discourse* // *Language and Peace*. – Dartmouth, 1995.
189. Chilton, P.A., Schäffner, C. *Discourse and Politics*. // *Discourse Studies: A multidisciplinary introduction*. – London, 1997. – Vol. 2: *Discourse as Social Interaction*. – P. 206–230.
190. Cibulkiene, J. *The Metaphorization of Elections as War in the 2001 General Election Campaign of Great Britain* // *Respectus Philologicus*. – 2002. – № 2 (7). – P. 49–60.
191. Craven, A. *The «Turner's Theories and the South»* // *Journal of Southern History*. – 1939. – Vol. 5. – P. 288–295.
192. Czarniawska-Joerges, B., Jacobsson, B. *Political Organizations and Commedia dell'arte* // *Organization Studies*. – 1995. – Vol. 16 (3). – P. 375–396.
193. Davies, B., Harre, R. *Positioning: The Discursive Production of Selves* // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. – 1991. – Vol. 20 (1). – P. 43–63.
194. *Developing a Metaphorical Language for the Future* // *New Thinking for a New Millenium: the Knowledge Base for Future Studies*. – London, 1995.

195. Dieckmann, W. Politische Sprache, Politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe. – Heidelberg, 1981.
196. Dijk, T. A. van. Discourse and Rasism. // The Blackwell Companion to Racial and Ethnic Studies. – Oxford, 1999.
197. Doctorow, E. L. False Documents // American Review. – 1977. – Vol. 29. – P. 231–232.
198. Edelman, M. J. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana, 1964.
199. Edelman, M. J. Constructing the Political Spectacle. – Chicago, 1988.
200. Evans, V. How We Conceptualise Time: Language, Meaning and Temporal Cognition // Arts and Science. – 2004. – Vol. 33 (2). – P. 5–37.
201. Evans, V. The Meaning of Time: Polysemy, the Lexicon and Conceptual Structure // Linguistics. – 2005. – Vol. 5. – P. 33–75.
202. Fitzgerald, P. Is Temporality Mind-Dependent? // Philosophy of Science Association. – East Lansing, 1980. – Vol. 1. – P. 283–292.
203. Fitzgerald, P. Temporality, Secondary Qualities, and the Location of Sensations // Philosophy of Science Association. – East Lansing, 1982. – Vol. 1. – P. 179–191.
204. Fraser, J. T. Voices of Time: a Cooperative Survey of Man's Views of Time as Expressed by the Sciences and the Humanities. – Amherst, 1981.
205. Freeman, M. On Theatre and Politics. Thoughts on Theatre, Arts Funding, Poetry, Life in New York City and other tidbits // [http:// matthewfreeman. blogspot.com](http://matthewfreeman.blogspot.com).
206. Freie, J. A Dramaturgical Approach to Teaching Political Science // PS: Political Science and Politics. – 1997. – Vol. 30 (4). – P. 728–732.
207. Giddens, A. The Consequences of Modernity. – Cambridge, 1990.
208. Glasbey, S. R., Barnden, G. A., Lee, M. G., Wallington, A. M. Temporal Metaphors in Discourse // temp_mets.pdf.
209. Goatly, A. The Language of Metaphors. – Routledge, 1997.
210. Governance through Metaphor Project // http://www.uia.be/metaphor/metacom_bodies.php?kap=17.
211. Graber, D. Verbal Behavior and Politics. – Urbana, 1976.
212. Graber, D. Political Languages // Handbook of Political Communication. – London, 1981.

213. Healy M. *Fictions of Disease in Early Modern England: Bodies, Plagues and Politics*. – New York, 2001.
214. Hellsten, I. *Door to Europe or Outpost towards Russia? Political Metaphors in Finnish EU Journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research*. – Tartu, Finland, 1997.
215. Hellsten, I., Renvall, M. *Inside or Outside of Politics? Metaphor and Paradox in Journalism // Nordicom Review*. – 1997. – Vol. 18 (2). – P. 41–47.
216. Hinds, L. B., Windt, T. O., Jr. *The Cold War as Rhetoric: the Beginnings (1945–1950)*. – New York, 1991.
217. Hofstede, G. *Cultures Consequences*. – London, 1980.
218. Jestrovic, S. *Theatricalizing Politics / Politicizing Theatre // http://www.utpjournals.com/product/ctr/103/103_Jestrovic.html*, 2000.
219. Judge, A. *Review of Frameworks for the Representation of Alternative Conceptual Orderings as Determined by Cultural and Linguistic Contexts // <http://www.laetusinpraesens.org/docs90s/96richer.php>*, 1986.
220. Judge, A. *Future coping strategies beyond the constraints of proprietary metaphors // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/coping.php>*, 1992a.
221. Judge, A. *Metaphor and the Language of Futures // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/ficino.php>*, 1992b.
222. Judge, A. *Presenting the Future (Part 1): Presentation and Representatives // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>*, 2001a.
223. Judge, A. *Presenting the Future (Part 2): Making (the) Present and Thriving in the Moment // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>*, 2001b.
224. Judge, A. *Presenting the Future (Part 5): Present Moment Research: exploration of nowness // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/present/present1.php>*, 2001c.
225. Keiger, D. *Why Metaphor Matters // <http://www.jhu.edu/~jhumag/0298web/metaphor.html>*.
226. Kelling, G. L. *Crime and Metaphor: Toward a New Concept of Policing // <http://www.city-journal.org/article01.php?aid=1577>*.
227. Kennedy, V. *Intended Tropes and Unintended Metatropes in Reporting on the War in Kosovo // <http://www.usis.it/wireless/wf981006/98100601.htm>*, 2000.

228. Kroeber, A. L., Kluckhohn, C. *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions*. – New York, 1952.
229. Kuusisto, R. *Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definition of the Western Power Leaders in Action* // *Journal of Peace Research*. – 1998. – Vol. 35. – P. 303–320.
230. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. – Chicago; London, 1987.
231. Lakoff, G. *Metaphor in Politics: An open letter to the Internet* // <http://zakros.ucsd.edu/~trohrer/metaphor/lakoff-1.htm>, 1991.
232. Lakoff, G. *Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf (Part 1 of 2)* // http://lists.village.virginia.edu/sixties/HTML_docs/Texts/Scholarly/Lakoff_Gulf_Metaphor_1.html (a).
233. Lakoff, G. *Framing the Dems: How Conservatives Control Political Debate and How Progressives can Take it Back* // <http://www.prospect.org/web/page.ww?section=root&name=ViewPrint&articleId=6862> (b).
234. Lakoff, G. *The Mind and the World* // [pdf_hid=1.2&bid=1.pdf](#) (c).
235. Lakoff, G. *Don't Think of an Elephant! Know your Values and fFame the Debate*. – New York, 2004.
236. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors we Live by*. – Chicago, 1980.
237. Lakoff, G., Johnson, M. *Philosophy in the Flesh*. – New York, 1999.
238. Lyman, S. M., Scott, M. B. *The Drama of Social Reality*. – New York, 1975.
239. MacIntyre, A. *After Virtue. A Study in Moral Theory*. – London, 1990.
240. Manning, P. K. *Dramaturgy, Politics, and the Axial Media Event* // *Sociological Quarterly*. – 1996. – Vol. 37(2). – P. 261–279.
241. Merelman, R. M. *The Dramaturgy of Politics* // *The Sociological Quarterly*. – 1969. – Vol. 10. – P. 216–241.
242. *Metaphor and the Language of Futures* // *New Thinking for a New Millenium: the knowledge base for future studies* // <http://www.laetusinpraesens.org/docs/devlang.php>, 1995.
243. Malone, C. *The Sport of Politics* // www.inthemix.org/shows/show_politics5.html.

244. Mount, F. *The Theatre of Politics*. – London, 1972.
245. Naimo, J. *Space-Time-Event-Motion (STEM) – a better metaphor and a new concept!* // *Consciousness, Literature and the Arts* // <http://www.aber.ac.uk/tfts/journal/archive/naimo.html>, 2002.
246. Nicholls, D. *What we talk about when we talk about illness* // <http://www.macmillandictionary.com/MED-Magazine/january2004/15-Metaphor-Illness.htm>, 2004.
247. Nisbett, R. *Social Change and History*. – Chicago, 1969.
248. Paris, R. *Kosovo and the Metaphor of War* // *Political Science Quarterly*. – 2002. – Vol. 117 (3). – P. 424–451.
249. Radden, G. *The Metaphor TIME AS SPACE across Languages* // *Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht* [Online]. – 2003. – Vol. 8 (2/3). – P. 5–19.
250. Ritchie, D. *Argument is War – Or is it a Game of Chess?* // *Metaphor and Symbol*. – 2003. – Vol. 18 (2). – P. 125–146.
251. Rohrer, T. *The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order* // *Metaphor and Symbolic Activity*. – 1995. – Vol. 10 (2). – P. 56–79.
252. Seidel, G. *Political Discourse Analysis* // *Handbook of Discourse Analysis*. – London, 1985. – Vol. 4. – P. 43–60.
253. Schon, D. *Generative Metaphor: a Perspective on Problem-Setting in Social Policy*. – Ortony, 2000.
254. Schäffner, C. *Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der Deutschen, Britischen und Amerikanischen Presse*. // *Inszenierte Information. Politik und Strategische Kommunikation in den Medien*. Herausgegeben von Grewenig. – Opladen, 1993.
255. Slaughter, R. *The Foresight Principle* // *Futures*. – 1990 (October). – P. 801–819.
256. Slaughter, R. *Developing a Metaphorical Language for the Future* // *Futures*. – 1993 (April). – P. 275–288.
257. Sontag, S. *Illness as Metaphor*. – New York, 1978.
258. Stuckley, M. E., Antzac, F. J. *The Battle of Issues and Images: Establishing Interpretive Dominance* // *Presidential Campaign discourse: Strategic communication problems*. – Albany, 1993.

259. Subedi, A. Politics and theatre // <http://www.kantipuronline.com/kolnews.php?&nid=11363>.
260. The Civic Culture Revisited: An Analytical Study / Ed. by G. Almond, S. Verba. – London, 1989.
261. Turner, M., Fauconnier, G. Metaphor, Metonymy and Binding // Metonymy and Metaphor. – Mouton de Gruyter, 1998.
262. Vervaeke, J., Kennedy, J. M. Metaphors in Language and Thought: Falsification and Multiple Meanings // Metaphor and Symbol. – 1996. – Vol. 11 (4). – P. 273–284.
263. Walker, J. Orbits in Strongly Curved Spacetime // <http://www.fourmilab.ch/gravitation/orbits/>, 1998.
264. Wander, P. The Rhetoric of American Foreign Policy // Quarterly Journal of Speech. – 1984. – Vol. 70. – P. 339–361.
265. Watzlawick, P. The Invented Reality. – New York, 1984.
266. Young, A. Geometry of Meaning. – Boston, 1978.
267. Zdenek, M. Inventing the Future. – New York, 1988.
268. Zinken, J. Metaphors, stereotypes, and the linguistic picture of the world: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin // Metaphoric de. – 2004. – Vol. 7 // <http://www.metaphorik.de/07/zinken.htm>.

Список словарей и справочников

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Михайлова М. Н., Паршин П. Б., Романова О. И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М., 2001.
4. Бурак А. Л., Тюленева С. В., Вихрова Е. Н. Россия. Cultural guide to Russia. – М., 2002.
5. Великобритания. Лингвострановедческий словарь. – М., 1999.
6. Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – СПб., 2002.

7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1996.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 2001.
10. Oxford English Dictionary. Additions Series. – Oxford, 1993. – Vol. 2.
11. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York, 1996.
12. Wikipedia <http://en.wikipedia.org/>

Список сокращений и аббревиатур

АиФ – Аргументы и факты

АПР – Аграрная партия России

КП – Комсомольская правда

КПЕ – Концептуальная партия «Единение»

КПРФ – Коммунистическая партия Российской Федерации

ЛДПР – Либерально-демократическая партия России

ММ – Метафорическая модель

НРПР – Народно-республиканская партия России

ПСС – Партия социальной справедливости

РКДП – Российская конституционно-демократическая партия

СЛОН – Союз людей за образование и науку

СПС – Союз правых сил

СР – Советская Россия

FT – Financial Times

The UKIP – The United Kingdom Independence Party

Приложение 1. Образы прошлого, настоящего и будущего в программных документах политических партий России и Великобритании

Таблица 1

Образ прошлого в программных документах политических партий России и Великобритании

«Единая Россия»	«Левые» привели Советский Союз к развалу, после чего Россией занялись «правые» – и это окончилось экономическим крахом. Почему? И те, и другие руководствовались радикальными идеологиями, не имеющими отношения к реальности.
КПРФ	Довольно нам жить чужим умом! У России всегда был свой путь. Она выбирала его из жизни, из многовековых традиций.
ЛДПР	Российское государство прошло в XX веке через кровавые, разрушительные войны, насильственные революции и губительные реформы, потеряло миллионы людей. Время разрушительных «реформ» и их инициаторов – лже-реформаторов и лжедемократов – подходит к концу. Но за последние полтора десятилетия XX века они ввергли страну в состояние национальной катастрофы.
СПС	Мы уже побеждали, и побеждали не однажды. Мы победили и в 1996-м, когда страна стояла перед угрозой реставрации коммунистического террора.
РКДП	Мы считаем себя преемниками конституционных демократов начала прошлого века или, как их называли в народе, кадетов. Мы постараемся доказать наше право на эту преемственность. Для нас, как и для кадетов начала XX века, особое значение имеет Конституция. Мы считаем, что продолжающееся в течение 25 лет ослабление нашей страны происходит в силу объективных причин. Главная из них – ненормальные отношения власти и общества, ненормальное состояние самого общества.

АПР	В период с 1991 по 2000 год разрушительные процессы затронули все сферы жизни общества. Демократия в России в период правления Ельцина приобрела уродливые формы, народовластие было подменено анархией в сочетании с авторитаризмом. Под лозунгами борьбы с коммунизмом общество было лишено объединяющей национальной идеи, а государство – четко выверенных ориентиров: что строим, куда идем, что впереди. Бюрократизация государственного аппарата в условиях отсутствия действенного контроля над его деятельностью приобрела невиданные размеры.
НРПР	Политическая элита конца прошлого века оказалась неспособной извлечь уроки из исторических ошибок в управлении страной. Все ее помыслы сосредоточились на удержании и воспроизводстве собственной неограниченной власти. Как результат, в стране был установлен авторитарный режим, опирающийся на единоличную, практически бесконтрольную и безответственную власть Президента.
The Labour Party	I have a confident belief in our country. We are not boastful. But we have real strengths. Great people. Strong values. A proud history. The British people achieved magnificent things in the 20th century. But for too long, our strengths have been undermined by weaknesses of elitism and snobbery, vested interests and social division.

Продолжение табл. 1

The Liberal Democrats	Under eighteen years of Conservative government, these freedoms steadily diminished. The sick waited longer for operations. Children were taught in larger and larger classes. Rail passengers suffered the consequences of a disastrous privatisation. Crime rose. Pensioners' incomes fell behind.
The Communist Party	'New' Labour has continued the Tory attack on the comprehensive system. 'New' Labour's National Minimum Wage has continued Tory discrimination against young people. The workplace isn't much fairer now than it was under the Tories.
КПЕ	Отсюда следует, что после 1917 года так называемой «общественной собственности» в СССР никогда не было. Разве могли «подлинные хозяева страны» – рабочие завода «Красный пролетарий» снять своего директора и назначить нового? Так называемая «общественная собственность» на самом деле была частной собственностью элитарной бюрократии (ЦК КПСС, крайкомы, обкомы, райкомы, горкомы). Эта партийная «элита» воспроизводила саму себя в «династических браках». Таким образом сложился управленческий корпус страны по кланово-мафиозному принципу. «Общественная собственность» была ширмой, которая прикрывала всевластие партийной мафии. Но даже эта ширма стала тяготить «элиту». Именно это и было использовано в качестве главного инструмента разрушения СССР. Перестройка предназначалась для ликвидации ширмы и легализации всевластия партийной «элиты» над «общественной собственностью» через ее «приватизацию».

Таблица 2

**Образ настоящего в программных документах политических партий
России и Великобритании**

«Единая Россия»	Последние годы стали для России периодом политической стабильности и уверенного восходящего развития. За эти годы мы многого добились. Фактом стал подъем экономики и эмоционального состояния общества. Мы выбрали власть, которой доверяет большинство. Взаимное доверие граждан и власти позволяет сообща решить проблемы, оставшиеся нам от предыдущих десятилетий
The Labour Party	Since May 1997 we have laid the foundations of a Britain whose economy is stronger, where investment is now pouring into public services, where social division is being slowly healed and where influence abroad is being regained.
The Liberal Democrats	In Scotland, where Liberal Democrats are part of the government, we have already guaranteed free personal care. We have also abolished tuition fees, and we want to do this for the rest of the United Kingdom.
КПРФ	Она (КПРФ) не сидит, сложа руки в его ожидании, а жестко выступает против творимого в настоящем беззакония и произвола. Она борется за проведение в настоящем тех перемен, которые лягут в основу справедливого будущего. ГОЛОСУЙТЕ ЗА НАРОДНЫЙ БЛОК КПРФ, ЗА НАСТОЯЩУЮ ПАРТИЮ!

Продолжение табл. 2

ЛДПР	Ныне наступил новый исторический этап – этап очищения России от мракобесия и засилья враждебных внутренних и внешних сил, этап ее возрождения как великой державы, могучей и миролюбивой, гуманной и демократической, свободной и процветающей, дающей всему миру пример подлинной цивилизованности и высокой духовности.
ПСС	Изменения в институтах и механизмах власти привели к резкому сокращению ответственности государства за решение социальных проблем. Реализованные на практике методы приватизации, сложившаяся в стране система экономических отношений обусловили концентрацию общественного богатства в руках узкого слоя собственников. Повседневными явлениями стали коррупция, преступность и насилие. Возник раскол между обществом и государством, стали нарастать социальные противоречия и внутри самого общества.
«За Русь Святую»	Незаконное отторжение и передел собственности с попранием прав ее законных владельцев не могут быть одобрены. Опыт отечественной истории показывает, что нарушение этих принципов неизбежно приводит к социальным потрясениям и страданиям людей.
АПР	Сегодня большинство граждан бывшего СССР – те, кто в кровавых битвах защищал социализм и те, кто в нем родился, собирался жить и работать, – практически оказались в своей стране лишними людьми, выброшенными на обочину общественного внимания и государственной заботы.
НППР	Современный период развития российского общества по-прежнему характеризуется большими потерями, издержками и противоречиями.
СЛОН	Уже много лет страна не имеет ясной стратегии национального развития. Мы видим острое несоответствие между уровнем интеллектуальных возможностей России и невостребованностью инновационного потенциала в нашей экономике.

«ЯБЛО-КО»	Экономикой России сегодня управляют олигархические группы, присвоившие национальные богатства страны. Их интересы обслуживает Правительство. В результате большинство граждан оказывается на грани выживания, а Россия лишается перспектив. Россия превратилась в страну массовой нищеты и показной роскоши.
КПЕ	Причиной всех бед и страданий нашего народа является бездарное, плохое управление страной, ставшее возможным из-за отсутствия долгие годы в России собственной концепции управления, учитывающей особенности страны. В результате нам навязали западную концепцию управления, которая работает на интересы Запада, а не народа России.
«Истинные патриоты России»	Многие из известных в стране партий не ставят во главу угла проблемы, которые корнями уходят в многонациональную и поликонфессиональную природу нашего общества; в эрозию духовно-нравственных ценностей и общественных идеалов, что без преувеличения представляет угрозу национальной безопасности страны.
The Communist Party	«New» Labour has squandered many of the aspirations awakened by its landslide victory in 1997. It has failed to make Britain a better, fairer and more equal society. It has put the interests of the European Union, big business, the City and the very rich before those of working people.

Продолжение табл. 2

The Conservative Party	Labour does not understand our country and cannot value what it cannot understand. Britain is one of the world's most respected democracies, one of its most influential leaders, one of its most prosperous nations and one of its greatest military powers. Our possession of all of these qualities, which we rightly value, depends on our ability to govern ourselves. And all of them are now put at risk by the threat that is now posed to our independence. Labour have lost confidence in our ability to govern ourselves. Its time for common sense.
The Liberal Party	As the problems we face become more complex, our politics are becoming ever more superficial; increasingly, politicians tackle the symptoms of the disease not the cause of it.
The Green Party	Our health service is failing and our railways are crumbling. Stress, depression and juvenile delinquency stand at record levels.
Left Alliance	The Labour party used to represent the interests of ordinary people. Now «New Labour» just does what the rich and the Americans tell them. They should be called «New Tories». No party now represents ordinary working people, pensioners, or poor people except Left Alliance.
The UKIP	Not only is our currency under threat, but our entire legal system, our British nationality, our right to free speech and freedom of association, our police, our armed forces, our own agricultural policy, our right to trade freely and the parliamentary system that underpins British liberty.

Таблица 3

Образ будущего в программных документах политических партий

России и Великобритании

«Единая Россия»	Сегодняшний выбор гораздо важнее: у граждан России появился реальный шанс выбрать успешное будущее для себя и для всей страны... Таковы ближайшие вехи нашего пути в безопасное, обеспеченное, достойное будущее. Мы верим, что России по силам пройти этот путь. Успех России – в наших руках! Сделаем 7 декабря шаг к этому.
ЛДПР	Человечество вступило в XXI столетие с тяжелым грузом прошлого и с большими надеждами на лучшее будущее. Вывести наше Отечество из всеобщей разрухи и кризиса, добиться его возрождения и расцвета – такую задачу ставит перед собой Либерально-демократическая партия России.
КПРФ	За это борется КПРФ – партия будущего! За власть трудового народа! За дело патриотов! За родную землю и народную волю! За будущее России!
РКДП	По сути, идеология Российской Конституционно-демократической партии – это идеология доверия человеку, его инициативе; идеология, ставящая не на словах, а на деле человека выше государства. Идеология, способная привести к перевороту в жизни России.
«ЯБЛОКО»	Цель партии «ЯБЛОКО» – превратить Россию в страну, где людям хорошо жить. Мы добиваемся уменьшения социального неравенства. Мы за общество равных возможностей.

Продолжение табл. 3

СПС	Теперь нам предстоит победить в 2003 году. Потому что Россия опять оказалась перед исторической развилкой. Один путь ведет в сторону развития демократии и рынка, формирования открытой политической системы и инновационной экономики, экономики знаний, то есть – к демократическому рынку. Другой – к полицейско-бюрократическому капитализму, где основной и монополющий игрок на рынке – государство, институты демократии декоративны, демократические процедуры не работают, а лишь имитируются. Нам снова предстоит сделать исторический выбор. И «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» готов исполнить свою историческую миссию – удержать Россию на столбовой дорожке цивилизации. Мы должны защитить демократические завоевания прошлого. И тем самым защитить будущее России... Никому не выгодно жить в прошлом и быть обреченным на то, чтобы долгие десятилетия «догонять» весь остальной мир. «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» работает на будущее и ради будущего. «СОЮЗ ПРАВЫХ СИЛ» – это партия будущего. Будущее начинается сейчас. Наше время пришло, потому что мы правы.
СЛОН	Наша страна стоит перед выбором: сохранить свою науку и образование, вывести их на качественно новые рубежи, обеспечить использование наукоемких технологий и стабильный подъем экономики – или постепенно превратиться в сырьевой придаток развитых стран, с деградирующей средой обитания и характерной для такого «придатка» интеллектуальной отсталостью и политической беспомощностью.
ПСС	Главное состоит в том, чтобы программа уже сегодня стала основой конструктивных политических действий, направленных на продвижение нашего общества и государства по пути социальной справедливости.

«За Русь Святую»	Всероссийская политическая партия «За Русь Святую» видит свою миссию в формировании в российской политической жизни России такой атмосферы, которая способствовала бы улучшению духовно-нравственного состояния и экономическому процветанию нашего государства.
АПР	Она (АПР) видит в числе своих сторонников тех, кто считает, что без процветающей деревни не возродится Россия, кто искренне заинтересован в том, чтобы Россия уверенно и спокойно шла в будущее.
КПЕ	Программа содержит целостную систему мер по наведению в стране человеческого порядка и выведению России из тупика «реформ» на широкую и светлую дорогу, когда все люди смогут жить спокойно, счастливо, в достатке, с уверенностью в таком же счастливом и мирном завтрашнем дне для себя и для своих детей и внуков.
НРПР	Россия должна избрать собственный путь развития, отличный и от прежних коммунистических догм, и от сегодняшних криминально-капиталистических будней. Это и есть третий путь. Он позволяет взять все лучшее и от исконно российских корней, и от западной цивилизации, и от достижений, а их тоже немало, общества социализма.
The Labour Party	Now is the chance to build the future properly, to make the second term the basis for a radical programme of British renewal... We need the second term to do all this. That is the choice: to make progress or to dismantle the foundations laid.
The Conservative Party	A Conservative Government will be optimistic about Britain's future because we are comfortable with Britain's past.

Продолжение табл. 3

The Liberal Democrats	Three simple words. Freedom, Justice, Honesty. These sum up what the Liberal Democrats stand for. Freedom – because everybody should have the opportunity to make the most of their life. Justice – because freedom depends on fairness. Honesty - because where fairness has a cost, like investing in schools, hospitals and pensions, we explain how it will be paid for.
the Liberal Party	We seek to build a Liberal society in which every citizen possesses liberty, property and security, with none enslaved by poverty or ignorance.
The Green Party	The Green Party is reaching for the future. We are working to create a secure society in Britain, a multicultural society, in harmony with nature, where justice underpins every aspect of national life. We are reaching for a future that is sustainable and just. Join us. Vote Green.
The UKIP	The UKIP really believes in Britain and Britain's future as an independent nation competing in the world..
The Communist Party	The Communist Party fights for socialism. We are committed to building an equal, democratic society in which people's needs are put before private corporate greed. We campaign for policies which will shift Labour back to championing the interests of its traditional supporters.

**Приложение 2. Процентное соотношение метафорических моделей,
используемых при моделировании прошлого, настоящего и будущего
в парламентском дискурсе России и Великобритании**

Таблица 1

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа прошлого России**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Милитарная ММ	33,9
2. Криминальная ММ	25,5
3. Морбиальная ММ	9,3
4. Религиозная ММ	4,9
5. ММ Торговли	3,7
6. Фитоморфная ММ	3,1
7. Физиологическая ММ	2,8
8. Зооморфная ММ	2,8
9. ММ Путешествия	2,5
10. Театральная ММ	2,5
11. Монархическая ММ	2,5
12. Механистическая ММ	2,2
13. Игровая ММ	1,9
14. ММ Строительства	0,6

15. ММ Родства	0,6
16. ММ Неживой природы	0,3
17. Спортивная ММ	0,3
18. Сексуальная ММ	0,3
19. Инструментальная ММ	0,3

Таблица 2

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа настоящего России**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Милитарная ММ	24,2
2. Театральная ММ	9,4
3. Криминальная ММ	8,1
4. Зооморфная ММ	7,8
5. Морбиальная ММ	7,6
6. Физиологическая ММ	7,1
7. Спортивная ММ	4,4
8. Фитоморфная ММ	4,1
9. Религиозная ММ	3,9
10. ММ Торговли	3,6
11. Сексуальная ММ	3,5
12. ММ Путешествия	3,4
13. Игровая ММ	2,9

Продолжение табл. 2

Название ММ	Количество метафор (%)
14. ММ Родства	2,5
15. Механистическая ММ	2,4
16. ММ Дома	1,9
17. ММ Неживой природы	1,4
18. Монархическая ММ	0,7
19. Инструментальная ММ	0,5
20. ММ Строительства	0,4

Таблица 3

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа будущего России**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Игровая ММ	19,6
2. Милитарная ММ	15,7
3. Зооморфная ММ	14,1
4. Морбиальная ММ	11,8
5. Физиологическая ММ	7,8
6. ММ Путешествия	7,3
7. Монархическая ММ	5,0
8. Театральная ММ	3,4

9. Спортивная ММ	3,4
10. Криминальная ММ	2,2
11. ММ Строительства	2,2
12. Механистическая ММ	1,9
13. ММ Торговли	1,9
14. Религиозная ММ	1,1
15. ММ Неживой природы	1,1
16. ММ Дома	0,5
17. Фитоморфная ММ	0,5
18. ММ Родства	0,5

Таблица 4

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа прошлого Великобритании**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Милитарная ММ	38,6
2. ММ Строительства	12,9
3. Морбиальная ММ	8,3
4. Спортивная ММ	7,1
5. Театральная ММ	4,7
6. ММ Торговли	4,7
7. ММ Пути	4,3

Продолжение табл. 4

Название ММ	Количество метафор (%)
8. ММ Неживой Природы	4,3
9. Криминальная ММ	3,5
10. Педагогическая ММ	3,5
11. ММ Родства	2,4
12. Зооморфная ММ	2,4
13. Механистическая ММ	1,6
14. Игровая ММ	0,9
15. Физиологическая ММ	0,4
16. Фитоморфная ММ	0,4

Таблица 5

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа настоящего Великобритании**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Милитарная ММ	26,6
2. Театральная ММ	11,9
3. Морбиальная ММ	11,6
4. Криминальная ММ	5,6
5. Спортивная	5,6
6. Физиологическая ММ	5,6

7. ММ Путешествия	4,8
8. Зооморфная ММ	4,5
9. ММ Родства	3,9
10. Религиозная ММ	3,7
11. ММ Торговли	3,2
12. ММ Строительства	2,8
13. Механистическая ММ	2,4
14. ММ Неживой Природы	2,3
15. Игровая ММ	2,3
16. Педагогическая ММ	1,5
17. Сексуальная ММ	0,7
18. Монархическая ММ	0,4
19. Фитоморфная ММ	0,3
20. ММ Дома	0,2
21. ММ Инструмента	0,1

Таблица 6

**Процентное соотношение метафорических моделей, используемых
при моделировании образа будущего Великобритании**

Название ММ	Количество метафор (%)
1. Милитарная ММ	27,3
2. ММ Путешествия	20,3
3. Морбиальная ММ	13,2
4. ММ Строительства	5,3

Продолжение табл. 6

Название ММ	Количество метафор (%)
5. Театральная ММ	5,1
6. Криминальная ММ	4,4
7. Физиологическая ММ	3,9
8. ММ Родства	3,5
9. Игровая ММ	3,5
10. Сексуальная ММ	3,1
11. ММ Торговли	1,8
12. Зооморфная ММ	1,8
13. Религиозная ММ	1,5
14. ММ Неживой Природы	1,5
15. Механистическая ММ	1,1
16. Монархическая ММ	1,1
17. Педагогическая ММ	0,9
18. Спортивная	0,7

8. Игровая ММ	+	+	+	+	+	+
9. ММ Торговли	+	+	+	+	+	+
10. Механистическая ММ	+	+	+	+	+	+
11. Фитоморфная ММ	+	+	+	+	+	-
12. Монархическая ММ	+	-	+	+	+	+
13. Религиозная ММ	+	-	+	+	+	+
14. Сексуальная ММ	+	-	+	+	-	+
15. Инструментальная ММ	+	-	+	+	-	-
16. ММ Дома	-	-	+	+	+	-
17. Педагогическая ММ	-	+	+	+	-	+

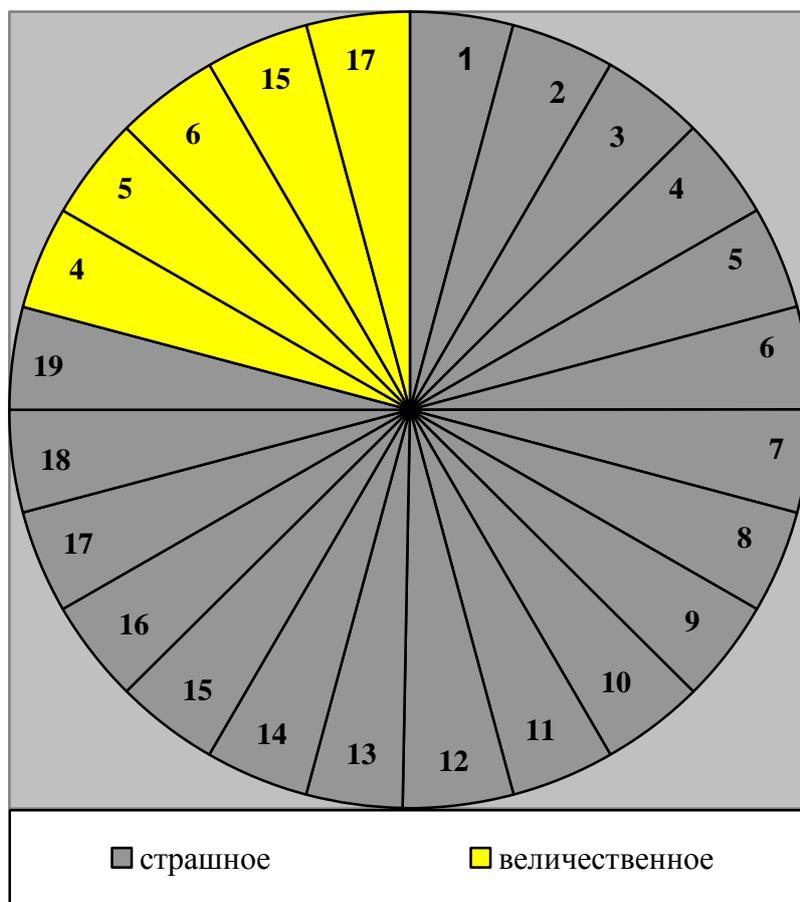
 – общие тенденции в использовании менее частотных ММ при создании образов прошлого, настоящего и будущего в российском и британском политическом дискурсе

 – специфичные черты создания образов прошлого, настоящего будущего в российском и британском дискурсе в рамках менее частотных ММ

**Приложение 4. Использование метафорических моделей
для поляризованного представления прошлого, настоящего и будущего**

Диаграмма 1

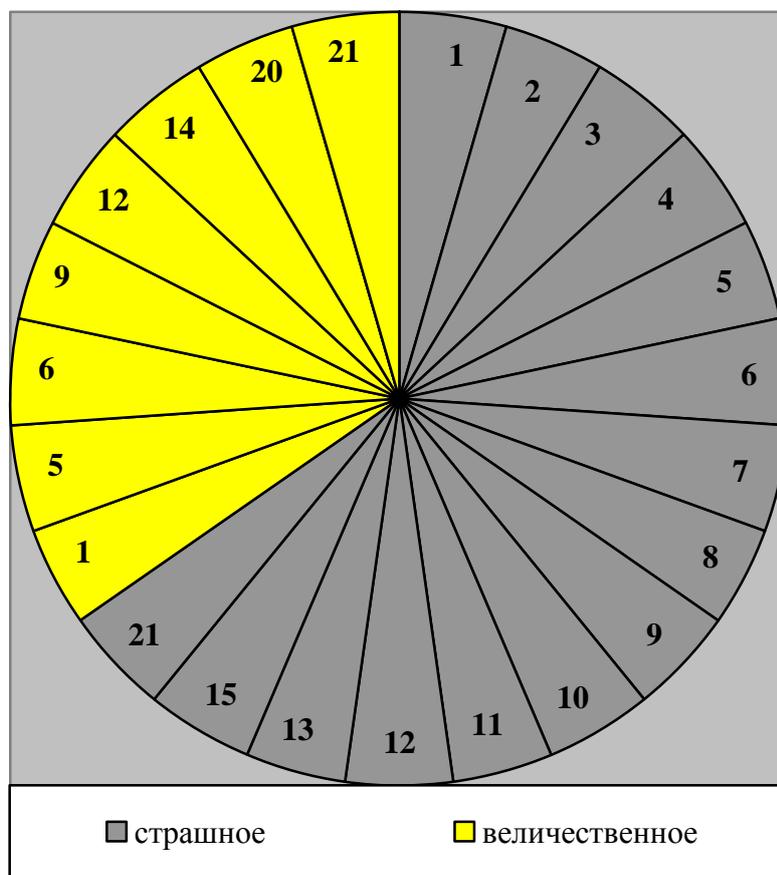
**Отображение образа прошлого
в российском политическом дискурсе**

1. Военная ММ	12. ММ Неживой природы
2. Ужасная ММ	13. ММ Торговли
3. Криминальная ММ	14. Механистическая ММ
4. Театральная ММ	15. Фитоморфная ММ
5. ММ Пути	16. Монархическая ММ
6. ММ Строительства	17. Религиозная ММ
7. Физиологическая ММ	18. Сексуальная ММ
8. Зооморфная ММ	19. Инструментальная ММ
9. Спортивная ММ	20. ММ Дома
10. Игровая ММ	21. Педагогическая ММ
11. ММ Родства	

Диаграмма 2

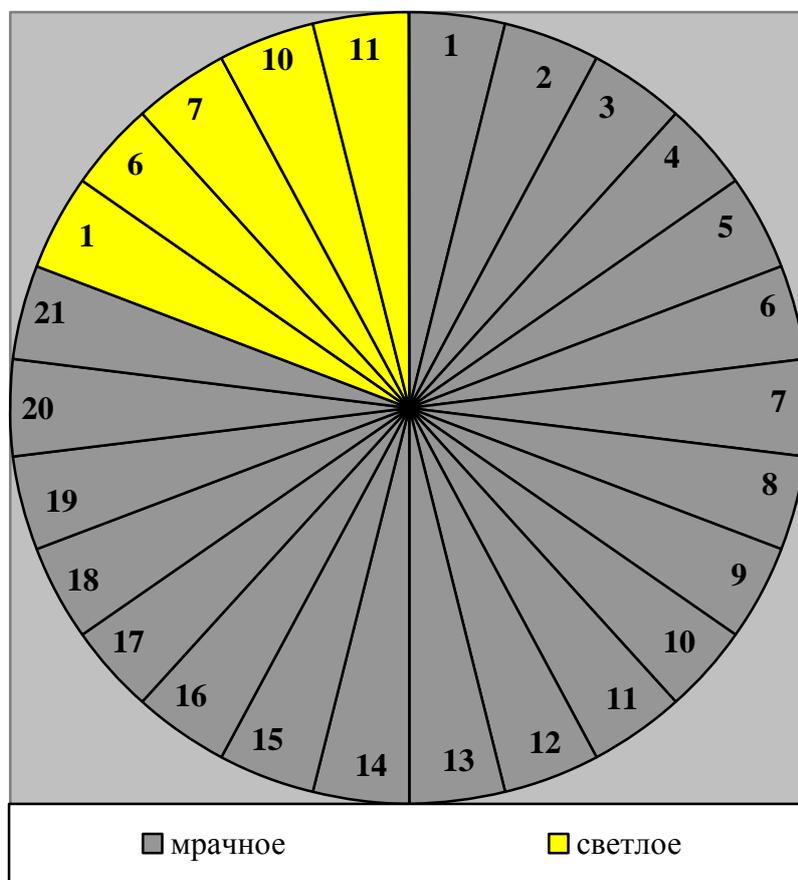
**Отображение образа прошлого в британском
политическом дискурсе**

1. Военная MM	12. MM Неживой природы
2. Морбиальная MM	13. MM Торговли
3. Криминальная MM	14. Механистическая MM
4. Театральная MM	15. Фитоморфная MM
5. MM Пути	16. Монархическая MM
6. MM Строительства	17. Религиозная MM
7. Физиологическая MM	18. Сексуальная MM
8. Зооморфная MM	19. Инструментальная MM
9. Спортивная MM	20. MM Дома
10. Игровая MM	21. Педагогическая MM
11. MM Родства	

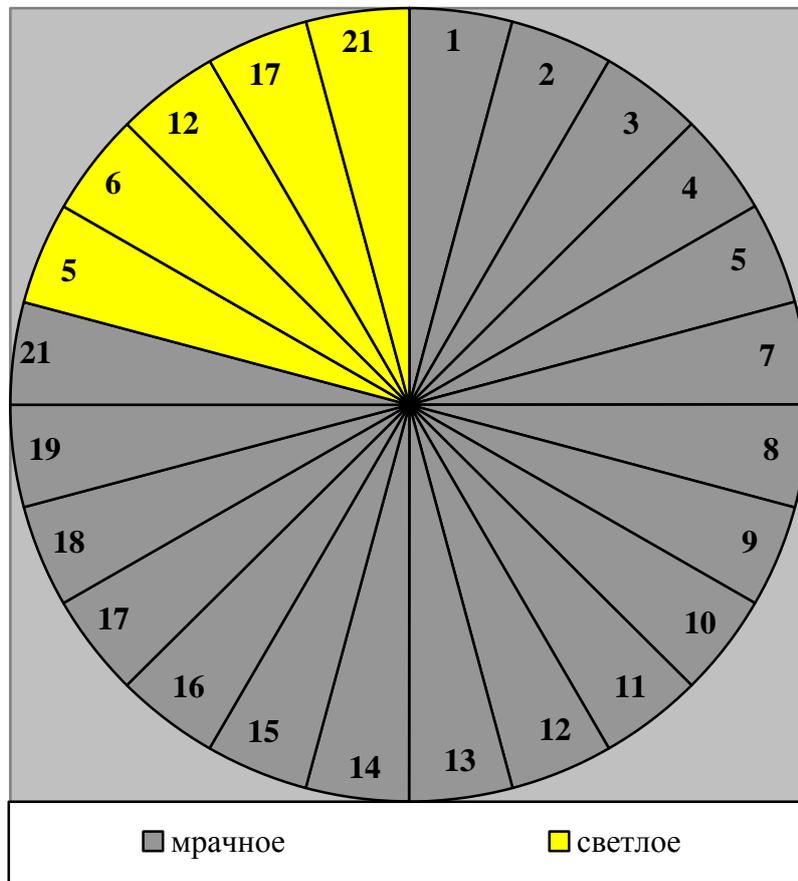
Диаграмма 3

**Отображение образа настоящего
в российском политическом дискурсе**

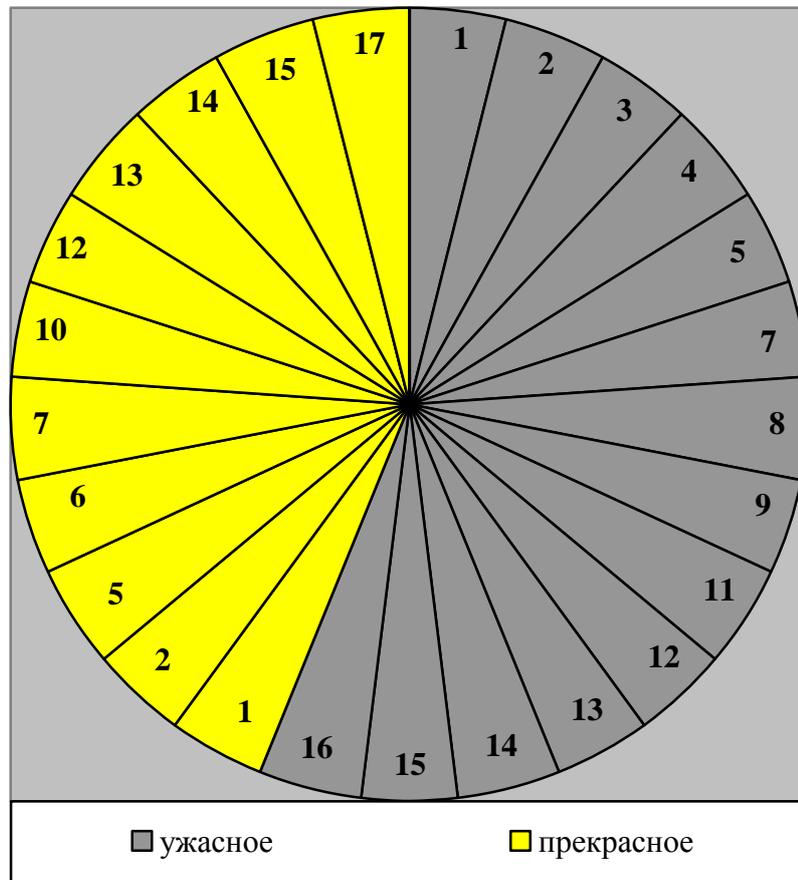
1. Милитарная ММ	12. ММ Неживой природы
2. Морбиальная ММ	13. ММ Торговли
3. Криминальная ММ	14. Механистическая ММ
4. Театральная ММ	15. Фитоморфная ММ
5. ММ Пути	16. Монархическая ММ
6. ММ Строительства	17. Религиозная ММ
7. Физиологическая ММ	18. Сексуальная ММ
8. Зооморфная ММ	19. Инструментальная ММ
9. Спортивная ММ	20. ММ Дома
10. Игровая ММ	21. Педагогическая ММ
12. ММ Родства	

**Отображение образа настоящего
в британском политическом дискурсе**

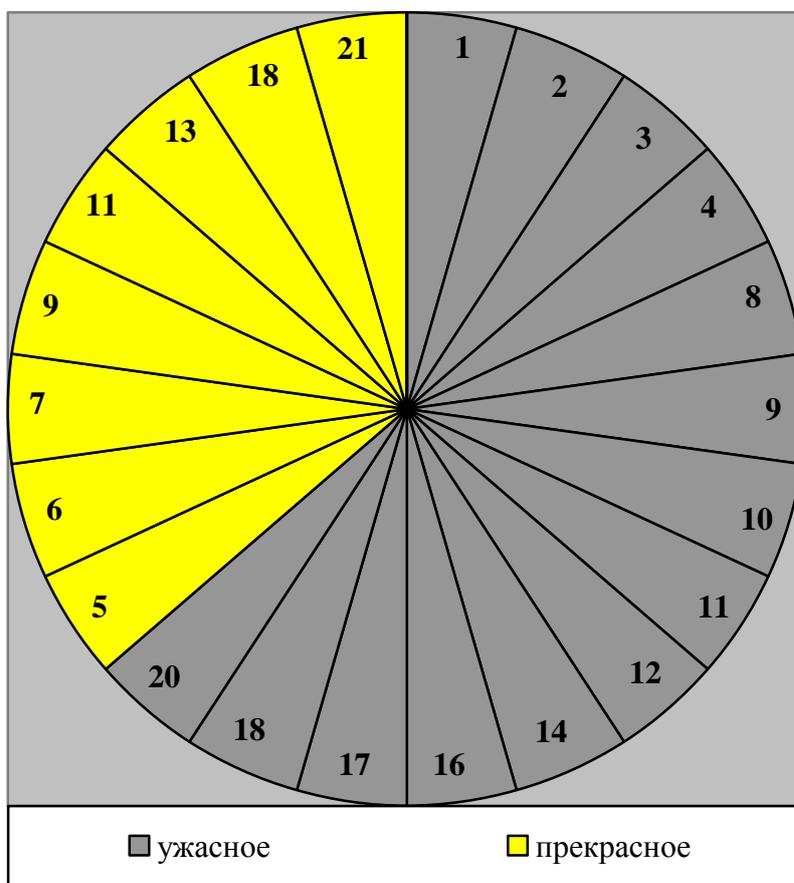
1. Милитарная ММ	12. ММ Неживой природы
2. Морбиальная ММ	13. ММ Торговли
3. Криминальная ММ	14. Механистическая ММ
4. Театральная ММ	15. Фитоморфная ММ
5. ММ Пути	16. Монархическая ММ
6. ММ Строительства	17. Религиозная ММ
7. Физиологическая ММ	18. Сексуальная ММ
8. Зооморфная ММ	19. Инструментальная ММ
9. Спортивная ММ	20. ММ Дома
10. Игровая ММ	21. Педагогическая ММ
11. ММ Родства	

**Отображение образа будущего
в российском политическом дискурсе**

1. Милитарная ММ	12. ММ Неживой природы
2. Морбиальная ММ	13. ММ Торговли
3. Криминальная ММ	14. Механистическая ММ
4. Театральная ММ	15. Фитоморфная ММ
5. ММ Пути	16. Монархическая ММ
6. ММ Строительства	17. Религиозная ММ
7. Физиологическая ММ	18. Сексуальная ММ
8. Зооморфная ММ	19. Инструментальная ММ
9. Спортивная ММ	20. ММ Дома
10. Игровая ММ	21. Педагогическая ММ
11. ММ Родства	

**Отображение образа будущего
в британском политическом дискурсе**

1. Милитарная ММ	12. ММ Неживой природы
2. Морбиальная ММ	13. ММ Торговли
3. Криминальная ММ	14. Механистическая ММ
4. Театральная ММ	15. Фитоморфная ММ
5. ММ Пути	16. Монархическая ММ
6. ММ Строительства	17. Религиозная ММ
7. Физиологическая ММ	18. Сексуальная ММ
8. Зооморфная ММ	19. Инструментальная ММ
9. Спортивная ММ	20. ММ Дома
10. Игровая ММ	21. Педагогическая ММ
11. ММ Родства	